

ИСТОЧНИК

Документы
русской истории

Приложение
к журналу «РОДИНА»

19394

Дорогие читатели!

Началась подписная кампания на второе полугодие 1994 года. Мы планируем выпустить во втором полугодии 3 номера «Источника».

Подписная цена — 2250 рублей, из расчета 750 рублей за номер.

Индекс журнала — 73187.

Подписка производится в любом отделении связи.

Организована подписка для жителей нескольких городов России без доставки почтой.

Москва:

Бутырский вал, д. 8/3,
«Старообрядческая книжная лавка».

Проезд: метро «Белорусская».

Тел.: 251-06-12.

Санкт-Петербург:

Измайловский проспект, д. 18, кв. 8.
Питерский Л. С.

Тел.: 251-17-10.

Владимир:

Тел.: 4-52-61.

Екатеринбург:

ул. Тургенева, 13. Тел.: 51-96-16.

Журнал зарегистрирован в Мининформпечати РФ.
Рег. № 012124.

Учредители:

Государственная архивная служба России,
А/О Издательский дом «Родина».

Адрес редакции:

103728, Москва, ул. Воздвиженка, 4/7.

Тел.: 202-15-93

202-49-74.

ИСТОЧНИК

Документы
русской истории

1994/3(10)

scan waleriv

scan waleriv

Приложение
к российскому историко-публицистическому журналу
«РОДИНА»

В НОМЕРЕ:

Письма из прошлого

- 4 **Неизвестные знаменитости**
«Будущий артист императорских театров». *Письма Александра Керенского родителям.*

- 23 **Из личного архива**
«Кто может, спасается и уходит». *Дневник В. И. Вернадского (окончание).*

Утраченное наследие

- 32 **Забытое имя**
«Дума — так Дума!..» *Художник Валерий Каррик и его карикатуры.*
- 35 **Русские пророки**
«Европа нас не знает, не понимает и не любит».

- 41 **Белое движение**
«Добровольческая тактика заслонила военное искусство». *Мемуары генерала Е. И. Достовалова.*

Фотоархив

- 58 **Из тюремной камеры**
«Назначено арестантам выдавать вознаграждение». *Исправительно-трудовые работы в прошлом веке.*

Подоплека событий. Версии

- 72 **Предисловие к расстрелу**
«Невольники в руках германского рейхсвера». *Речь И. В. Сталина в Наркомате обороны.*

- 89 **Повседневный ЦК**
Художник и власть
91 «Корину позируют подонки».

- 95 **Конфиденциально**
Н. С. Хрущев: «Мы свергли царя, а вы испугались Абрамовича». *Запись беседы Н. С. Хрущева с делегацией Рабочей прогрессивной партии Канады.*

- 102 **Рассекречено**
«Большая часть военнопленных пополнит ряды социалистической единой партии Германии». *Неизвестный проект фельдмаршала Паулюса.*

- 108 **Инакомыслие**
«Отказываюсь от гражданства».

Описание России. Исторический ландшафт

- 112 **В глубине веков**
«Описание Московской губернии». Богородск, Бронницы, Никитск, Подол (*окончание*).

В конце номера

- Юмор из спецхрана**
127 У кого на лбу свастика?
128 «Название города давно устарело».

ISTOCHNIK

Documents
of Russian History 1994/3(10)

scan waleriy

scan waleriy

Letters from the Past

- Unknown heroes**
4 Letters of A. Kerensky to his parents.
- From the personal archive**
23 The diary of V. Vernadsky (the end).

The Lost Heritage

- Forgotten name**
32 Painter V. Karrik and his caricatures.
- Russian Prophets**
35 Europe doesn't know us, doesn't understand and doesn't like us.
- The White Movement**
41 Memoirs of general E. Dostovalov.

Photos

- From the Prison**
58 Corrective labour in the last century.

All written material, unless otherwise stated, is the copyright of Rodina Magazine and its supplement Istochnik

© Перепечатка разрешается только по соглашению с редакцией.

Главный редактор
Р. Г. Пихоя,
руководитель Государственной архивной службы России,
доктор исторических наук

Ответственный редактор
В. Н. Денисов

Ответственный секретарь
Т. П. Лецинская

Над номером работали:

Редактор отдела *С. В. Кудряшов*

Художник *В. И. Кучмин*

Компьютерная верстка *О. П. Солововой*

Набор и верстка произведены в компьютерном центре журнала «Родина».

Behind the Scenes. Versions

- Preface to the execution**
72 Stalin's speech in the Narkomat of Defence.
- Everyday life of the Central Party Committee.**
89
- 91 Artist and the State.
- Confidential**
95 A meeting of N. Khrushchev with the canadian workers delegation
- Declassified**
102 «A great part of german POWs will join the SED».
Unknown project of Field-Marshal Friederich von Paulus.
- Nonconformism**
108 Pages of the Soviet Dissident Movement

Descriptions of Russia

- 112 Bogorodsk, Bronnitsy, Nikitsk and Podol (the end).

At the end of the Issue

- 127 Archival humour.

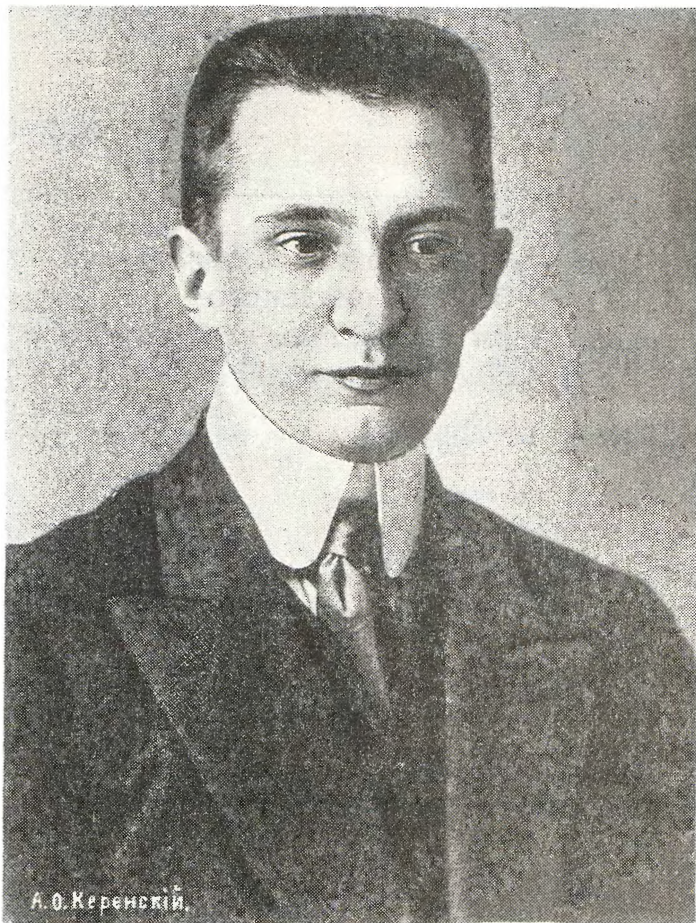
ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

Молодой Керенский
не собирался стать политиком.
*Об этом свидетельствуют
его письма родителям.*

Из личного архива академика
В. И. Вернадского.
*Заканчиваем публикацию его дневников
периода гражданской войны.*

«... Будущий АРТИСТ Императорских Театров»

Письма Александра Керенского родителям

А. Ф. Керенский.

Звезда А. Ф. Керенского стремительно вспыхнула на российском политическом небосклоне весной 1917 г., а осенью быстро закатилась. В 1918 г. он покинул Россию и с тех пор уже не ступал на ее землю. Читал лекции, писал мемуары, переезжал из города в город, из страны в страну. Умер А. Ф. Керенский в 1970 г. в возрасте

89 лет в Нью-Йорке. Свой последний приют «бывший премьер-министр России» — так он писал в графе «профессия» в книгах посетителей гостиниц — нашел в Англии на лондонском кладбище Патни-Вейл. Публикуемые впервые письма датируются 1895—1905 гг. Они знакомят читателя с Керенским-гимназистом,

Источник 3/1994

студентом, начинающим помощником присяжного поверенного. Этот период жизни будущего всероссийского кумира менее известен, и потому нелишне напомнить основные факты его биографии. Саша Керенский родился 22 апреля 1881 г. в Симбирске в семье директора местной гимназии. У Федора Михайловича и Надежды Александровны Керенских кроме Александра было еще четверо детей: дочери Надежда (род. в 1875 г.), Елена-Леля (род. в 1877 г.), Анна-Нета (род. в 1879 г.), младший брат Федор (род. в 1883 г.). В 1889 г. отец был назначен главным инспектором училищ Туркестанского края, и семья переехала в Ташкент. Там прошли гимназические годы Александра.

В 1917 г. были опубликованы воспоминания учителя гимназии Ф. Дукмейстера, наблюдавшего Керенского в 4-м классе (к этому времени относятся первые из публикуемых писем). По словам педагога, «ничто в нем не предвещало тогда будущего министра революции. Он охотно подчинялся всем довольно строгим тогда правилам гимназии, усердно посещал гимназическую церковь и пел там на клиросе». Саша много выступал на любительской сцене, где его бесспорной актерской удачей, по общему признанию, была роль И. А. Хлестакова, написанная

«как будто бы исключительно для него». Керенский мечтал об артистической карьере.

В 1899 г., окончив гимназию, Александр уезжает в Петербург, в университет. По примеру отца поступает на историко-филологический факультет, но год спустя переводится на юридический. Впервые оказавшись оторванным от родителей надолго, он рассказывает им в письмах о своей жизни. Его письма по большей части — монологи, в известном смысле личный дневник. Дневника в общепринятом понимании Керенский не вел, но свои импульсивные впечатления доверял страницам писем: ему нужен был слушатель, хотя бы заочный.

Вскоре у Александра появляется постоянный очный слушатель — курсистка О. Л. Барановская. Они познакомились осенью 1900 г. и стали неразлучны: об этом свидетельствуют многочисленные письма Ольги, сохранившиеся в архивном фонде Керенского. Летом 1904 г. состоялась свадьба. В публикуемых письмах, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации в составе личного фонда А. Ф. Керенского (Ф. 1807), орфография исправлена в соответствии с современными правилами. Синтаксис оригинала сохранен. Очевидные пропуски слов, требующие расшифровки сокращения раскрыты в квадратных скобках.

№ 1

22 марта 1895 г.

Поздравляю Вас, драгоценные, милые, глубокоуважаемые, бесценные Мама и Папа с светлым Х. Воскресением и желаю вам: здоровья, счастья, успеха и всего, всего хорошего! Боже! как без вас скучно: придешь домой из гимназии пойдешь к тебе, мама, в кабинет здороваться, да на дороге вспомнишь, что в кабинете пусто; вечером хочешь пойти к папе перевести Цезаря, опять вспомнишь, что и папино кресло пусто. Расскажу вам по порядку все, что у нас происходило с минуты вашего отъезда. Проводив ваш экипаж глазами до тех пор пока было видно, мы возвратились под крышу и немного закусили, потом пошли гулять на берег Салара, как там хорошо, просто чудо! Возвратившись, мы сели в коляски и поехали домой; приехав мы сели пить чай, потому что к нам приехали все провожавшие, кроме Преображенских, Дьячковых и Баумгарта. Проводив гостей в 5 часов сели обедать и с нами Варвара Васильевна и Валер. После обеда пошли гулять. По дороге встретили Баумгарта, который с нами также пошел. Вечером были гости и даже был винт на один стол, играли: Марья Васильна, Димитрий Федорыч, Михал Федорыч и Марья Эдуардовна (чудо, так редко бывает, а тут тоже явилась: «Иду мимо вижу свет, дай, думаю, зайду, посмотрю ведут ли они себя хорошо»). Кроме этих были: Николаев, Дьячковы, Марья Юрьевна, Соболева и все то есть больше никого. Но какое же сравнение прежних Воскресений и нынешнего все более частью молчали и зевали, чувствовался какой-то гнет и тоска, даже Марья Эдуардовна, выражаясь ее же собственными словами, редко бывала у нас, а также чувствовала себя как-то не по себе (как будто для того, чтобы чувствовать отсутствие главного лица, надо часто бывать). Варвара Васильна осталась ночевать. На другой день утром прибежала

часов в 7 1/2 Надя говоря, что Папа проспал и позабыл разбудить, но тут только мы напомнили, что Папы нет. Слава Богу, что вы уехали вчера, нынче часов с 3 начался дождь, лил до самого утра и погода до сих пор (пишу в среду вечером) не разяснилась; холод стоит довольно порядочный, так что нельзя выходить без пальто, вообще, будто погода нарочно дожидалась вашего отъезда и как только узнала, что вы уехали показала себя во всем блеске своей взбалмошной натуры. Надя нынче (среда) утром была с Марьей Васильевной в соборе на акафисте, служил тот самый священник, который действует так на наших религиозных (до болезненности) барынь. Впечатление, как говорит Надя, душевнобольного, когда тот входит в экстаз: наклонив голову набок, закрыв глаза он кричит, кричит, кричит, пока не устанет, потом опять кричит... Какое он производит впечатление можно судить по тому, что Марья Васильевна вышедши из церкви тут же зарыдала (по-моему тут не одно только то, что он душевнобольной, но есть какая-то причина более важная). Завтра мы все в 5 часов идем в театр, где Краузе показывает картины для учащихся, вход 25 к. Заметили ли вы коробку конфет, которую я по просьбе Дьконова положил под подушку? Напишите как перенесли лошадей, море и вообще все. Нот мне не надо, ибо Гордон уже выписал этюды, которые нужны. Не позабудьте сняться. У нас все идет смирно и тихо, драк не было (будете читать постучите об стол и скажите: тьфу, тьфу сухо дер. и т. д. чтобы не сглазить). Кланяйтесь и поздравляйте с праздником бабушку и всех кто меня знает. Вас поздравляет с праздником и целует крепко Няня, а также желает, чтобы исполнилось все то, что вы желаете. Валер также вас поздравляет и желает всего... Извините меня, мои драгоценные Мама и Папа, что вас затрудняю и надоедаю, может быть, своим письмом, но я не могу, чтобы хотя письменно не поделиться с вами впечатлениями и мыслями... Прошло еще только 3 дня, как вы уехали, а мне кажется, что я не видел Вас уже целый месяц. Горло почти не болит. До свиданья будьте здоровы счастливы, возвращайтесь скорей.

Любящий и оплакивающий отъезд Ваш сын: *Саша*.

ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 382. Л. 1—2 об.

№ 2

7 мая 1895 г.

Спасибо, большое спасибо, мама и папа за письмо, как приятно вспомнить, что вы не забыли меня: у меня уже прошли два экзамена благополучно, по одному 4 (латинский), а по другому 5 (греческий). Завтра у меня алгебра, а в среду русский (письмен). В письме от 22 апреля ты пишешь, чтобы я занимался диктовкой с Над. Вас., я это начал еще и до Вашего письма. Из Ташкента масса знакомых уезжает в Россию (как нам завидно остающимся, просто ужас!) 4 мая уехали Преображенские, они взяли с собой до Самарканда ученика приготов. клас. Кремера, и Марью Александровну Лидскую, чтобы ухаживать за Марьей Васильевной. Накануне отъезда вечером у них служили молебен, из нашей семьи присутствовали: Надеж. Васил., Леля и я (т. е. Саша). При прощаньи Евдокия Ефимовна так расплакалась, что чуть не упала (в обморок). Василь Федорович был настолько добр, что после молебна просил Над. Вас. привести к нему Федю (он сам сначала хотел к нему прийти, дела помешали) и сделал с ним пробный экзамен, это было накануне, а на другой день сам принимал к ним в класс и поправил некоторые ошибки. На выборах в благотворительном обществе был сделан большой подлог: большая половина членов выбрала председателницей тебя, но секретарь, читая вместо твоего имени — Жилинской, сейчас же рвал, не давая, как следует, бланки председателю (каково?) Нынче выехал Южакон лечиться в Петербург. На Вознесение мы собираемся в цирк с нами и Баумгарт. Там фигурируют два силача из которых один подымает более ста (100) пуд. (!!!!!) Клубничный сезон у нас приходит к концу, так что вы нынешний год останетесь без «сих злаков Бога-жива». Жары у нас особенной нет, хотя бывают дни, как напр. нынче, доходит до 30° в тени. Вчера вечером в клубе была музыка и Ростовцев. Вчера вечером у меня была мигрень, вообще без [вас] она навещала меня раз 4—5. У Нади тоже бывают мигрени, но гораздо чаще

Родители
А. Ф. Керенского.

моего, почти через день, вот и нынче лежит с 12 час. (пишу 4 ч.). Вечером у нас вероятно будут гости. Няня нынче ходила сниматься. Поклонись и поцелуй бабушку. Когда же вы наконец приедете ведь это ужасно. Поклон вам от Няни и Валера. Надо бросать звонят подавать обед.

Сын ваш: *Александр Федоров Керенский*

14 лет от роду в 4 классе на пороге V к. Роста среднего, сложения изрядного, особенно зад (я без вас пополнил от экзаменов). Примет особых нет.

Будущий Артист Императорских Театров

А. Керенский

Там же. Л. 13—14 об.

№ 3.

11 сентября [1899 г.]

Дорогой папа! Прости, что я так долго не писал тебе, но мне хотелось, сначала, хорошенько осмотреться, дать себе отчет, прийти в себя от этого хаоса новых впечатлений, лиц, явлений, в который я попал по приезде в Петербург. Тоскливо было первые дни. Дождь, полутемный номер, насморк и флюс и у мамы, и у меня. Первые два дня мы просидели в номере и невольно мысленно уносились в Ташкент, под горячее солнце. Но... он, видимо, Петербург нарочно утрюмо встречает приезжих, чтобы потом постепенно очаровывать их. Ни внешностью, ни природой производит он впечатление, не этим увлекает он, а полнотой своей внутренней жизни, полнотой умственной и эстетической. Эти театры, музеи, библиотеки невольно заставляют думать, стремиться к чему-то новому, неизвестному, но прекрасному. Театры! Какая роскошь во внешней обстановке, а главное во внутренней отделке пьес. Мы были раз в Мариинском (30 августа), но и тут первое впечатление было не такое, какого я ожидал. Но зато Александринский положительно очаровывает. Я был на «Шутниках», «Бесприданнице» и на «Джентльмене», видел Давыдова, Сазонова, Варламова, Горева, Ленского, Комиссаржевскую, Абарину, Домашеву и Мисурину: все восхитительно, но особенно Давыдов, Сазонов и Комиссаржевская. Вчера же ходил в Литературно-Артистич. театр на «Смерть Иоанна Грозного». Постановка выдержала эпоху замечательно и пьеса производила бы грандиозное впечатление, если бы не Долматов — Иоанн, который из измученного, умирающего тирана делает какого-то замоскворецкого купца. Завтра все идем смотреть знаменитого Орленева в «Федоре Иоан.»

Производить неблагоприятное первоначально впечатление суждено всем и всему. Напр., не избег этого и университет. Тебе мама, наверно, уже писала о той безурядице, о той проволочке, формализации, которые сопутствуют поступлению в университет. Но ведь это временное состояние, а вот там в самом университете т. е. во время занятий будет совсем другое. Но тут еще больше несчастье: не беспорядок, не сумятица, а отсутствие... профессоров, особенно у нас на филологическом. Пред-

Источник 3/1994

ставь себе на историческом отделении вышли в отставку в этом году оба столпа факультета Кареев и Гревс¹, остался только Платонов, да ужасный Соколов. Последний читает древнюю историю и всем нам: на кафедре появляется глубокий глубокий старец и начинает монотонным голосом перечислять каталог стран встречающихся у Гомера и это 7 лекций подряд! и так студентам, говорят второкурсники, целый год одни имена и года, без всяких пояснений, обобщений. Да разве это история, разве такой профессор может заинтересовать. Ужас, в гимназии Мослов был нетерпим, а здесь терпим профессор в десять раз худший его. Да лучше я попорядку перечислю наших профессоров. Пр. Зилинский — Илиада — 2 лек., читает красиво, может даже заинтересовать любителя, но слишком специально. Пр-д* Холодяк — Ювенал — 2 лекции и пр-д Ростовцев — Ливий — 2 лекции, оба эти читают монотонно и не привлекают к себе на лекции никого кроме завязанных классиков. Знаменитый пр. Соколов — 4! лекции. Пр. Соболевский — славянский и церковно-славянский — 3 лек., теперь читает древне-славянский красиво, ясно, четко, но и только. Затем полагается по часу практических занятий по-гречески — у пр-д Приденко и по-латинскому — у Холодяка: гадость и скука страшная. Наконец, пр. Введенский — логика и психология — 4 лек. вот единственный у нас (по филолог.) профессор, который собирает массу слушателей со всех факультетов, даже не хватает места. Такую же толпу собирали Кареев и Гревс, но... Теперь ждем им заместителей, дай Бог, чтобы в них пошли, а то ведь хотя Ленский. Теперь же большей частью историки филологи слушают юристов. Там сохранились еще (хотя многие ушли два лучших Туган-Барановский и Исаев) настоящие профессора, которые увлекают слушателей, открывают новые горизонты. Я сам слушаю следующие: Международное право — Мартенс (бывший в Гааге)², Историю русского права — Сергиевич (б. ректор, замечательный, профессор), политической экономии — Георгиевский, Энциклопедии права — Грибовский, Истории и искусства — Прахов (в академии художеств читает курсы для студентов). Вот этих, действительно, слушать интересно, особенно Сергиевича. До сих пор у нас нету ни ректора (и. об. барон Розен), ни инспектора — Альбрехта студенты жалеют. Какой бурбон новый здешний попечитель — Сонин — ужас. Ты знаешь, наши еще до сих пор не приняты, и уже теряют надежду т. е. собственно не приняты трое Башкиров, Жидовский и Полянский, а Плят едет назад в Ташкент, хотя и принят: ему грозила чахотка. В коллегии³ жить удобно, особенно хорошо то, что у нас прекрасная читальня. Страшным неудобством является жить вдвоем с незнакомым человеком. Я живу с первокурсником воспитанником пр. Платонова — Вознесенским. Надеюсь когда-нибудь сойтись с ним. Сейчас пишу как раз после обеда (обедать можно от 1 ч. — до 5), который из двух блюд. Кончу писать тебе, пойду читать газеты, а потом на Невский № 51 к М^м Керенской — так смешно сначала приходиться к маме только в гости. В четверг приехали Надя с Лелей. Леля переехала уже в интернат, а Надя заполучила флюсик и еще не осматривала город. Как это няне удалось руку сломать. Скажи ей, что постель я делаю сам, да и просыпаться приходится самому. Пусть у ней рука-то поправляется скорей. Ну, а Федя как? Как ему нравятся новые учителя, особенно Софронов? Чего же это вы не пишете даже, хотя бы об гимназии написали. Что это у вас за ужасное происшествие с...** Ужасно хочется знать подробности. Да, увидите Романовича, попросите его не может ли он выслать свою газету в коллегию, у нас со всех краев России есть газеты: и сибирские, и немецкие, и киевские и т. д. Студенты-туркестанцы были бы ему очень благодарны. В этом письме мало подробностей, но слишком много впечатлений. Кланяйтесь от меня всем знакомым особенно Баумгарту, Своричеву, Николаеву, Дьяконову, поклонись от меня Яхонтову.

Крепко целую тебя и Федю

Твой Саша.

Там же. Л. 15—18 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. И. М. Гревс и Н. И. Кареев покинули университет после студенческих волнений в Петербургском университете в феврале 1899 г., переросших во всероссийскую студенческую забастовку.

2. В мае—июле 1899 г. Ф. Ф. Мартенс в качестве члена делегации от России участво-

вал в работе первой международной конференции мира в Гааге.

3. Имеется в виду здание Двенадцати коллегий на Васильевском острове, где с 1819 г. размещался Петербургский университет, там же в XIX в. находилось студенческое общежитие.

* пр-д — приват-доцент.

** Фамилия неразборчива.

«Ученая экспедиция исторического факультета под руководством профессора Платонова и при участии студента 1 сем. А. Керенского».

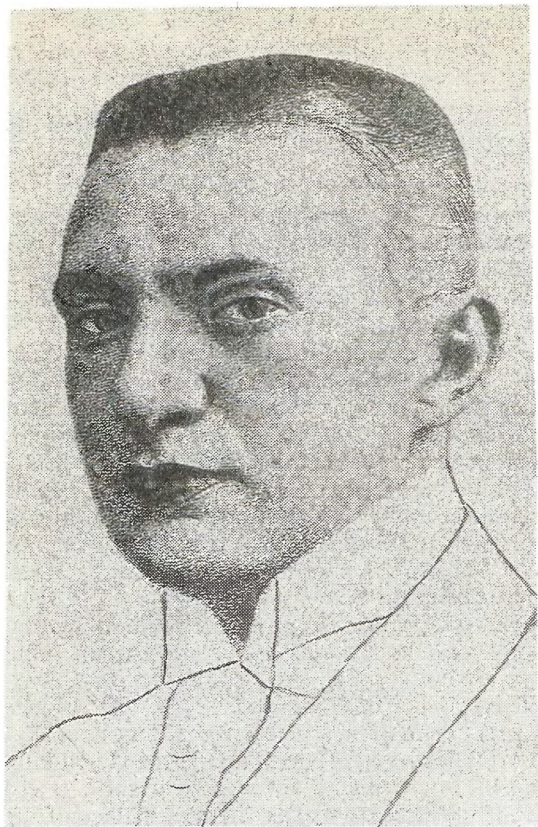
День первый

В 9 ч. утра 11 декабря с поездом варшавской железной дороги отбыла университетская ученая экспедиция для осмотра древнего города Пскова. В поездке принимали участие исключительно студенты-историки, кроме одного включника — Вознесенского, сожителя Керенского, которого последнему удалось пристроить к нам. Всего студентов было 22, затем проф. Платонов и п-д Тураев (египтолог). В распоряжение путешественников был предоставлен отдельный вагон. Итак, выехав в 9 час. утра из Пет[ербурга] студенты удобно разместились в вагоне группами. Однако мало-помалу большинство их собралось вокруг пр. Плат[онова], который целую дорогу очень интересно рассказывал свои впечатления прежней университетской жизни и высказывал свои отношения к современным событиям и лицам. Проф. принадлежит к «правительственной» партии и поэтому защищал Сони́на, Сергиевича и т. д. и довольно неприязненно отзывался о Карееве, Гревсе и т. д. А так как большинство студентов-«филологов» тоже «правительственное», то проф. произвел довольно хорошее впечатление. Между тем к концу дороги аппетит давал себя знать и все ждали Пскова с хорошим обедом. В 4 ч. дня поезд приехал туда. Все живо расселись по извозчикам и марш в кадетский корпус, где была приготовлена квартира студентам (Инспект. корпуса полк. Угланов секретарь археол. общ. и выхлопот. разрешение поместить студ. в корпус). Радушно принятые полковником и воспитателем бар. Мандель студенты были приглашены... пить чай. Общее разочарование: всем страшно хочется есть. Напившись чаю экспедиция отправилась осматривать частный музей древностей некоего г. Плюшкина. Этот Плюшкин, как и гоголевский герой, всю свою жизнь посвятил на соби́рание старья. В его квартире собраны редкостные коллекции: нумизматическая (первая в России, не исключая и Эрмитажа), вееров, масонских знаков, книг, образов и т. д. Пробыв там часов до 7 вечера, туристы отправились смотреть креп[остные] и городск. стены, а оттуда домой. Здесь их ожидал чай с хлебом. За чаем болтали. После чаю Платонов, Тураев и хозяева ушли оставив студентов куда-то в гости, посоветовав им раньше лечь спать. Но последнее естественно невымыслимо. Решили пойти осматривать город «при вечернем освещении». Одна группа пошла в театр, другая в клуб, а группа, в которой были туристы Танжин и Керен[ский], фланировать по главным улицам. Было несколько забавных встреч и разговоров. Часам к 12 веч. все вернулись. Началось укладывание спать с пением, анекдотами и т. д. Только во 2 часу уgomонились «неугомонные», как выразился проф. Плат[онов]. И так день первый прошел очень весело и мило.

День второй и последний

Не хотелось вставать с согретых кадетских постелей «неугомонным», но volens nolens к 8 ч. все были готовы и сидели за утренним чаем. Пришли старшие и к 9 ч. экспедиция выступила в полном составе, привлекая внимание «провинциалов». Приятно все ж чувствовать себя в настоящем русском городе. Один студент, известный своей нелюбовью к базарам, с удовольствием даже потолкался по базару между коровками и телегами с чудным запахом дегтя с снегом. Полгода поживши в Петербурге и какой пустыней и убожеством кажется губернский город с его длинными деревянными заборами и домами, с розвальнями и курами на улице! И так, туристы пошли по «стогам града»*. Куда? В Кремль и детинец. Холод очень порядочный. Поэтому, придя в Кремль, Кер[енский] и Вознесен[ский] поторопились зaйти в теплый собор погреться. Здесь как раз ждали архиерея и эти два студента не пропускали посмотреть на него. Потом начался обход стен Кремля с разными объяснениями, чудный вид представляется со стен на панораму города. Затем смотрели древний 500-летний собор св. Троицы. Из Кремля туристы отправились в «монастырь на Мирожье», где находится древнейший, после Киевской и Новгородской св. Софии, храм в России, основ[анный] в 1156 г. Замечательна теперь реставрируемая живопись. Монастырь бедный всей братии 12 чел. Заходили к обеду: Боже, как ужасно слушать! Затем осматривали место осады Пскова

* По площадям города.

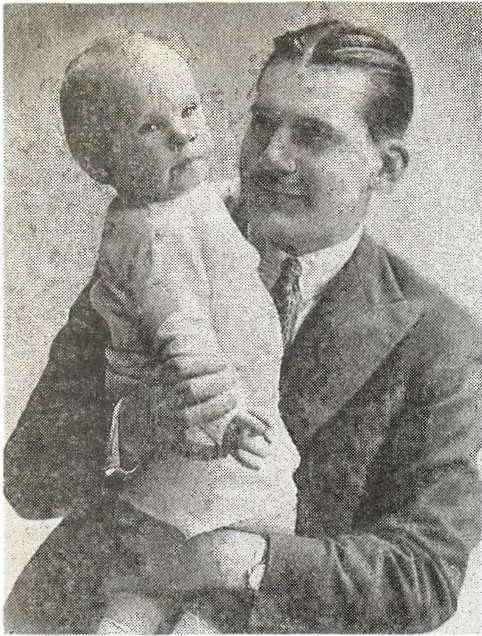

А. Ф. Керенский.

*Перед отъездом
в Америку.*

Стеф. Баторием и на развалинах Покровской башни снялись, снимались также на том месте, где Баторий сделал пролом в стене и где теперь памятник убиенным. Оттуда всей гурьбой пошли смотреть «Поганкины палаты» — дом, или лучше, замок псковского купца, жившего в XV. Тут давал объяснение смотритель военно-вещевого склада, который здесь теперь находится. «Поганкины палаты» были последние [из] осматриваемых достопримечательностей. Отсюда проголодавшаяся компания — был уже 2-й час — отправилась в корпус завтракать (хотели устроить обед в лучшем городском ресторане, но там кухня на 36 персон и все обеды были уже разобраны. О провинция!) Как привыкаешь к холоду: в начале осмотра было ужасно холодно, а к концу его мороза почти что не замечали. После завтрака пошли поболтаться по городу. К 4 час. все собрались на вокзале и ровно в 4 туристы отбыли из славного города Пскова. «К отъезду гостей на перроне вокзала собрались полк. Угланов с супр[угой], его помощник бар. Мандель и масса публики» — так сказали бы «Петр. Вед.» На обратном пути те же разговоры, воспоминания, многие спали (конечно, отдельный вагон). В 11 ч. 35 мин. поезд пришел в Петер[бург], а в 12 ч. Керен[ский] и Вознес[енский] были уже в коллегии и мирно почивали. Так кончился второй и последний день: весело, мило, хорошо. На встречу гостей всего ассигнов[ано] Псковской думой 60 руб. Поэтому участникам поездки она стоила баснословно дешево: по 2 руб. 50 к. (!!). Сообщил:

Второе и третье поколение:
сын и внук А. Ф. Керенского
1931 г. Лондон.

Наталья Керенская (невестка
А. Ф. Керенского) с сыном Олегом.
1931 г. Лондон.

Студент II семестра А. Керенский.

Да, папа и мама, я уже теперь студент II семестра. 15 дек. окончились лекции и был произведен зачет полугодия. Кончилось «отдыхательное» полугодие, наступает «занимательное» (от глаг. «заниматься»). Ведь январь, февраль, а с марта уже подготовка к экзаменам. А экзамены у нас тово — не лежи, особенно — русский и славянский пр. Соболевский! Ну да это ничего. Прошло полугодие, а кажется еще вчера мы провожали тебя, мама. Положительно не знаешь, куда ушло время. Какой-то вихрь!.. Вчера мы были с Нетой и Мар. Эмил. на новой боборькинской пиесе «Панин», очень не дурно. А в пятницу в Мариинском гастрولي парижской звезды тенора Федорова — «Гуеноты», конечно, иду. С понедельника же начинаются абонементные спектакли итальянской оперы, на которую мы с Нетой имеем, как уже писал, половинный абонемент. В начале месяца была довольно серьезно больна Софья Ив. Я, лично, сам никого не видел с 22 октября. Как-то днем заходил, не застал дома. Ну, да там Леля и Нет[а] бывают часто. Стоит 10 гр. мороза. Вы, наверно, забыли выслать мне кн[игу] Карцева. Какова у вас зима? Что предполагается на праздниках в городе, у нас и в гимназиях? Федя? Ваше и Надино здоровье? Няня и Мишка? Преобр[аженские], Баумгарт? Как встречаете Рождество? Как мы, еще не знаю. Всем поздравления и поклоны. Вас, Надю и Федю крепко целую

Саша.

Там же. Л. 41—44 об.

№ 5

9 февр. 00 г.

Акт.¹

Уже за неделю до акта стали появляться бюллетени о предстоящем 8 февр. и объявления о сходке. И здесь и там напоминалось о прошлом годе² и предлагалось хорошенько обсудить и выработать программу действий. Наконец 7 ф[евраля] в 1 ч. дня, после лекции пр. Ковалевского началась в 5 аудит[ории] сходка при массе студ[ентов]. Горячие дебаты начались очень оживленно и не было конца разным проектам. В общем предлагалось дать понять, что прошлогодние оскорбления не забыты и не могут быть забытыми, что меры принятые прошлый год возмущают нас своей некультурностью, что тот, кто провел их (т. е. министры) не достоин уважения!.. Между тем из 5 ауд. место сходки было перенесено в аван-залу и на лестницу

(1 1/2 ч. п-пд*). Я пришел уже сюда, а в 5-й не был. Тут народу собралось еще больше. Страсти начали разгораться. Хороших речей не было: видно, прошлый год отнял лучшие силы! В самый разгар раздается голос: «ректор идет — дорогу ректору!» Образуется широкий проход (ректора уважают и любят). «Господа, говорит он, прошу разойтись». — «Ректор, отвечают ему, есть такие альтернативы, пред которыми все остальное ничто. Мы должны решить, что делать, и ничто не может помешать нам! Дорогу ректору!» — и Гольстен уходит. Сходка продолжается. Опять предложения самого противоречивого свойства, жаркие споры, угрозы, филиппики. Опять появляется ректор, но безуспешно; потом инспектор — то же самое. Никто не может удержать стремящегося потока. Дело подходит к баллотировке окончательного решения. Ставятся следующие вопросы. I. Нужен ли вообще протест или нет? II. Чем выразить память, уважение и сожаление, выбывшим проф.-ам? III. Чем выразить порицание министру, если он будет? IV. Как поступить, если его не будет? V. Не лучше ли будет прямо «сорвать»** акт (т. е. прекратить его). Решено: по I вопр. — нужен; по 2 вопр. — с хор будет произнесено: «Товарищи, почтим честных людей и борцов за правду — наших выбыв[ших] профес[соров]». После этого продолж. аплодисм.; по 3 вопр. — свистом и словами «вон Богол[епов]»; по 4 вопр. — свист после слов «долой Б[оголепова]»; по 5 вопр. — «Сорвать», буде предыдущее не удастся.

Таким образом к 3 ч. дня 7-го фев. был окончательно выработан план действий. С такой программой, программой протеста в принципе все были согласны. Только 4 и 5 пункты вызвали споры: находили и то и другое «ненужным переселом». Пожалуй, это верно по отношению 4 п., но что касается 5 п., то, мне кажется, это был бы лучший исход, т. к. в этом одном мы бы сразу выполнили всю нашу программу и сразу прекратилось бы опасное, с какой точки зрения ни погляди, грозное настроение. Но ... будущее покажет. В томительном ожидании проходит вечер 7-го ф. Всем как-то не по себе; положительно, никто не может сказать, «что день грядущий нам готовит»; все готовы ко всему до нагайки включительно. Я лично, был в таком же настроении, как накануне спектакля в гимназии и не находил себе места. Да, первый раз сходка производит какое-то особое «грандиозно-подавляющее» впечатление. Чувствуешь, что перед тобой сила, сила могучая, сила, стремящаяся к свету, сила, может быть, ошибающаяся, но самоотверженная и идеально-честная, сила неуправляемая!

Но вот долгожданное 8-е фев.! Во всей коллегии особое оживление: все торопятся, суетятся. Четверть первого я уже в «зале публичных собраний». Набито битком и из-за целой массы спин ничего не видно. Присматриваюсь кругом, хочу отгадать по общему внешнему виду и настроению о «грядущем», но ничего не могу понять. Кой-как начинаю протискиваться вперед по проходу: достигаю, наконец, места откуда вижу и эстраду и хоры и самую залу. Студентов тысячи 3, да публики около 1000. Но вот проносится шепот: «идут» и вся зала — напряженное ожидание и внимание. На эстраде появляется: ректор, попечитель, профессора; министра нет. Хор поет «Спаси Господи», потом младший Жданов (астрон.) читает отчет. Напряжение усиливается: ждут переименования выбывших проф[ессоров]. Настроение, как перед первым ударом грома. Чтение отчета кончено, а то, чего ждали, пропущено. Раздаются звуки «Коль славен» — все встают. Замолк последний аккорд и с хор послышался голос: «Товарищи, почтим...» но тут началось что-то необъяснимое: пронзительный свист пронесся по зале, затем другой, третий и целое море свиста, свиста оглушительного, яростного, а навстречу свисту несся поток аплодисментов и криков: «браво», «довольно», «долой Б[оголепова]», «тише» и т. д. Целая какофония звуков, среди которой резко, но жалобно, как бы чувствуя свое бессилие, дребезжал колокольчик ректора. Но вот буря утихает на кафедру поднимается Жданов (словесник), чтобы говорить речь о Пушкине. Но буря налетает страшным порывом и он должен сойти с кафедры. Опять безнадежно дребезжит звонок. Какой-то хаос звуков. Публика, смущенная, взволнованная, поднимается с мест и стоит, растерянная, оглушенная. Опять стихает шум и вдруг раздаются слова ректора: «Объявляю акт закрытым» (в 1 ч. 30 м.). Цель достигнута — акт сорван! Сразу воцаряется гробовая тишина и один за другим скрываются с эстрады профессора. Тишина, гнетущая тишина продолжается и только минут через 5 грянуло «Gaudeamus». Публика расходится под звуки «Нагаечки».

Как только публика разошлась, началась тут же в зале сходка. Все 3 т[ысячи] студ. собрались обсудить дальнейшее поведение. Постановлено: 1) сделать сбор и

* Пополудни.

** Прим. А. Керенского: «Сорвать» акт заставить рект. объявить акт закрытым в самом его начале. т. е. не допустить, чтобы акт состоялся.

Олег Олегович,
внук
А. Ф. Керенского.

внести за право слушания лекций беднейших colleg, сбор в память выбывших в прошл. году проф[ессоров]; 2) никаких демонстраций в универ[ситете] не производить; 3) идти по домам небольшими группами, во избежание «недоразумений»; 4) не допускать и не производить никаких уличных и ресторанных скандалов. Видите, как сумело студенчество здраво и разумно прекратить демонст. и оградить себя от всяких обвинений и «недоразумений». Сделано то, что необходимо и вовремя сказать себе «довольно»: черта зрелого, культурного человека! Да, «сделано то, что необходимо»! Протест был необходим, это понимали все и я, приехав, подробно все объясню. Если же выбирать вид протеста, то «сорвать акт» —

бесспорно лучший. «Лучший» не вообще, не сам по себе, но лучший при данных обстоятельствах и настроении, лучший по своей краткости. А «краткость», при таком общем «сверх»-возбуждении, когда каждое мгновение сознание может покинуть толпу и превратить ее [в] «обезумевшее» стадо, вещь сверхнеобходимая и важная! То что было сделано, было сделано в стенах университета, а здесь мы можем высказывать свои мнения, свои симпатии и антипатии! Улица, общественные места и само общество никаких неприятностей, безобразий и т.д. не потерпели и поэтому никто не смеет осуждать нас за «свои» «семейные» дела и сцены! (прим. Публика, бывшая на акте не может идти в расчет, т. к. знала на что идет). Подробности и разъяснения на каникулах! Вечером я был на «народнической» вечеринке. 8 [февраля] каждый год устраиваются две главные студенческие вечеринки «народн.» и «марксистская». Тут говорят лучшие литераторы, поют хором, закусывают (без спирт. напит.). Публика бывает: студ[енты], курсистки и т. д. Из ташкентцев на вечер[инке] были: М^м Авинова, Шульгина с суд. приставом Ивановым и несколько студ. В коллегии было «пьянство велие» до глубокой ночи. На улицах же, особенно на Невском, весь день образцовый порядок. Я описал акт насколько мог объективно и поэтому было бы хорошо, если бы мое письмо распространилось побольше, для уничтожения разных ложных слухов и измышлений. Папа, прочти об акте особенно Преображенскому и Н. Петр., чтобы в гимназии знали, как следует. Я получил 5 февр. твое письмо, папа. И был очень рад, т. к. от тебя давным-давно не получал. Спасибо, как и маме, за баловство! Как твое и мамино здоровье? Лелю я с тех пор не видел и поэтому «остальных подробностей» еще не знаю. О туркест. вечере, о «комиссии» и обо всем остальном в следующем письме — это письмо «экстраординарное».

Крепко целую Тебя и Маму твой сын

Саша.

P.S. Сегодня в университете все вполне спокойно и тихо.

Там же. Л. 56—60 об.

1. Торжественное ежегодное празднование дня основания университета.

2. 8 февраля 1899 г., в день годичного университетского акта, на улицах Петербурга произошло столкновение между студентами и полицией, пустившей в ход нагайки. В знак про-

теста 12 февраля в университете началась всеобщая забастовка, которая переросла во всеобщую студенческую забастовку. Активные ее участники и либеральные профессора, выразившие сочувствие действиям студентов, вынуждены были покинуть университет.

№ 6

16 сентяб. 00 г.

Завтра день Твоего Ангела, Мама, и я крепко целую Тебя и надеюсь, что этот день пройдет у вас хорошо и весело... Сегодня совершился наконец мой переход на юридический факультет. С 3 сент. я каждый день шатался по канцеляриям, субинспекторам, ректорам и т. д. Сначала не было никакой возможности добиться кого-нибудь. Наконец ректор меня принял — я довольно долго объяснялся с ним, доказывал ему, что не подхожу на 1-й формуляр о прикреплении гимназий к университетам и доказал, что для иска сюда у меня нет никаких препятствий. Ректор согласился и велел подать подробное прошение. Подаю я прошение, жду ответа почти неделю и вдруг оказывается, что прошение потеряно. Иду опять к ректору, говорю об этом; он конечно уже об этом забыл — снова начал расспрашивать и говорит, что «лучше представить письмо от родственников, которые за все поручатся». Мчусь к Н. Г. Троицкой, прошу написать письмо, что я ее племянник и нахожусь на ее попечении. Н. Г., конечно, написала письмо, я написал новое прошение, являюсь к ректору. Берет прошение, но говорит, чтобы я пришел 16 сент. за окончательным ответом. С трепетом являюсь сегодня. «Вы зачем?» — «Вы сами мне сказали, чтобы я пришел за ответом». — «Да, да, помню, вы сходите к суб-инспект. там узнайте». Но я протестую и говорю, что там ничего добиться нельзя, что я хлопочу уже 1/2 месяца. Тогда ректор подумал, подумал, записал что-то в записную книжечку и изрек: «Вы зачислены, можете записываться на юридический». Я церемонно откланиваюсь и исчезаю. Гора с плеч свалилась — кончилось хождение по мукам.

12 сент. я к 10 часам поехал на вокзал встречать Лелю с Нетой. Они приехали здоровые, веселые. Ты уже знаешь Неточкины похождения. Федоров и Крыжановский не попали в Академию, а Алекс. Виктор. лежит теперь в клинике — у него какие-то нервные боли в грудо-брюшной перегородке. Я еще у него в клинике не был, собираюсь. Недавно был в первый раз в Александринке на «Татьяне Репиной». Савина играла замечательно — я ее давно такой не видал, а Леля прямо в восторге. Погода у нас стоит великолепная. Как удалось открытие Маринин[ской] прогимназии. Когда папа едет в Верный. Да, сегодня еду по Невскому, вдруг вижу Петр Васильев. Идет в шинели по Невскому. Хотел соскочить к нему, но потом думаю, а вдруг это не так, и поехал мимо. Как твоё здоровье и как папа? Почему я до сих пор не имею ни одного письма ни от тебя, ни от папы. Как Федины занятия? Как поживает Надя? Вообще у вас наверно гораздо больше новостей, а у нас все тихо и спокойно.

Крепко целую Тебя и Папу

Твой сын *Саша*

Что подельывают няня и Мишка.

Там же. Л. 79—80 об.

№ 7

30 янв. 01 г.

Ну, дорогая мама, не знаю поздравлять вас с новым ген-губ[ернатором] или нет? Последнее время отношение к Иванову, кажется, изменилось. Интересно кто будет помощником. Здесь называют заведующего азиатской частью — Пугяту. Твое последнее письмо я получил как раз в тот день когда мы с Нетой решили послать

телеграмму — узнать почему такое долгое молчание. А на днях и Надя благоволила ответить.

О наших студенческих волнениях и беспорядках пока оправдываются мои слова; помните я писал, что несмотря на ожидание и предсказывание чего-то необыкновенного в действительности ничего серьезного не выйдет. Действительно, вот все в чем выразились до сих пор (и надо надеяться выразятся) все беспорядки. 22 была назначена громадная сходка, но... собралось не более 400 ч. и поэтому никакого решения собравшиеся постановить не могли, назвали эту сходку «предварительным совещанием» и назначили решительную сходку на 25 (чет[верг]). 25 собралось народу и того меньше, что не помешало собравшимся объявить обструкцию. Обструкция заключалась в том, что человек 100 обструкционистов ходили по аудиториям и вступали в прения с профессорами, вечером многие из них были уже арестованы; в субботу ходили по аудиториям уже чел. 20, а с понедельника и этого уже не было. Основная масса студентов относилась ко всему этому пассивно, но недоброжелательно. Да, большинство на это время совсем не ходит в универ. — так что там всего-то челов. 300. Я тоже сижу дома, т. к. как-то грустно, уныло и не по себе там, да еще и ввяжусь куда-нибудь, чего со мной чуть и не случилось. 22 в пят[ницу]* я пошел на лекции и по дороге заглянул вместе с несколькими коллегами мин[ут] на 10 на сходку. Вдруг вечером приглашают «пред лицо» ректора, инспектора и деканов давать объяснения по поводу «безусловно известного» участия в сходке. Я сначала встревожился и никак не мог понять, «что сей сон значит» и мы в коллегии все гадали недоразумение это или еще что-ниб. В 7 ч. вечера отправился и предстал пред «страшным судом». После «сыска велія» обнаружилось, что вся моя вина заключается в том, что я был в универ. и заглянул на сходку, коей вины и оказалось слишком мало для произнесения надо мной какого-либо иного «устрашающего приговора» кроме: «идите с миром, но впредь будьте осторожны и знайте, что иногда полезно на лекции не ходить». Этот инцидент характеризует отчасти образ действий нашего начальства. Но, спросишь ты, отчего же тебя вызвали, а остальную компанию с которой ты был нет? — Да, дело было просто, я как раз накануне вносил деньги суб[инспектору] и с ним говорил, он меня поэтому сразу узнал, а остальные еще не являлись никуда. Но все это пустяки, и, как мне кажется, год кончится вполне благополучно, да ведь его и осталось-то три месяца. Меня очень интересует, какие ответы дадут папа и Федя на мои деловые письма. Поздравь от меня Димиденок, он назначен батарейным (Сегодня в «Пр. вест.»). Мне жаль Сперанского: если бы и брал, то ... «дома жена больна, семеро детей». Надя пишет, что Федя собирается на матем. фак., чтобы потом перейти. Гораздо лучше, если бы он теперь приналег и миновал бы «этот университет».

Как живут Няня с Мишей? Всем помнящим поклон. Крепко Тебя и Папу целую

Твой сын *Саша*.

P.S. С нетерпением жду писем.

Там же. Л. 101—102 об.

№ 8

12 февр. 01 г.

Спасибо, дорогой папа, что Ты нашел время ответить мне! Настал пост, т. е. наступило предэкзаменационное время, когда все сидят по домам, очень редко появляются в универ. и совершенно оставляют всякие «общественные» и общие дела. Я очень доволен собой, или правильнее, — доволен своей наблюдательностью, т. к. мои слова относительно движения этого года совершенно оправдались: все кончилось совершенно тихо, сошло на нет. За неделю до 8 было объявлено, что акта не будет. Все отнеслись к этому совершенно равнодушно, потому что неофициально об этом было известно еще до Рождества. Наступило 8-е. Весь универ. окружен полицией, спрятанной в подвалах академии наук и в манеже, на дворе первого корпуса рота солдат под ружьем, двери в универ. все заперты и около каждой стоят педеля, чтобы «не пушать». Одним словом все готово к генеральному

* Керенский ошибается: 22 января 1901 г. приходилось на понедельник. Далее автор описывает, судя по содержанию письма, события, происходившие 25 января.

сражению. Но, увы, его не было, т. к. неприятель не показывался. За весь день мимо университета прошло человек 10-ть — вот и все. Вообще этот день прошел в образцовом порядке, ни в театрах, ни в ресторанах, ни на улицах ни одного скандала, не только уже демонстраций. И это несмотря на то, что дня за два было вывешено объявление о сданных в солдаты¹ (28 ч., в том числе наш Проскураков) и глупейшее воззвание Сонины к «благонамеренным» нечто вроде благодарности. А ведь будь эти же факты до 99 г. — результат был бы совершенно другой. Но теперь все это не вызывает даже особенно резких разговоров. Одним словом с грехом пополам этот год прошел для унив. благополучно. Что же касается будущего, то мое убеждение такое, что пока не будет принят устав, пока мы не будем признаны как нечто целое, как корпорация, то [до] тех пор каждый год будут такие же истории, будет такой же вечный зуд, скрытое недовольство. Ты пишешь, что Федя ничего не решил и что лучше всего будет, если он пока поступит в универ., а потом перейдет в специальн. Конечно это хорошо, но самое лучшее было бы если бы ему удалось совсем избежать поступления в нашу «alma mater»: ведь при теперешних условиях чем дальше от нее, тем лучше! Мама мне писала о политехникуме. Я на днях все подробно узнаю и напишу. Туда конкурс был легкий и это бы было самое лучшее. Мои лично занятия идут себе потихонечку — думаю что удастся сдать экзамены рано. Зато у Лели масса работы и кончится все поздно. Вчера я был у Тройницких. Там все по-старому. С. Т. стала последнее время как-то скучнее и задумчивее. На второй неделе начнутся здесь гастроли московского художественного театра. Жду его с большим нетерпением, т. к. ведь это последнее слово театрального искусства в России. Надеюсь, что теперь у тебя новый секретарь? Да, Тебя лучше поздравить с увеличением штатов. Кто будет бухгалтером? Что Сперанский и гимназии? Мы все с большим нетерпением ждем приезда Свиричева: вот-то расскажет.

Будь здоров. Крепко целую Тебя и маму

Твой сын *Саша*.

P. S. Всем помнящим поклон. Благодарю Надю от меня за письмо.

P.S. Если бы я получил из Ташкента в марте рублей 10 лишних, то был бы очень, очень благодарен: масленица вызвала кризис в моем кармане.

Там же. Л. 103—104 об.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. 29 июля 1899 г. были приняты «Временные правила», фактически отменявшие университетский устав. Они содержали реко-

мендацию об отдаче «бастующих студентов» в солдаты. В начале 1901 г. правительство применило эти правила.

№ 9

22 фев. 01 г.

Я сейчас получил Твое письмо, дорогая мама, и положительно не понял, чем оно вызвано. Тем, что я описал интересный «случайно случившийся случай», в котором был действующим лицом? Тем, что написал о том, о чем мог свободно умолчать? Но я так далек от мысли, что вы так превратно поймете мое письмо, что ни одной секунды не думал, что оно будет поводом к целой филиппике, что оно так встревожит вас. Что бы было, если бы в самом деле я принимал участие в общем деле, если бы я действительно давал повод к тревоге, к опасениям?! Ведь Твое письмо и все там написанное имело бы свой *raison d'être** только в том случае, если бы я все эти два года доставлял массу беспокойств, если бы я был замешан во всяких историях и мне бы каждую минуту грозило исключение или если бы я был кутила и безобразник а la Остроумов. Да, тогда было бы понятное письмо, где говорится о спокойствии, «которое дает только могила», где просят беречь жизнь «для себя же», как источника благосостояния! Тогда бы был понятен целый ряд обидных подозрений и вопросов, которыми полно твое письмо! Но теперь, когда за

два года я не давал ни одного повода в чем-либо подозревать меня, все это по крайней мере непонятно. В прошлом году папа написал мне письмо, как к человеку на которого нужно почти махнуть рукой, только за то, что подробно описал «историю», в которой не принимал никакого участия, теперь Ты делаешь то же самое без всякого на то повода. И после этого вы хотите, чтобы все писалось откровенно? Да, особенно после двух таких опытов... Как же вы мало имеете обо мне представление, что думаете, что я способен на все те поступки, которые Ты мне приписываешь, что я способен, говоря и уверяя вас в одном, делать совсем наоборот. Нет, если бы я принимал участие в беспорядках, если бы я нашел это необходимым, то я сумел бы и подготовить и сказать вам об этом. Вы, значит, не уверены даже в том, честный ли я человек, если Ты находишь возможным после моего категорического заявления о том, что я ни в чем не буду принимать участие, находишь возможным ставить эти слова в « », т. е. открыто сомневаться в них. Да будь я на вашем месте, то говори весь город о том, что мой сын замешан, я ни минуты не беспокоился бы, уверенный в его слове.

Да, очень приятно, легко, очень легко, делая все, чтоб не тревожить отца и мать, жертвуя и поступаясь иногда для этого своими убеждениями и принципами — видеть, что все это даром, что что ни делай, что ни говори, довольно первого пустяка, чтобы ни за что, ни про что выслушать целый ряд обидных упреков, чувствовать себя без вины виноватым в страхе и беспокойстве лиц, о спокойствии которых все время заботишься!!

Да, мама, твое последнее письмо не только огорчило меня, как сына, видящего, что дорогие ему лица беспокоятся и тревожатся по поводу того, что этого совершенно не заслуживает, оно оскорбило меня честного человека, который не имел оснований допускать, чтобы его словам не доверяли, чтобы его подозревали в чем-либо бесчестном. Я бы даже не стал отвечать на все эти обидные вопросы, которые Ты мне ставишь, но... Итак: «зачислен ли мне первый семестр» — даже это подвержено сомнению? Ну, конечно, от человека, который без одной заметки кончил гимназию, который лишь в прошлом году очень хорошо разделался с трудным 1 кур. филол. факультета, который никогда не подавал повода подозревать себя в манкировке занятиями, от такого человека только и можно ждать, что ему не будет зачтен 1 сем. 1 кур[са] юрид. факультета, тем более, что для этого не нужно ничего делать. Здесь зачет 1 сем. формальность больше, чем где-либо. 1 сем. 1 кур. юр. фак. мне зачтен.

Почему я внес деньги в университет 20 (а не 25 как Ты пишешь), а не 10 января? По той простой причине, что запись и прием денег начинается с 15 января, т. е. 10 янв. при всем желании я внести не мог. Ну, а почему 20, а не 15, то право не помню, но, вероятно, или было некогда, или запись задержали как-нибудь.

В коллегия я внес деньги как-то после 8 февр., т. к. до 8 почти никто не вносил: ждали, что закроют унив. и придется разъезжаться. Во всяком случае могу уверить, что я как и другие деньги ни на какие посторонние цели не употреблял. А если Ты и папа настолько не доверяете мне, то в коллегия можете присылать деньги прямо заведующему, чем и меня освободите от лишних подозрений; в унив. к сожалению так сделать нельзя — нужно лично.

Авинова и Гиндовского я вижу; сходитья особенно ни с кем не имел и не имею привычки.

На письма стараюсь отвечать возможно скорее, как только есть материал и пишу, вероятно, не реже Неты, не говоря уже о Леле.

«Внешним влияниям» никогда не поддаюсь. Вот ответы на все твои вопросы, мама, из коих видно, что все ваши «сомнения» основаны на...

О политехникуме я узнал: 1, что он с этого года еще не будет открыт, 2, что программа окончательно еще не выработана, 3, что интернат будет. Неточка послала Феде программы специальных учебных заведений, я постараюсь еще достать прогр. Киевск. политех.

О покушении на министра не пишу, т. к. вы все знаете из газет — впечатление на всех здесь огромное. 19 ф[евраля] после панихиды в Казанск. соборе — около 300 ч. учащейся молодежи обоего пола двинулись рядами с пением по Невскому вверх. Около Думы были окружены конной полицией, загнаны в думский двор, переписаны и распушены по домам. Что постигнет участвовавших в демон-

страции еще не известно. В универ. все спокойно и тихо, идут лекции. Я уже сел за экзаменационную работу и больше все сижу дома. На днях был небольшой флюс.

Крепко целую Тебя и папу. Твой сын *Саша*.

Наде, Феде, Няне и всем кто помнит — поклон. Сворич[ев] еще не приехал.

Там же. Л. 105—108 об.

№ 10

4 ноябр. 03 г.

Если бы Ты знала, дорогая Мама, как взволновало, как обрадовало меня Твое последнее письмо! Ведь Ты там прямо и просто спросила меня о том, о чем я так давно хотел сначала говорить (весной) с Тобой, потом писать. Я хотел рассказать Вам — Тебе, Папе — об этой огромной перемене, о той новой жизни, которая началась для меня с тех пор — с тех пор, когда «я» заменилось в моих мыслях, планах словом «мы». Часто я приходил в «Мой кров» с готовыми словами, часто я ждал какого-нибудь вопроса от Тебя, от Папы, но время шло, а я не мог решиться. Почему?! — Не знаю, я не знал, как вы отнесетесь к моим словам, мне казалось, что вы не захотите признать этой перемены, что я только рассержу вас. А потом это ведь так трудно об этом говорить! Теперь я упрекаю, ругаю себя за пропущенную возможность рассказать вам, но назад весны не вернешь. Потом было лето, я все колебался, откладывал, не знал как начать — и вот Ты сама пришла ко мне на помощь, сама спросила меня! И теперь я не боюсь, что вы рассердитесь, что Вы не поймете меня. Я верю, мама, что Ты почувствуешь и поймешь нас! Да, мама, Ты не ошиблась, но это не «увлечение». Может быть мы даже никогда и не были «увлечены» друг другом — я не «ухаживал», меня не «увлекали» — мы сближались незаметно для самих себя, делались нужными, необходимыми друг для друга, не зная об этом, а потом мы поняли, что мы вместе, что по-другому и быть не может, теперь у нас нет моей жизни и ее жизни, моих интересов и ее интересов, у нас одна жизнь — наша жизнь, наши стремления, наши мечты! Мама, мама, ведь Ты понимаешь меня, Ты понимаешь, что у нас есть главное и единственное основание общей жизни — единение полное и крепкое. Мы знаем друг друга, верим друг другу и вместе хотим войти в жизнь, как два товарища, у которых общие цели и стремления! Мы знаем, что нам будет трудно, но мы также знаем, что должны рассчитывать только на себя. Я считаю, что вы — папа и мама, сделали все, поставив меня на путь, сделав меня способным идти в жизнь и теперь я не имею никакого права, чем-либо обременять вас и если, Ты мама, еще весной сказала мне, что вы год или два будете материально помогать мне в студенческом размере, то и это я считаю своим долгом, который я должен вернуть. И если теперь, отвечая на Твой вопрос, Мама, я говорю — да, мы вместе и вместе хотим шагать [в] жизнь, не сердитесь на нас и поддержите нас, — то Ты поймешь, мама, что не о материальной поддержке идет речь. Я хочу, мама, чтобы Ты встретила Ольгу, как родную, т. к. противное было бы и для нее и для меня большим горем. Мама, если бы [вы] знали, как много она делает для меня, чем я обязан ей! Если бы Ты знала, как постепенно она делала меня все лучшим и укрепляла во мне то хорошее, что я может быть и растерял бы здесь. Я верю, что когда Ты узнаешь ее, то увидишь, что для меня было огромным счастьем найти ее! И если эти 3 последние университет. года проходят так хорошо для меня, то ведь это потому, что она была со мной, что я знаю, что я всегда могу обсудить с ней и она даст мне — силу и веру! Но для этого нужно было прийти, а я хотел, чтобы она всегда была со мной, чтобы я всегда мог видеть и слышать ее и я знал, что если бы мы были вместе я бы в 10 раз больше бы делал, но я считал себе не вправе на это, пока был учеником, пока не мог начать работать. Это было очень тяжело, для нас обоих, но я ни разу не слышал от нее ни жалобы, ни упрека, напротив, она успокаивала меня и, если согласилась идти в жизнь вместе со мной, то потому, что знает и видит, что без нее я не буду больше в силах ни работать, ни бороться. Она видит, что нужна мне и хочет идти со мной, но она ничего не требует от меня, не боится тягот жизни и хочет так же работать, помогать мне и если бы я для нее захотел изменить дорогу, пойти, напр., в лиру, то она первая была бы против и оставила бы меня, т. к. она не боится трудностей жизни, но боится, чтобы я не бросил своей

дороги, не превратился бы в человека без цели. Ольга Л[ьвовна] знает, что я буду в состоянии жить и работать только тогда, когда она будет со мной, я знаю, что она согласится быть со мной только зная, что я не изменю для «семьи» своим идеалам и мы оба выбираем тяжелую, но прямую дорогу и пойдем вместе делать жизнь, бороться в ней и верим, что вдвоем нам нечего бояться труда, лишений — ведь мы имеем лучшее основание жизни — сознание что мы всегда вместе! Неужели, мама, Ты не захочешь поддержать нас, разрушишь нашу веру, что не все в жизни «средства», что есть еще нечто другое, что создает «средства» и без чего нет жизни! Я верю, мама, что и Ты и Папа скажете нам — если вы любите и верите, то смело идите в жизнь, все остальное придет к вам, т. к. ваше единение даст вам силы на борьбу — ведь так мама! Я боюсь что-нибудь не так сказал, но, главное, я боюсь — вдруг вы недоброжелательно отнесетесь к Ольг[е] Льв[овне]. Если можно упрекать, то только меня в том, что я не мог отказаться от мысли быть с ней, не мог отказаться от ее жертвы! Мама, милая — я бы еще много хотел говорить, но главное я сказал и теперь буду ждать, нет мы будем ждать, что вы ответите нам. Теперь, наконец, я сказал то, что давно хотел высказать, вот и будет, что будет, но мне легче и спокойнее. Я знаю, что вы, папа, мама, теперь видите всю мою жизнь.

Крепко, крепко целую вас ваш сын *Саша*

P.S. Теперь буду ждать ответ, скорей ответьте.
Хотел послать вам ее карточку, но не решился.

Там же. Л. 184—186 об.

№ 11

25 январ. 05 г.

Дорогая Мама! Как твое здоровье, чем ты была больна, долго ли хворала?! Мы так давно не имели писем, что совсем ничего не знаем, что у вас творится. Да, каюсь, и сам давно не писал, но, право, мы здесь жили все это время в такой лихорадке, что невозможно было писать. Да, «эти дни» в Петерб. останутся памятны всем, кто их пережил, на всю жизнь. Теперь тишина, но безусловно перед бурей. Теперь обе стороны готовятся, оценивают свои силы. Одно из двух. Или требования о[бщест]ва и народа будут удовлетворены (т. е. будут созданы свободно избранные представители для участия в законодательстве), или будет борьба кровавая, страшная, кот[ор]ая, вероятно, кончится победой реакции на время, конечно, т. к. физические силы слишком неравны. Дошли ли до вас верные сведения о 9—12 янв.?! Это ужасное братоубийство совершено вполне сознательно для того, чтобы сразу подавить, утратить, но, самое гнусное!, теперь всю вину свалили на «либералов, студентов и японские дела». Знаете ли вы, что здесь открыто науськивают чернь уличную на избивание студентов и некоторые уже пострадали! Накануне 9 янв. было экстренное собрание писателей, ученых, адвокатов и т. д. и, предвидя, что может произойти на другой день, — собрание выбрало комиссию из 8 членов (Горький, Корнев, Семевский, Анненский, Пешехонов, Кедрин, И. Гессен, Мякотин), которые поехали к Св[ятополк]-М[ирскому]* предупредить о том, что рабочие придут безусловно невооруженные, с мирными целями и что репрессии вызовут страшные последствия. И вся эта ком[иссия] арестована в ночь на 11 янв. и 5 чел. из них до сих пор сидят и на них же и на всю интеллигенцию возложена ответственность за пролитую кровь!! Я сам лично 9 янв. был у Дворца часа в 2, был в толпе и обошел весь район, где началось сражение блестящих гвардейцев с безоружным врагом и могу утверждать, что никогда не видел такой дисциплинированной, тихой, серьезной, даже религиозно настроенной толпы — стояли сплошными массами 10-ки тысяч рабочих и ни одного пьяного, ни одного ругательства не было слышно — они стояли, веря, что их никто не обидит. Я ушел часов около трех, а в три был уже залп в упор в толпу, стоящую около Дворц. площади на углу Алекс. Сада, еще раньше стреляли в женщин, шедших впереди у Троиц. моста и об этом в толпе разговаривали уже при мне, но толпа не верила. Они поверили, когда первые их ряды упали на землю в крови. Ужасное преступление потрясло здесь всех и кровь, которая обогрела улицы Петерб., действительно безвозвратно убила «режим». Передать пережитое невозможно на бумаге! 10 января мне пришлось ездить по

* Министр внутренних дел.

городу (созывать адвокатов на экстр. собрание) и совершенно темные, с заколоченными окнами магазинов улицы производили ужасное впечатление! Официальные сведения о числе убитых очень далеки от истины, но правительство формально право. Опубликовано ведь число убитых на улицах Петерб., а избивание происходило главным образом за заставами (Нарвской, Невской), т. е. вне г. Петер. — в уезде. Действительно только убитых не менее 1000 ч. (по последним сведениям 1050 ч.). Да разве может быть меньше, когда в толпу в упор стреляли ... пачками!! Затем в списке совсем не показаны дети и только 3 женщины, когда и тех и других убито гораздо больше. Позорно вели себя офицеры лучших гвардейских полков — они поощряли и возбуждали солдат, сами рубили и стреляли в упавших ниц. Теперь собирают рассказы безусловно достоверные, которые поразят всех, до чего пали рус. офицеры. Вообще, в это ужасное время целая пропасть легла между «опричной» и «земщиной» и раздражение друг против друга все растет. Я не описываю подробно «эти дни», т. к. на это не хватило бы бумаги, да и волнует еще и воспоминание — не надо! Теперь у нас царствует Трепов — и этим все сказано. Прочтите в «Руси» в № от 25 янв. его речь к директорам высших учебных заведений. Это Chef-d'oeuvre* Между прочим [Трепов] приглашал к себе редакторов газет и просил их успокоить публику, или хотя бы самим не волновать ее, просил подождать до февраля, когда «будет объявлено что-то и очень важное». Это важное, говорят, Земский Собор! (но будто бы сословный!) Если действительно к февралю будут даны существенные реформы и будет введен «правовой строй», то можно думать, что все успокоится, и в частности успокоятся и высш[ие] учеб[ные] зав[едения]. Но, если этого не будет, то едва ли удастся открыть их на продолжительное время и тогда всем придется разехаться (все это выяснится к концу февраля). Вообще, если победит реакция, то революция неизбежна и только после нее восстановится мирный порядок вещей. Вся цель теперь всех мыслящих людей предотвратить это ужасное время, открыть глаза тем, у кого в руках власть, но, кажется, глаза не закрыты, а их нет. Власть слепа — она не понимает положения! Все это время адвокаты, конечно, страшно волновались. С 10 по 16 янв. мы ежедневно заседали. Особенно удачно было первое собрание 10 янв. Это был действительно подъем, мы, действительно, хотим не говорить, а делать. В конце концов мы поставили — 1) ежесменные отчисления в пользу потерпевших и, вообще, движения, 2) образовали следств. комиссию, которая должна собрать все материалы для правильного освещения событий, 3) постановили резолюцию-протест и т. д. Одним словом сделали все, что могло сделать сословие большое и разношерстное. В настоящее время сверху, снаружи все тихо, но в глубинах тяжелей и тяжелей и трудно сказать, что нас ждет. Между прочим говорят, что воен. министр уходит, на его место будто бы Глазов, а на его проф. Платонов. Св[ятополк]-М[ирский] ушел, т. к. категорически будто бы отказался изменить политику в сторону репрессий. Да, говорят, наверху было заседание Ком[итета] Мин[истров]. Обсуждали вопрос о конституции. Вите будто бы сказал: «если Вы ее не дадите, то ее у Вас возьмут». Тогда будто бы Государь встал и молча вышел из зала. За достоверность, конечно, не ручаюсь. Как у вас отразилось все, что мы здесь переживаем?! Напиши письмо, дорогая Мама, поскорее, а то ведь мы совсем ничего о вас не знаем! Дома ли Папа или куда-нибудь уехал?! Живем мы очень тихо. Проводили Олину сестру в деревню. Скоро останемся совсем одни, т. к. и Ф[едя] и Васильевы**, вероятно, все-таки уеду, по домам гораздо раньше времени! Вот будет тоска — ведь кроме них у нас никого и нет! Оля чувствует себя хорошо. Дела у меня есть кой-какие, но не много. Оппель мой*** совсем стал обществ. деятелем и, конечно, менее прилежным адвокатом. Пиши скорее, дорогая Мама, мы страдаем без писем. Привет всем. Пиши, Мама, ведь Ты совсем поправилась, да?! У вас уже весна начинается и скоро опасность новой простуды пройдет! Как Папины головные боли — кончились?! Пиши же!

Крепко крепко Вас обоих целуем

сын ваш *Саша и Оля*

Там же. Л. 250—253 об.

* Шедевр (фр.).

** Родные Ольги Керенской.

*** Присяжный поверенный, помощником которого после окончания в 1904 г. Петербургского университета стал А. Ф. Керенский.

Дорогие Мама и Папа! Пишу Вам в этот исторический день — день, когда русским народом взят «Порт-Артур» самодержавного строя. Теперь избранники народа по праву вмешаются в бесконтрольное хозяйничанье русского государства, а затем уже будет гораздо легче добиться всех остальных «прав». Еще сегодня утром, когда был опубликован манифест¹, все пали духом, а главное, озлобились страшно. Всюду говорили о грядущих ужасах. Настроение было самое скверное тем более, что завтра 19 февр. ожидалось уличные беспорядки с избиением интеллигенции. Вечером я пошел к Овсянникову. Там сидели мы в самом пессимистическом настроении, как вдруг приходит С. Васильев с рескриптом² о «представителях народа». Конечно, я ни на одну минуту не предаюсь розовым мечтам — ведь это рескрипт не результат сознательного стремления идти впереди народа, это ведь только вынужденная уступка обществу ввиду совершенно безвыходного внешнего (сейчас циркулируют самые печальные слухи и вести) и, главное, внутреннего положения России. Главная цель этого рескрипта успокоить, замирить, потушить уже начавшееся революционное движение, а затем все усилия правительства будут направлены лишь к одному, как бы ничего не дать. Все громадное значение «созыва» в том, что участие народных представителей признано необходимым и полезным. Позиция взята — ура! Последнее время настроение было самое скверное, исход был так далек и теперь можно хоть немного передохнуть. Ведь хоть мелкий, но все-таки успех освободительного движения. Реакция сбита с своей главной позиции. Я думаю у Вас настроение это время было самое скверное, а так было у нас тяжело всем жить, так тяжело. Конституционный привычный строй еще очень далеко, но все-таки сделан бесповоротный шаг. Я рад, я доволен, как будто мне сделан какой-то подарок дорогой, как будто я сделал что-то, достиг чего в своей личной жизни. Теперь будут реформы. Может быть создадутся условия сносной жизни в провинции и можно будет там работать. Что-то будет?! Сейчас все сидим болтаем с Олей, Федей. Завтра придут к нам Овся[нников], Васи[льев]. Все вместе встретим рассвет, зарю новой жизни! С утра побегу по городу во все места, разговоров будет, видно, масса! А какое громадное значение сыграли в этом тяготы войны — недаром я так хотел поражений и так боялся побед! Удивительно: везде и всюду несчастная война — приносила громадную пользу этим, им победили! Странная роль «победоносного воинства». Интересно, будут ли и журналисты выбирать представителей, «облеченных доверием народа»? И у студентов пропал даром год, который они жертвовали освободительному движению. Весной экзамены едва ли будут, но зато, может быть, наконец, и универ[ситеты] получат настоящий устав и там начнется настоящая жизнь! Мне даже как-то уже страшно писать хоть немного оптимистическое письмо, мы так отвыкли ждать чего-нибудь, кроме новых и новых зол.

Как Твое здоровье, дорогая Мама?! До сих пор нет ни одного письма с дек. месяца. Хоть бы Папа нашел минутку черкнуть о Твоей болезни подробнее, вообще о вашем житье-бытье. Мы так давно ничего не знаем! У вас уже весна и Тебе лучше, Мама, да?! Ты уже выходишь на террасу? А как Твое здоровье, Папа?! Куда Ты собираешься ехать весной?! А о Наде мы так-таки и не знаем? Напиши, Мама, поскорее. Все это время я занимаюсь очень интересным делом. Я уже писал, что петерб. адвокаты собрали тысяч 10 на пострадавших 9—11 янв. Образована была комиссия для опроса потерпевших и выдачи им пособий. Опрашиваются они для составления подробного описания всех ужасов и безобразий «этих дней». Вот на помощь к членам этой комиссии попал и я. Почти каждый день от 7 до 9 хожу и опрашиваю. Сколько горя, сколько нищеты! Прямо руки опускаются — ведь мы можем выдавать самое большое 25—30 руб., а приходят, напр., вдовы с пятью детьми. Какие ужасные сцены описывают изуродованные, что прямо не поверил бы, если бы раны, рубцы не говорили бы о слишком страшной правде. Действительно самодержавие покрыло себя таким налетом народной крови, что по-старому и существовать бы не могло! Если бы оно не сделало сегодняшнего шага, его бы заставили сделать прыжок. И даже, кто знает, не стало бы ли лучше для народа, для его правильного развития, если бы все старое погубило бы, ушло бы навсегда! Дела у

* Письмо неверно датировано А. Ф. Керенским 1904 г. Содержание письма относится к 1905 г.

меня есть кой-какие, но не много, да их теперь ни у кого нет. Все стоит. На днях мне первый раз [пришлось] выступать с противником — прис. поверенным. Главное, я выступал без всякой подготовки, т. к. Оппель не мог быть и экстренно просил меня заменить его. Кончилось довольно удачно, т. к. противник не выиграл дела, а я добился, чтобы разбор его отложили. Пришлось сказать даже маленькую речь! Оля чувствует себя хорошо, хотя сильно устает! Время идет и мы все больше волнуемся, мне хочется верить, что все кончится хорошо! Время проводим мы все время дома. Раз только были в театре, да и то неудачно — попали на старую и скучную комедию. Машину* я еще не покупал, т. к. все это время было так мрачно, все казалось так непрочно, что я боялся напрасно растратить Ваши деньги. Теперь пойду покупать. Еще раз прошу Тебя, дорогая мама, пиши нам чаще теперь, когда Твое здоровье позволит или попроси Папу черкнуть! Знаете ли Вы что-нибудь о Нете? Леле?! Я не получаю от них ничего, Ф[еда] тоже. Главное будьте здоровы. Кре́пко Вас обоих целую сын Ваш *Саша и Оля*.

Привет всем, кто помнит и поздравление тем, кто живет общими с нами интересами. Как жаль П. Петр. не дожил!!

Там же. Л. 202—204 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Опубликованный утром 18 февраля 1905 г. манифест (т. е. законодательный акт в форме личного обращения царя к подданным) «о нестроениях и смутах» напоминал «правительственным учреждениям и властям всех ведомств и степеней долг службы и веления присяги» по укреплению самодержавия.

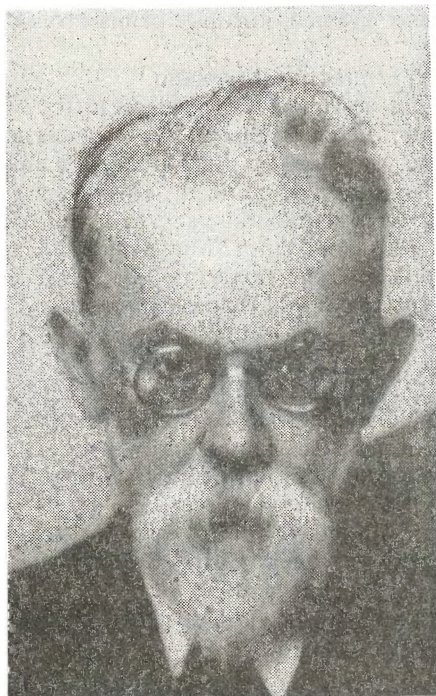
2. Днем 18 февраля 1905 г. был опубликован рескрипт (т. е. законодательный акт в форме именного повеления) на имя министра

внутренних дел А. Г. Булыгина об учреждении под его председательством особого совещания для выработки законопроекта о законосовещательном учреждении с участием «достоинейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей».

Публикация
доктора исторических наук
Андрея ГОЛИКОВА

«КТО МОЖЕТ, Спасается и Уходит»

Дневник В.И.Вернадского

В. И. Вернадский.

22.X.919

Холодно в квартирах — все в шубах. Почти нигде не топят. У нас 5—6°R. Сижу б[ольшей] ч[астью] в Академии, где тоже не очень тепло — но терпимо и можно работать. Это все отражается на настроении. А рядом с этим тяжелое настроение Киева, где скопились черносотенники и власть пробует вести свою политику, как будто сейчас можно делать то, что делалось при Ал[ексandre] Ш. Никто не верит Драг[омирову] и всюду вылезли Шульгины, Савинковы и К°.

Сегодня Майборода сказал, что идет призыв плохо, много уклоняющихся; в Киеве к добровольцам относятся хуже, чем в других городах: 1) украинцы, 2) евреи, 3) демократ[ические] круги. И всего этого могло бы не быть при более разумной политике. Сейчас все недовольны и добра не ждут.

А в то же время сейчас жуткое настроение. Зима захватила; от Москвы отходят; многие думают — повторение Колчака и во всяком случае говорят о второй зимней кампании. Сегодня и в украинской газете «Слово» (мне кажется, наиболее

интересной) передовая статья, указывающая на малую государственность той политики, которая сейчас ведется. Вместо единения — рознь.

Сегодня было заседание обл[астного] ком[итета] к.-д., на котором я не был. Предлагали Бутенко³⁸ быть головой. Раньше правым — они отказались. Ком[итет] решил, что он пойдет только в тов[арищи] предс[едателя]: 6 пр[авых], 2 к.-д., 2 поляка. Я не знаю, верно ли решение. С другой стороны, то, что рассказывал Бут[енко] в воскресенье в засед[ании] ком[итета] ясно указывает, что вся история с Рябцовым инсценирована властями. Чарыгин прямо говорит, что Драг[омиров] подготовлял, но Гревениц явился глупым исполнителем. Он вынес это из разговора с губернатором, получившим выговор.

Говорят, в Полтаве беспокойно. Укр[аинское] восстание — «банды». Ждут правительственные круги и в Киеве. Спект[орский] говорит, что здесь готовится восстание, распространяются прокламации и т.д. Для Киева, я думаю, это преувеличено — но для Украины много верного.

Читаю Channing'а биографию Торо³⁹. Вчера читал его поэмы — скучные. Мне хочется ближе ознакомиться с поэтами природы и поэтами религиозными и философскими. Много ли новых мыслей, которые сейчас только входят в наше сознание?

Работал над жив[ым] вещ[еством] хорошо.

Читаю по вечерам. Кроме Торо вчера вечером интересную биографию Фехнера, написанную Лассвицем⁴⁰. М[ожет] б[ыть] и можно связать с естествознанием ту конструкцию мира, какую дает Фехнер. Беда в ней и в аналогичных построениях [та], что это концепции возможные, но не те, которые дают понятие о реальном. Как между двумя точками бесконечное множество путей. Но один путь настоящий, наиб[олее] короткий. А здесь и этого нет? Мне давно кажется, что всякую религию и философскую концепцию можно подвести под каждые достижения момента, напр[имер], греческий политеизм под современную науку.

Утром разбор работы М.И. Бессмертной, Соф. Иос. Ярцев[ой] и М. Н. Усанович — обсуждение хода анализа. Впервые кобальт найден во мхах.

Днем засед[ание] ком[итета] библи[отеки] — III Отд[еление]. Удивительно — люди идут впереди на сокращение работы. В. Кистяковский говорит, что идет для того, чтобы спасти — я думаю, скорее по слабости сопротивления. Воблый говорит, что для Коопер[ативного] института не нравится название «украинский». Пусть запрещают, но зачем идти вперед?

Заходил Серг. Конст. Майборода. Служит, бедный, юрисконсультom в градоначальстве. Жизнь сжала его в рамках. Ищет работы для безработных, голодающих знакомых, надвигается страшная нужда.

Крымский⁴¹ нервничает. Думаю, что изменит. Ужасно неверный человек — опереться и поверить ему нельзя.

23.X.919

Вчера вечером был Лучицкий В. И.⁴² Из Ростова — оттуда бодрое [настроение]. Добился полупризнания Геол[огического] ком[итета] от Малявина и К^о. В конце концов киевск[ая] партия Геол[огического] ком[итета] с пребыванием в Киеве. Получит и средства. Впечатление от Ростова то же — кто хочет добиться, надо там все отдавать. Геолог[ическую] карту Украины не хотят издать — будет издана отдельно. Какая выгода? Тоже близорукая политика.

Вчера читал Маугу об Академии наук⁴³.

Утром работал над живым вещ[еством]. Позже заседание Комит[ета] Акад[емии] с Советом Ком[иссии] произв[одительных] сил. Удивительный человек В. А. Кистяковский — мелочно бестолковый и непрактично практичный. Как у всех Кистяковских неприятна сторона — забота о денежных поступлениях. Меньше всего проявляющий эту сторону семьи Б. А. [Кистяковский]⁴⁴ проявляет ее больше среднего человека нашего круга.

Известия в Киеве неважные. Всяду известия о восстаниях. В Носовке (где на днях было восстание?) офицерам «как врагам» крестьяне ничего не продают. В Полтав[ской] губ. все время появляются «банды», хорошо вооруженные. Лохвицу,

говорят, взяли борьбисты⁴⁵. Вчера слух о захвате Екатеринослава — не знаю, верный ли. Все дорожает, подвоза нет. В комнатах у нас около 5°R!

25.X.919

Холодно. Снег, стоявший несколько дней, тает. В домах 3—5°R; спасаюсь в заседаниях, где топят, но холодновато. Киевляне в апатии и разочаровании. И холод, и разруха, и дороговизна, и невозможность выехать. Становится не лучше, а все хуже. ДА потеряла всякое доверие. Среди некоторых слоев начинается поворот к большевизму! Взятие Чернигова, неудачи под Орлом и Воронежем ставят перед все большей и большей частью Киева вопрос о прочности ДА. Постоянное бегство властей с Драгом[ировым] во главе сделало свое дело. Надо было быстро сменить Драг[омирова]...

Украинская пресса сейчас рассматривает происходящее, как преходящий момент, а не как поворот. Деникин, Петлюра становятся рядом как кондотьеры, идеал которых не отвечает созиданию...

Видя то, что делается кругом — могут опуститься руки. Глухая реакция — произвол не власти, а произвол безвластия: самое ужасное, что может быть.

Говорят, что анархия на жел[езных] дорогах достигла невероятных размеров, города грабят шайками... А доверие к ДА исчезло и она не может собрать вокруг себя людей.

Работал над жив[ым] вещ[еством].

Читал биограф[ию] Торо, написанную Чаннингом. Вчера кончил Мори Academie des Sc[iences]. Сегодня Ком[итет] по делам Акад[емии]. Нудная история с помещением пансиона Левашова и невозможной бабьей политикой Спекторского. С деньгами тянет неделями, обещают и ведут ненужную канитель. Можно сказать одно, — что то, что теперь управляет, столь же неспособно управлять, как при Раде, гетмане, большевиках и, может быть, будет также недолговечно.

Утром в унив[ерситетской] библиотеке. Была Ек. Ив. Шиловцева, Караваев, желающий уехать и изнывающий от тяжелых условий жизни.

Известие о смерти Кизеветтера — убит⁴⁶. Кровавая и позорная русская социалистическая революция.

Передо мной иногда мелькает старое и московские переживания и мысли, как что-то хорошее и далекое. Но то, чего тогда хотел, теперь вдруг оказалось чуждым и чудищем.

Тяжела мысль о Ниночке. Все хотят уехать — в Крым. А вчера Демченко указывает, что в Крыму начались систематические грабежи татарами и оттуда начинается бегство.

Что может быть в Киеве после ДА? Надо взять в руки и себя и опять вести жизнь не на Петроград? Строить работу здесь на юге?

Ni и в [1 сл. нрзб.]. А СО и Ni во мхах очень ясны.

27.X.919. Воскр[есенье].

Сегодня целый день занимался — никто почти не мешал и я никуда не хотел идти.

Работал над живым веществом. Иногда мне кажется, что вся эта работа очень мало дает в результатах и что я не справляюсь с тем ее размахом, какой даю в ней. Нахожу новые и новые пропуски и убеждаюсь в ошибочной оценке сделанного до меня. Ищу корней своим мыслям и постоянно их находишь — иногда совершенно неожиданно. Сколько моих мыслей действительно моих? Сколько их возникло из фактов или из чтения? Сколько из них воспоминаний прочитанного или услышанного, отзвучающего иначе, чем у других, в моей душе.

И сейчас, для идеи о количественном постоянстве жизни я все нахожу новых и новых предшественников. Можно дать связную картину людей, подходивших к этой идее. А еще не так давно мне казалось, что нет почти следов этой идеи в прошлом и это мнение было для меня мериллом того, что я далеко не охватил сделанного до меня. Нет истории этой идеи? Никто не проводил её последовательно? Оказывала она то влияние на человеческую мысль, какое мне в ней видится?

Сейчас Бюффон — фон Бэр — Флуранс — Агасиц — ф[он] Гартман — Прейер⁴⁷ и, вероятно, многие другие. Прейера я наверно раньше читал. Находишь все новые и новые недостатки в своем знании и изложении.

Эти дни немного больше читаю. Но холодно, 3—4°R в комнатах, и я только ем и сплю дома, а спасаюсь в Академии. И здесь сегодня холодно. Читал вчера Сюлли Прюдома — прелестное стихотворение *La forme*. Потуги глубокой мысли. И, возможно, построение целого миропонимания. Вчера читал Лассвица — Фехнера. Сегодня Чаннинга Торо и Гартмана *Das Unbew[usste] u[nd] Descendenz[theorie]*⁴⁸. [Гартмана] меня давно убеждал прочесть Мих. Ив. Петрункевич⁴⁹, умный человек, одно время занимавшийся и очень серьезно философией — потом бросивший, ушедший в жизнь. Как мудрец, убедившийся в недостатке своих сил? Или в тщете всего, кроме чувства? Нахожу здесь в его работе мысли.

2. XI. Акад[емия] н[аук], Владимир[ская], 56

Холодно на воздухе. Вьюга. У меня в комнате в Академии, куда я переехал из-за холода (на Тарасовской 2—3 С°), тепло и можно заниматься.

Настроение кругом тяжелое и тревожное. Становится все хуже жить. Кто может — уезжает или увозит семьи из Киева. Не верит ни прочности положения, ни добровольцам...

Мне кажется, однако, начинает поднимать голову обыватель? Или это только так кажется. Сегодня в «Киев[ской] м[ысли]» статья о возможном голоде в будущем году в связи с выступлением Анциферова в Харькове. За много времени это первое проявление общей работы разных городов. Жизнь совсем расплылась.

Работаю над живым веществом. Читал Максвелла — вернее перечитывал его глубокие статьи об атомах, молекулах, притяжении. Удивительно ясная мысль и блестящая аргументация. Необычная для нас аргументация и в смысле признания личного Строителя Мира Божества. Один аргумент М[аксуелля] отпал за эти десятки лет: связанный с созданием материи из «ничего». Для нас теперь зарождение (и распадение) материи допустимо и без необходимости признания Божества. Одно из исходных положений — тождественность массы и размера атомов тоже поколеблено.

Утром заседание ком[итета]. Распределяли 250 тыс. рублей, отпущенных Советом при Главк[оме]. В «Киевлянин» написано на ликвидацию Укр[аинской] Ак[адемии] н[аук]. От Спекторского двусмысленная бумага, проникнутая недоверием. На словах он В. Кистяковскому говорил другое. Можно ли ему верить? Я начинаю очень сомневаться.

Днем на заседании Укр[аинского] научн[ого] ист[орико]-фил[ософского] общ[ества], посвященном Сквороде⁵⁰. Масса народа, внимательно слушавшего в холодной нетопленной аудитории. Все в шубах, перчатках, калошах. Фигура Сквороды выступает очень ярко. Зеньковский чрезвычайно ее выдвигает. И действительно — удивительно интересна эта большая философско-религиозная работа мысли в обстановке слагающегося крепостничества, старых отголосков казачества. Философ — странствующий сельский учитель, человек, который жил как мудрец. Я думал, что много преувеличенного — но указания Зеньк[овского] очень интересны. Зеньк[овский] и в разговорах указывает на огромную философскую работу русского общества. Начинает и здесь становится ясным скрытое и неизвестное. Открывается новое, как в искусстве. Великая нация начинает себя осознавать.

Заходил Васил[енко]. Принес деньги (постепенно должнаю — нечем жить при дороговизне). С ним [говорил] о необходимости организации обществ[енных] групп. Он резко стоит за германскую ориентацию, считает неизбежным все усилия приложить на тесную организацию с торг[ово]-промышл[енными] кругами. В них видит спасение и их считает организаторами жизни. Я думаю, что сейчас несомненно спасение в организации обществ[енных] гр[упп]. Разговор о Гвоздеве и кооператорах. Он не хочет его приглашать сразу. Рассказывал о том, что среди правых начинает проявляться движение против сохранения Драгомирова и Гревеница. Говорили о записке по украинск[ому] вопросу.

Харьков. 17/30 XI. 919. Воскр[есенье].

Едем в Ростов уже целую неделю. Паника в Киеве, паника в Харькове. Едва доехали до Харькова. Сегодня известия о взятии Сум и все продолжающемся отступлении Добров. Армии.

Едем в вагоне-теплушке. Должны были выехать в четверг, отложили до субботы и попали в эвакуацию. Случайно попали в этапный поезд и так доехали до Харькова. Как поедem дальше?

Вагон в виде нар. 24 лежачих места. Едут В. А. Кистяк[овский] (наивный эгоист и трусоват), В. А. Караваев, Э. К. Гарф⁵¹, Н. М. Яницкий с женой, прис[яжный] пов[еренный] В. С. Зотов, проф. Пашкевич с женой, сестры Григорьевы (К. В. и его больная жена, сестры ассистента Шапошникова⁵²), В. И. Лучицкий, С. П. Тимошенко⁵³ с отцом и матерью, Ф. П. Сушицкий, Н. П. Василенко, Добровольский, П. М. Девманский, В. И. Костко, Г. Г. де Метц⁵⁴ с женой. Наташу довез до Полтавы с Пр[асковей] Кирил[ловной]⁵⁵, старики Тимошенко вышли в Кременчуге — Пашкевичи, Косенко, Караваевы вышли в Харькове. Едем, в общем, дружно. Заниматься нельзя, шум, мало света, разговоры. Но с Н. Пр. [Василенко] и Ст. Пр. [Тимошенко] нередко поднимаются интересные разговоры на общие темы. Читаю Уоллеса о тропической природе в немецком переводе⁵⁶, прочел книгу Гедона — «Натуралист в Лаплате».

Вчера большой разговор с Н. Пр. [Василенко] по вопросу о задачах Зоол[огического] музея. Я хочу большой Зоол[огический] музей, не локальный, а такой, который был бы аналогичен петроградск[ому] Зоолог[ическому] музею — но с другой специальностью — не палеоарктич[еской] фауной, а каким-нибудь другим. Зоолог[ические] музеи Академии, которые возникнут на территории России, должны дополнять друг друга, и надо сделать так, чтобы можно было научно работать по зоологии в России, не выезжая из пределов России. Вас[иленко] горячо возражал, защищая свою излюбленную идею о роли Киева. О характере будущего киевск[ого] музея, как музея специально ведущего местную фауну и фауну тропическую, я уже и раньше высказывал, например, в разговоре с Карав[аевым]. Он не должен быть повторением петроградск[ого] музея.

Неужели может быть крах, вроде колчаковского? Что тогда?

Мне иногда кажется, что если бы большевики заявили, что они прекращают террор и чрезвычайки, население было бы с ними в широких кругах. По крайней мере интеллигентн[ые] слои.

Вчера обсуждали вопрос о созыве в Ростове совещания из ком[иссии] прир[одных] бог[атств] Укр[аины] и произв[одительных] сил России вместе с промышл[енниками], инженерами и т.п. по вопросам о воссоздании России. На первое место ставим вопрос о камен[ном] угле и топливе.

Харьков. 18.XI.919

Вчера вечером, когда благодаря связям С. П. Тимошенко выяснилась возможность выехать с первым этапным поездом в Ростов, в среду утром отправился к Ник. Ив. Палиенко⁵⁷, где находится заболевший Пав. Ив. Новгор[одцев]. У них ночевал. Очень милая жена Пал[иенко] (Елизав[ета] Павл[овна]), так радушно меня пригласила, что я остался. Все бегут и в Харьк[ове] паника. Возможна сдача Х[арькова], т. к. сил недостаточно, и хотя войска идут, но неизвестно, чьи подкрепления придут раньше. Считают, что сдача Х[арькова], угрожающая угольн[ому] району, почти катастрофа для Добр. Армии. С 15.XI должно начаться наступление ДА. Пав. Ив. [Новгородцев] указывает, что до сих пор Деникину удавались все тактич[еские] шаги такого рода. По-видимому, было поражение под Севском благодаря железнодорожникам, в тылу испортившим мост. Оказался не на месте Май-Маевский⁵⁸, ничего не делавший, занимавшийся пьянством и любовью. Его сменяют. Сейчас Х[арьков] находится в положении города, зависящего от исхода большого сражения. Вечером Погодин принес оптим[истические] слухи о взятии добров[ольцами] Сум и ст. Основа, но веры большой слухи не имеют.

В наш вагон набираются бегущие из Харькова Ключаревы⁵⁹, хочет Палиенко и нельзя не взять.

Ясно, что вопрос об организации власти на местах стоит на очереди. Нельзя

[доверять] старым губернат[орам] и генерал-губ[ернаторам]. Необходимо что-то вроде Дона и Кубани. Немедленная организация областности. Лучшая форма борьбы с самостийностью: Харьков, Одесса, Киев.

Тарановский⁶⁰ и Палиенко рассказывали о прох[ождении] Академии в Харьк[овском] юрид[ическом] фак[ультете]. В конце концов прошло. Прошло и печатание на укр[аинском] яз[ыке]. Я думаю, что будет организовано. Только бы сохранить начатую научную работу. Необходима самодеят[ельность] ученых. Ясным становится план наш с Тим[ошенко] о совещании в Ростове чл[енов] Ком[иссии] произв[одительных] сил Киев[ской] и Петр[оградской] Ак[адемий]. Правильна мысль Тим[ошенко] о создании сборника The Production forces of S[outh] Russia. Я думаю провести через Осваг.

Разговор с Пав. Ив. [Новгородцевым] и другими проф[ессорами] о невозможности киев[ской] власти, об ошибках, вроде назначения Билимовича⁶¹. П. И. [Новгородцев] защищает. Указывает, что Б[илимович] еще в Одессе, встретившись с аппетитами аграриев, говорил ему, что он стоит за помещичью собств[енность], но считаясь с политич[еской] обстановкой и учитывая русских представителей поместного владения, начинает сильно колебаться в своей точке зрения.

П. И. [Новгородцев] продолжает думать о неизбежности восстановления сильной монархич[еской] власти.

Разговор о Польше. Здесь, подобно де Метцу, который считает, что можно обещать многое Польше (и территорию) для достижения ее помощи в данный⁶² момент, некоторые ждут спасения от польской помощи. Но другими, как П. И. [Новгородцев], ясно учитывается безумие польской политики между Россией и Германией; обе эти страны возродятся могущественными. Поляки играют на бессилии и раздроблении России. Неужели под Харьк[овом] будет неудача и большевики будут иметь здесь опору и ДА кончится катастрофой ДА?

Мысль и воспоминания о Нют[очке]. Все так ярко. Что-то Е. Д. Ревуцкая⁶³? Последние дни она все вспоминается. П. И. [Новгородцев] сообщил известие об аресте С. Фед. [Ольденбурга]⁶⁴. Неужели и здесь катастрофа?

19.XI

Ночевал у Палиенко. Оказались старые друзья Шаховских⁶⁵ по Ярославлю. Разговоры о Шуре, Наташе, Ильюше, Ане [Шаховских], о какой-то старой давно пережитой эпохе.

Чаплыгин⁶⁶ скрывается. Какое счастье. Но что теперь переживают в Москве.

В Харькове паника все усиливается и усиливается. Как ком. Слухи благоприятные не встречают отклика. Несомненно прибывают войска. В Технол[огическом], Коммерч[еском] и др. освобождаются помещения для солдат. В одном Технол[огическом] 2000. Вчера вошли в город «чеченцы» (терские казаки?). Несомненно, Деникин не думал сдавать Харьков — он был здесь недели полторы назад. Сдача Х[арькова] нечто вроде катастрофы. Профессора все хотят бежать и распространяются самые невероятные слухи о проскрипциях.

С нами едет дочка Палиенко. Пал[иенко] с Пав. Ив. [Новгородцевым] уезжает в Ростов в вагоне Деник[ина]. Билеты на Ростов и Симферополь за огр[омные] деньги. По мере увеличения паники растут ставки.

Вчера видел К. А. Красуского, Д. И. Багалея, А. В. Маклецова⁶⁷. Маклецов и Багалея едут с нами.

Разговоры со многими лицами об автономии и организации власти⁶⁸. Неясна еще конструкция и у П. И. [Новгородцева]. Вас[иленко] стоит очень определенно за Украину с Киевом в центре. Я ясно чувствую всю искусственность этой схемы. За нее «украинцы», которые в мыслящих слоях Украины составляют ничтожную горсть. Как-то на совещании в Киеве, в небольшом кругу он говорил об автономии типа Канады. Потом в разговоре со мной он признался, что это он сказал сгоряча. Мне представляется, что между Х[арьковом], К[иевом] и Од[ессой] нет связи. Красуский в разговоре тоже подтверждает это.

В Харьк[ове] украинское движение, по словам Багалея (!) — «тепличное». Газета сама закрылась. Вчера шел с интер[есным] железнодорож[ным] служащим.

Он заговорил со мной после того, как я сказал, что я из Киева, и расспрашивал дорогой — о Петлюре и т.д. В конце концов он указал, как и я, что петлюровцами и самостийн[иками] ничтожные группы укр[аинцев], но сейчас распространяется любовь к своему, указывал на вынос портрета Шевч[енко] из губ[ернской] упр[авы] (связывал с этим удаление Акимова, предс[едателя] упр[авы]), об успехе укр[аинской] гимн[азии] (собрано 1 1/2 млн. вместо прежних 300 000 казенных субс[идий]), о начавшейся розни среди служащих и т. д. Это из низов люди ищущие примирения. На них можно и надо опереться при здоровой укр[аинской] политике.

С П. И. [Новгородцевым] большой разговор об автономии и организ[ации] власти. Он считает неизбежной суровую монархию. Очень боюсь, что его автономия выльется в генерал-губернаторства.

Палиенко рассказывал о каких-то галичанах Синько Беленьком и Д. Голуховиче. Они резко русофильского направления — но стоят за федерацию или автон[омию] Галич[ины]. Вели переговоры с Деник[иным] и указывают на рост русофильских тенденций среди галичан, все увеличивающихся. По-видимому, не святогорцы? Предсказывали переход галичан в Добров. Армию за 1 1/2 млн. Говорят о галицком корпусе в 40 000 в Италии, который будет переведен к Ден[икину]. Ден[икин] в разговорах с ними указывал, что стоит на почве единения всех русских земель и неотдаче Галиции полякам. По-видимому, вопрос идет о федерации или широкой автономии. Насколько это серьезно? Не святогорцы, а реальные полити[ки]?

Паника сейчас еще больше. Имеет характер психоза. Неужели это отражение настроений в армии? Какой выход?

Интеллиг[ентные] слои готовы на все: [на] всякое соглашение с поляками; сильно растет германфильское настроение — готовы жертвовать всем Кавказом, Крымом — только бы избавиться от большевиков.

Такие германофилы, как Васил[енко], не считаются ни с чем и считают, что без внешней силы мы не спасемся. Сегодня разговоры о союзе с Германией, о соглашении с поляками ведут самые разнообразные люди. Когда говоришь о потерях территории, указывают, что через 4—5 лет, как Россия окрепнет — все вернет. Люди устали и цепляются за последнее. О соглашении с Германией говорил со мной сегодня Бублик⁶⁹, которого я встретил в ресторане «Бискайский» — он говорит, что раньше всегда был германофобом. Но сейчас такое положение, что во что бы то ни стало надо соединиться с кем угодно, только бы прогнать большевиков.

Начинается «разгрузка» Харькова. На эту разгрузку уезжающие смотрят безнадежно, в душе думая, что не вернуться. Нельзя серьезно говорить здесь с этими людьми о чем-нибудь определенном, о каком-нибудь деле.

Был в унив[ерситете]. Там сейчас волнение еще больше, т. к. началась очередь эвакуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

38. Кадет П.Э.Бутенко сменил Е.П.Рябцова на посту киевского городского головы.

39. См.: Channing W. Thoreau: The Poet-Naturalist. With memorial verses. Boston, 1902.

40. См.: Lasswitz K. Gustav Theodor Fechner. Stuttgart, 1860. Немецкий физиолог Густав Фехнер — инициатор развития психофизики. Разделяя идею подчиненности психических явлений определенной закономерности, стремился доказать реальность душевных явлений и возможность определения их реальных величин с той же точностью, что и физических. В философских воззрениях был близок к учению Шеллинга, интерпретируя его в духе панпсихизма (вселенная одушевле-

на, материя — оборотная сторона психического).

41. Крымский Агафангел Ефимович (1871—1942) — востоковед, академик УАНС 1918 г., один из ее организаторов и непреходящий секретарь.

42. Лучицкий Владимир Иванович (1877—1949) — геолог, профессор Киевского университета, академик АН УССР (1945).

43. См.: Maury L. L'ancienne Academie des Sciences. Paris, 1860.

44. Кистяковский Богдан Александрович (1868—1920) — философ, правовед, один из авторов сборника «Смена веж». Академик УАН (1919).

45. Одна из группировок украинских лево-ых эсеров, возникшая в результате раскола партии в мае 1919 г. В июле 1920 г. самоликвидировалась.
46. Сообщение об этом опубликовала газета «Объединение» 25 октября (7 ноября) 1919 г. со ссылкой на харьковскую «Родину» (ранее сообщалось и о смерти историка С. Ф. Платонова), однако оно не соответствовало действительности. Профессор русской истории Московского университета, член ЦК конституционно-демократической партии А. А. Кизеветтер был только в очередной раз арестован.
47. Аналитический обзор работ предшественников Вернадского по этим проблемам см. в его книге «Живое вещество».
48. По-видимому, имеется в виду работа немецкого философа Э. Гартмана «Das Unbewusste vom Standpunkt der Physiologie und Descendenztheorie» (Berlin, 1872). Труды Э. Гартмана многократно издавались и в России (см., например, «Современная психология». М., 1902; «Истина и заблуждение в дарвинизме». СПб., 1909 и др.). Идеиный предшественник панпсихизма, он признавал основой всего сущего бессознательное духовное начало, образующее абсолютное единство воли и идеи. Ряд работ Гартмана посвящен обоснованию этики пессимизма.
49. Петрункевич Михаил Иванович — сын председателя кадетской партии И. И. Петрункевича, управляющий имением гр. С. В. Паниной в Гаспре.
50. Сковорода Григорий Саввич (1722—1794) — украинский религиозный философ, поэт, педагог.
51. Гарф Эрнст Карлович — инженер, сотрудник Киевского Политехнического института, ученик С. П. Тимошенко.
52. Шапошников Владимир Георгиевич (1870—1952) — химик-органик, академик УАН (1922).
53. Тимошенко Степан Прокофьевич (1878—1972) — специалист в области механики. Академик УАН (1918), иностранный член АН СССР (1928). С 1920 г. в эмиграции. О встречах с Вернадским см. его «Воспоминания» (Париж, 1963).
54. Де Метц Георгий Георгиевич (1861—1930) — физик, декан физико-математического факультета Киевского университета.
55. Имеется в виду Прасковья Кирилловна Казакова, в течение многих лет домработница Вернадских и фактически член их семьи.
56. См.: Wallace A. Die Tropenwelt Nebst Abhandlungen verwandten. Inhaltis. Breunschweig, 1879.
57. Палиенко Николай Иванович (1869—1937) — юрист, профессор Харьковского университета, академик АН УССР (1930).
58. Май-Маевский Владимир Зенонович (1867—1920) — генерал-майор, в мае — ноябре 1919 г. командующий Добровольческой

армией, 27 ноября смещен с этого поста и заменен П. Н. Врангелем.

59. Ключарев Александр Васильевич (1867—?) — почвовед, профессор Киевского Политехнического института.

60. Тарановский Федор Васильевич (1875—1936) — историк права, профессор Варшавского и Дерптского университетов.

61. Билимович Александр Дмитриевич (1869—1963) — профессор политэкономии и статистики Киевского университета; с 29 сентября 1919 г. начальник управления земледелия и землеустройства Особого совещания. В эмиграции с 1920 г.

62. Осведомительное агентство при Добровольческой армии; создано летом 1918 г., существовало до марта 1920 г.

63. Ревуцкая Елизавета Дмитриевна (1866—1941) — минералог, ученица Вернадского.

64. Друг Вернадского со студенческих времен, непреременный секретарь Российской Академии наук, член ЦК кадетской партии Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934) оказался одним из немногих оставшихся в течение всей гражданской войны в Петрограде членов ЦК и РАН. 4 сентября 1919 г. был арестован в связи с делом «Национального центра» и пробыл на Шпалерной свыше двух недель.

65. Речь идет о семье ближайшего друга Вернадского, члена ЦК кадетской партии, историка и литературоведа Дмитрия Ивановича Шаховского (1862—1939).

66. Чаплыгин Сергей Алексеевич (1869—1942) — специалист в области механики, академик АН СССР (1929). Беспокойство Вернадского о его судьбе связано с арестами в Москве.

67. Красуский Константин Адамович (1867—1937) — химик, профессор Харьковского университета. Чл.-корр. АН УССР (1926) и АН СССР (1933); Багалей Дмитрий Иванович (1857—1932) — историк и общественный деятель. Академик УАН (1919); Маклецов Александр Васильевич — правовед, преподаватель Харьковского университета.

68. Этой проблеме посвящена статья Вернадского «Об организации местной власти», опубликованная 1(14) и 4(17) декабря 1919 г. в ростовской газете «Донская речь». Стержневым звеном новых форм управления он считал «местную автономию» — местную власть, увеличивающую свои исполнительные функции и даже получающую от центральной власти часть законодательных полномочий.

69. Бублик Ф. Н. (1881—?) — археолог, нумизмат, сотрудник Темрюкского естественно-исторического и краеведческого музея.

Публикация
Маринь СОРОКИНОЙ

УТРАЧЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

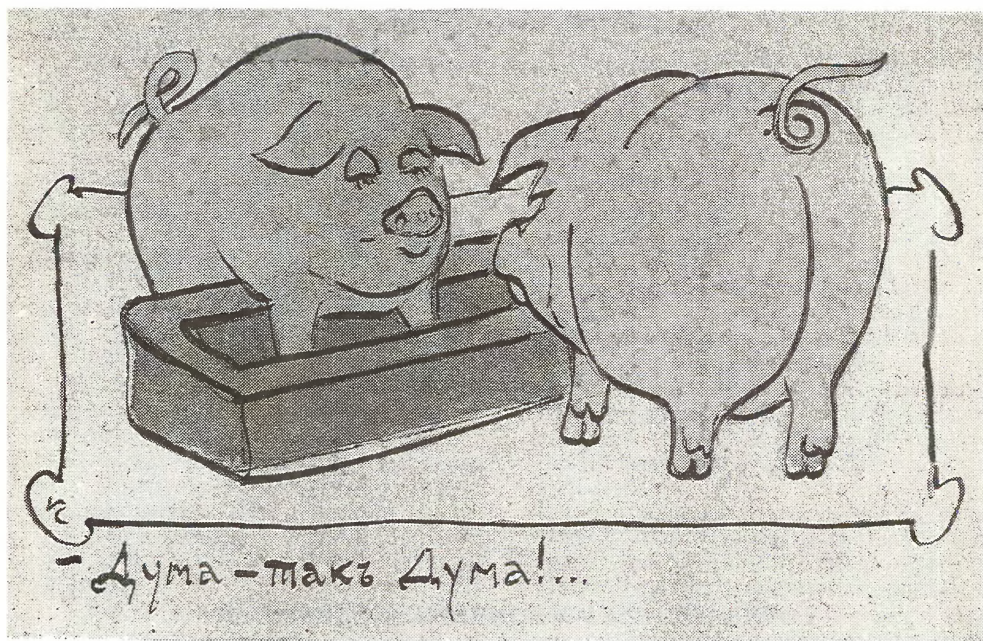
Художник, отличавшийся смелостью
тематического выбора.
Карикатуры Валерия Каррика.

Пророческие заметки философа
Ивана Ильина о России.
Они остаются актуальными до сих пор.

Точка зрения на причины поражения
белых армий в гражданской войне.
*Записки генерал-лейтенанта
Е. И. Достовалова.*

«ДУМА — ТАК ДУМА!..»

Художник Валерий Каррик и его карикатуры

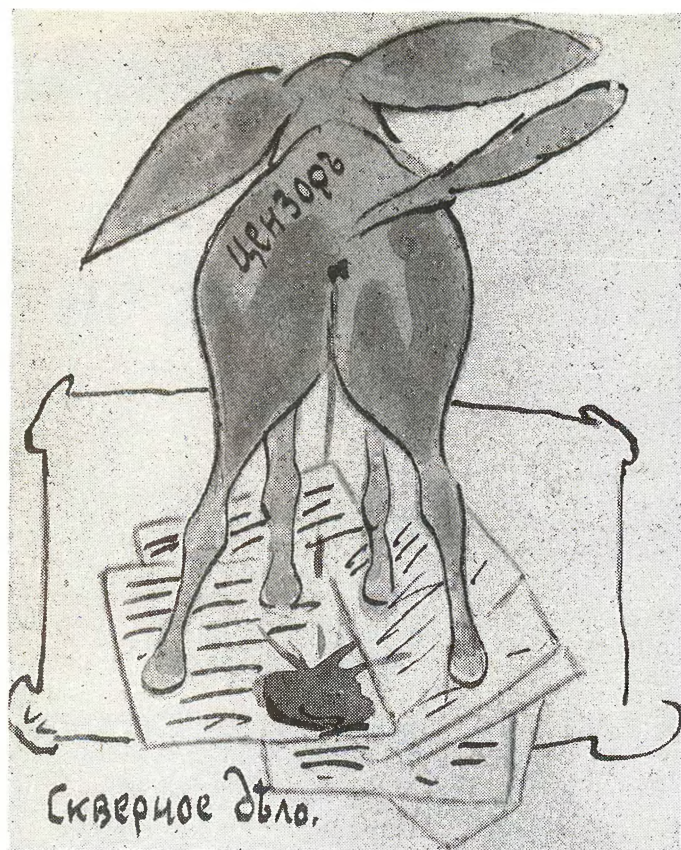

Высокого расцвета достигла русская сатирическая графика на рубеже XIX—XX вв. Художники глубоко прочувствовали острые моменты современной им общественной жизни. В жанре карикатуры в начале века работали Бакст, Бенуа, Билибин, Грабарь, Добужинский, Кустодиев, Лансере, Серов, Сомов и другие.

Среди карикатуристов выделялся Валерий Вильямович Каррик (1869—1943) — художник, отличавшийся смелостью тематичес-

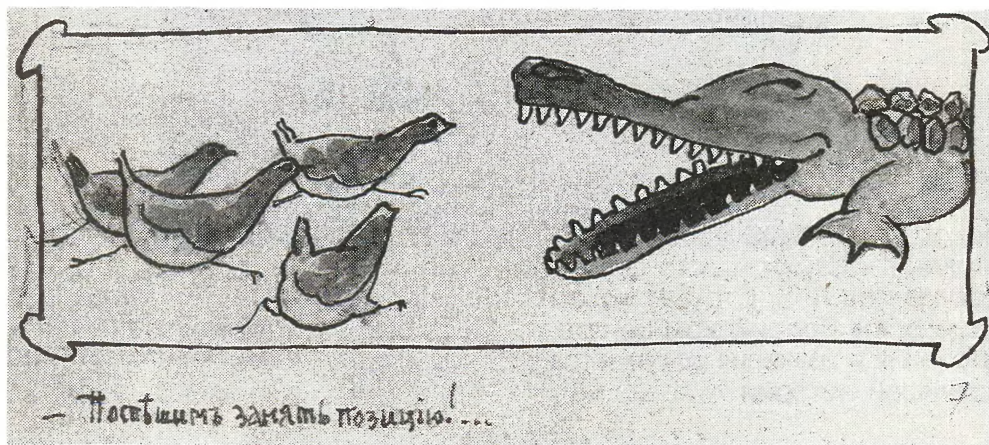
кого выбора. После октябрьского переворота 1917 г. он уехал в Норвегию, где работал над иллюстрированием народных сказок.

Будучи автором прославившихся портретов-шаржей писателей С. Скитальца, Л. Андреева, В. Короленко и других, В. Каррик был оценен М. Горьким и привлечен в 1905 г. к участию в сатирическом журнале «Жупел». Затем художник сотрудничал в журнале «Леший». Его карандашу, по воспоминаниям социал-

демократа Д. Ф. Сверчкова, принадлежит добрая половина карикатур, появившихся в заграничных журналах, в том числе и русских эмигрантских. Карикатуры, которые мы сегодня публикуем, присланы автором в

русский либеральный журнал в Париже «Освобождение», главным редактором которого был П. Б. Струве. Поскольку журнал не был иллюстрированным, то рисунки Каррика так и остались неопубликованными в архиве

редакции, который теперь составляет часть большого фонда документов П. Б. Струве, находящегося в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории.

Публикация
Василия ДОРОФЕЕВА
и **Ирины КОНДАКОВОЙ**

РЦХИДНИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 248.

Источник 3/1994

**«Европа нас
не Знает, не Понимает
и не Любит»**

Публикуемые ниже статьи принадлежат перу русского философа Ивана Александровича Ильина (1883—1954). Профессор Московского университета, эмигрировавший в 1922 году, жил в Берлине, затем в Цюрихе. Среди соотечественников пользовался репутацией пророка, но не в смысле предсказаний, а в том, что в своих работах разрабатывал задачи России раньше, чем они реально вставали перед русским народом. В полной мере это относится и к публикуемым в этом номере статьям.

Они входят в большой цикл «Наши задачи», написанный И. Ильиным в 1948—1954 гг. Статьи выходили на правах рукописи и рассылались руководством «Русского общевоинского союза» под грифом «Еженедельный листок только для единомышленников». Наследие И. А. Ильина огромно, но до последнего времени оно было неизвестно отечественному читателю. Поэтому издательство «Русская книга» начало выпуск Собрания сочинений И. А. Ильина в 10 томах. Первые две книги уже вышли из печати.

ПРОТИВ РОССИИ

Где бы мы, русские национальные эмигранты, ни находились в нашем рассеянии, мы должны помнить, что другие народы *нас не знают и не понимают*, что они *боятся России, не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому ее ослаблению*. Только одна маленькая Сербия инстинктивно сочувствовала России, однако без знания и понимания ее; и только одни Соединенные Штаты инстинктивно склонны предпочесть единую национальную Россию как неопасного им антипода и крупного, лояльного и платежеспособного покупателя.

В остальных странах и среди остальных народов — мы *одиноки, непонятны и «непопулярны»*. Это не новое явление. Оно имеет свою историю. М. В. Ломоносов и А. С. Пушкин первыми поняли своеобразие России, ее особенность от Европы, ее «не-европейскость». Ф. М. Достоевский и Н. Я. Данилевский¹ первыми поняли, что Европа нас не знает, не понимает и не любит. С тех пор прошли долгие годы, и мы должны были испытать на себе и подтвердить, что все эти великие русские люди были *прозорливы и правы*.

Западная Европа нас не знает, во-первых, потому, что *ей чужд русский язык*. В девятом веке славяне жили в самом центре Европы: от Киля до Магдебурга и Галле, за Эльбой, в «Богемском лесу», в Каринтии, Хорватии и на Балканах. Германцы систематически завоевывали их, вырезали их верхние сословия и, «обезглавив» их таким образом, подвергали их денационализации. Европа сама вытеснила славянство на восток и на юг. А на юге их покорило, но *не денационализировало* турецкое иго. Вот как случилось, что русский язык стал чужд и «труден» западным европейцам. А без языка народ народу нем («немец»).

Западная Европа не знает нас, во-вторых, потому, что *ей чужда русская (православная) религиозность*. Европой искони владел Рим, — сначала языческий, потом католический, воспринявший основные традиции первого. Но в русской истории была воспринята не римская, а греческая традиция. «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» (Пушкин²). Рим никогда не отвечал нашему духу и нашему характеру. Его самоуверенная, властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце. А греческое вероисповедание мы, *не искажая*, восприняли *настолько своеобразно*, что о его «греческости» можно говорить лишь в условном, историческом смысле.

Европа не знает нас, в-третьих, потому, что *ей чуждо славяно-русское созерцание мира, природы и человека*. Западноевропейское человечество движется *волею и рассудком*. Русский человек живет прежде всего *сердцем и воображением*, и лишь потом волею и умом. Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты как «глупости»; русский человек, наоборот, ждет от человека прежде всего доброты, совести и искренности. Европейское правосознание формально, черство и уравнительно; русское — бесформенно, добродушно и справедливо. Европеец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы (и европейские тоже) и желает властвовать над ними; за то требует внутри государства формальной «свободы» и формальной «демократии». Русский человек всегда наслаждается естественною свободою своего пространства, вольностью безгосудар-

ственного быта и расселения и неестественностью своей внутренней индивидуализации; он всегда «удивлялся» другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся поработителей; он ценил *свободу духа* выше формальной *правовой свободы*, — и если бы другие народы и народцы его не тревожили, не мешали ему жить, то он не брался бы за оружие и не добивался бы власти над ними.

Из всего этого выросло глубокое различие между западной и восточно-русской культурой. У нас *вся культура — иная, своя*; и притом потому, что у нас *иной, особый духовный уклад*. У нас совсем иные храмы, иное богослужение, иная доброта, иная храбрость, иной семейный уклад; у нас совсем другая литература, другая музыка, театр, живопись, танец; не такая наука, не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступлению, не такое чувство ранга, не такое отношение к нашим героям, гениям и царям. И притом *наша душа открыта* для западной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем и если есть чему, то учимся у нее; мы овладеваем их языками и ценим искусство их лучших художников; у нас есть дар *вчувствования и перевоплощения*.

У европейцев *этого дара нет*. Они понимают только то, что на них похоже, но и то искажая все на свой лад. Для них русское инородно, беспокойно, чуждо, странно, непривлекательно. Их мертвое сердце — мертво и для нас. Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожною, или каким-то большим загадочным «недоразумением»...

И за тридцать лет революции в этом ничего не изменилось. Так, в середине августа 1948 года происходил съезд так называемого «церковно-экуменического» движения в Швейцарии, в котором были выбраны 12 виднейших швейцарских богословов и пасторов (реформатской церкви) на такой же «всемирный» съезд в Амстердаме. И что же? На съезде господствовало «братское» сочувствие к марксизму, к советской церкви и советчине и мертвое холодно-пренебрежительное отношение к национальной России, к ее церкви и культуре. Вопрос о русской культуре, о ее духовности и религиозной самобытности совсем и не ставился: она приравнивалась к нулю. Марксизм есть для них «свое», европейское, приемлемое; и советский коммунист для них ближе и понятнее, чем Серафим Саровский, Суворов, Петр Великий, Пушкин, Чайковский и Менделеев.

То же самое происходило потом и на «всемирном» съезде в Амстердаме, где подготавливалось чудовищное месиво из христианства и коммунизма.

Итак, Западная Европа не знает России. Но *неизвестное* всегда страшновато. А Россия по численности своего населения, по территории и по своим естественным богатствам огромна. *Огромное неизвестное* переживается всегда как сущная опасность. Особенно после того, как Россия в 18 и 19 веках показала Европе доблесть своего солдата и гениальность своих исторических полководцев. С Петра Великого Европа *опасалась* России; с Салтыкова (Кунерсдорф), Суворова и Александра Первого — Европа *боится* России. «Что, если этот нависающий с востока массив двинется на запад?» Две последние мировые войны закрепили этот страх. Мировая политика коммунистической революции превратила его в *неутихающую тревогу*.

Но страх унижает человека; поэтому он прикрывает его презрением и ненавистью. Незнание, пропитанное страхом, презрением и ненавистью, фантазирует, злопыхательствует и выдумывает. Правда, мы видели пленных немцев и австрийцев, вернувшихся в Европу из русских лагерей и *мечтавших о России и русском народе*. Но европейское большинство и особенно его демократические министры — кормятся незнанием, боятся России и постоянно *мечтают о ее ослаблении*.

Вот уже полтора столетия Западная Европа боится России. Никакое служение России общеевропейскому делу (Семилетняя война, борьба с Наполеоном, спасение Пруссии в 1805—1815 годах, спасение Австрии в 1849 году, спасение Франции в 1875 году, миролюбие Александра III, Гаагские конференции, жертвенная борьба с Германией 1914—1917 гг.) — *не весит перед лицом этого страха*; никакое благородство и бескорыстие русских государей не рассеивало этого европейского злопыхательства. И когда Европа увидела, что Россия стала жертвою большевистской революции, то она решила, что это *есть торжество европейской цивилизации*, что новая «демократия» расчленит и ослабит Россию, что можно перестать бояться ее и что советский коммунизм означает «прогресс» и «успокоение» для Европы. Какая слепота! Какое заблуждение!

Вот откуда это основное отношение Европы к России: Россия — это загадочная, полуварварская «пустота»; ее надо «евангелизировать» или обратить в католичество, «колонизировать» (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих западноевропейских целей и интриг; а впрочем — ее необходимо *всячески ослаблять*. Как?

Вовлечением ее в невыгодный момент в разорительные для нее войны; недопущением ее к свободным морям; если возможно — то расчленением ее на мелкие государства; если возможно — то сокращением ее народонаселения (напр., через поддержание большевизма с его террором — политика германцев 1917—1939 гг.); если возможно — то насаждением в ней революций и гражданских войн (по образцу Китая); а затем — внедрением в Россию международной «закулисы», упорным навязыванием русскому народу непосильных для него западноевропейских форм республики, демократии и федерализма, политической и дипломатической изоляцией ее, неустанным обличением ее мнимого «империализма», ее мнимой «реакционности», ее «некультурности» и «агрессивности».

Все это мы должны понять, удостовериться в этом и никогда не забывать этого. Не для того, чтобы отвечать на вражду — ненавистью, но для того, чтобы верно *предвидеть события и не поддаваться столь свойственным русской душе сентиментальным иллюзиям*.

Нам нужны *трезвость и зоркость*.

В мире есть *народы, государства, правительства, церковные центры, закулисные организации и отдельные люди — враждебные России, особенно православной России, тем более императорской и нерасчлененной России*. Подобно тому, как есть «англофобы», «германофобы», «японофобы» — так мир *изобилует «руссофобами», врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления всяческий успех*. Это надо продумать и прочувствовать до конца.

Поэтому, с кем бы мы ни говорили, к кому бы мы ни обращались, мы должны зорко и трезво измерять его *мерилом его симпатий и намерений в отношении к единой, национальной России* и не ждать от завоевателя — спасения, от расчленивателя — помощи, от религиозного совратителя — сочувствия и понимания, от погубителя — благожелательства и от клеветника — правды.

Политика есть *искусство узнавать и обезвреживать врага*. К этому она, конечно, не сводится. Но кто к этому неспособен, тот сделает лучше, если не будет вмешиваться в политику.

28 сентября 1948 г.

О РАСЧЛЕНИТЕЛЯХ РОССИИ

У национальной России есть враги. Их не надо называть по именам: ибо мы знаем их и они знают сами себя. Они появились не со вчерашнего дня и их дела всем известны в истории.

Для одних национальная Россия слишком велика, народ ее кажется им слишком многочисленным, намерения и планы ее кажутся им тревожно-загадочными и, вероятно, «завоевательными»; и самое «единство» ее представляется им *угрозой*. Малое государство часто боится большого соседа, особенно такого, страна которого расположена слишком близко, язык которого чужд и непонятен и культура которого инородна и своеобразна. Это противники — в силу слабости, опасения и неосведомленности.

Другие видят в национальной России — соперника, правда, ни в чем и никак не посягающего на их достояние, но «могущего, однажды, захотеть посягнуть» на него, или слишком успешным мореплаванием, или сближением с восточными странами, или же торговой конкуренцией! Это недоброхоты — по морскому и торговому соперничеству.

Есть и такие, которые сами одержимы завоевательными намерениями и промышленной завистью: им завидно, что у русского соседа большие пространства и естественные богатства; и вот они пытаются уверить себя и других, что русский народ принадлежит к низшей, полуварварской расе, что он является не более, чем «историческим навозом», и что «сам бог» предназначил его для завоевания, поко-

рения и исчезновения с лица земли. Это враги — из зависти, жадности и властолюбия.

Но есть и давние религиозные недруги, не находящие себе покоя оттого, что русский народ упорствует в своей «схизме»³ или «ереси», не приемлет «истины» и «покорности» и не поддается церковному поглощению. А так как крестовые походы против него невозможны и на костер его не взведешь, то остается одно: повергнуть его в глубочайшую смуту, разложение и бедствия, которые и будут для него или «спасительным чистилищем», или же «железной метлой», выметающей Православие в мусорную яму истории. Это недруги — из фанатизма и церковного властолюбия.

Наконец, есть и такие, которые не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через *малозаметную инфильтрацию его души и воли*, чтобы привить ему под видом «терпимости» — безбожие, под видом «республики» — покорность закулисным мановениям и под видом «федерации» — национальное обезличение. Это зложелатели — закулисные, идущие «тихой сапой» и наиболее из всех сочувствующие советским коммунистам, как своему («несколько пересаливающему») авангарду.

Не следует закрывать себе глаза на людскую вражду, да еще в исторически-мировом масштабе. Не умно ждаты от неприятелей — доброжелательства. Им нужна *слабая* Россия, изнемогающая в смутах, в революциях, в гражданских войнах и в *расчленении*. Им нужна Россия с *убывающим народонаселением*, что и осуществляется за последние 32 года. Им нужна Россия *безвольная*, погруженная в несущественные и нескончаемые партийные распри, вечно застревающая в разногласии и многоволии, неспособная ни оздоровить свои финансы, ни провести военный бюджет, ни создать свою армию, ни примирить рабочего с крестьянином, ни построить необходимый флот. Им нужна Россия *расчлененная*, по наивному «свободолюбию» *согласная на расчленение* и воображающая, что ее «благо» — в распадении.

Но единая Россия им не нужна.

Одни думают, что Россия, расколовшаяся на множество маленьких государств (напр., по числу этнических групп или подгрупп!), перестанет висеть вечной угрозой над своими «беззащитными» европейскими и азиатскими соседями. Это выговаривается иногда открыто. И еще недавно, в тридцатых годах, один соседний дипломат уверял нас, что такое *саморасчленение «бывшей России»* по этническим группам будто бы уже подготовлено подпольными переговорами за последние годы и начнется немедленно после падения большевиков.

Другие уверены, что раздробленная Россия сойдет со сцены в качестве опасного, — торгового, морского и имперского, — конкурента; а затем можно будет создать себе превосходные «рынки» (или рыночки) и среди маленьких народов, столь отзывчивых на иностранную валюту и на дипломатическую интригу.

Есть и такие, которые считают, что первую жертвою явится политически и стратегически бессильная Украина, которая будет в благоприятный момент легко оккупирована и аннексирована с запада; а за нею быстро созреет для завоевания и Кавказ, раздробленный на 23 маленькие и вечно враждующие между собою республики.

Естественно, что религиозные противники национальной России ожидают себе полного успеха от всероссийского расчленения: во множестве маленьких «демократических республик» воцарится, конечно, полная свобода религиозной пропаганды и конфессионального совращения, «первенствующее» исповедание исчезнет, всюду возникнут дисциплинированные клерикальные партии, и работа над конфессиональным завоеванием «бывшей России» закипит. Для этого уже готовится целая куча искушенных пропагандистов и вороха неправдивой литературы.

Понятно, что и закулисные организации ждут себе такого же успеха от всероссийского расчленения: среди обнищавшего, напуганного и беспомощного русского населения инфильтрация разольется неудержимо, все политические и социальные высоты будут захвачены тихой сапой, и скоро все республиканские правительства будут служить «одной великой идее»: безыдейной покорности, безнациональной цивилизации и безрелигиозного псевдо-братства.

Кому же из них нужна единая Россия, это великое «пугало» веков, этот «давя-

щий» государственный и военный массив, с его «возмутительным» национальным эгоизмом и «общепризнанной» политической «реакционностью». *Единая Россия* есть национально и государственно-*сильная* Россия, блюдущая свою особливую веру и свою самостоятельную культуру: все это решительно не нужно ее врагам. Это понятно. Это надо было давно предвидеть.

Гораздо менее понятно и естественно, что эту идею *расчленения, обессиления* и, в сущности, *ликвидации исторически-национальной России* ныне стали выговаривать люди, родившиеся и выросшие под ее крылом, обязанные ей всем прошлым своего народа и своих личных предков, всем своим душевным укладом и своей культурой (поскольку она вообще им присуща). Голоса этих людей иногда звучат просто слепым и наивным *политическим доктринерством*, ибо они, видите ли, остались «верны» своему «идеалу федеративной республики», а если их доктрина для России не подходяща, то тем хуже для России. Но иногда эти голоса, как ни страшно сказать, проникнуты *сущей ненавистью к исконной исторически-сложившейся России*, и формулы, произносимые ими, звучат безответственной клеветой на нее (таковы, например, статьи «федералистов», печатающихся в нью-йоркском «Новом Журнале», статьи, за которые целиком ответственна и редакция журнала, и основная группа его сотрудников). Замечательно, что суждения этих последних писателей, по существу своему, очень близки к той «*украинской пропаганде*», которая десятилетиями культивировалась и оплачивалась в парниках *германского милитаризма* и ныне продолжает выговаривать свою программу с вящим ожесточением.

Читая подобные статьи, невольно вспоминаешь одного предреволюционного доцента в Москве, недвусмысленного пораженца во время первой войны, открыто заявлявшего: «У меня *две* родины, Украина и Германия, а Россия никогда не была моей родиной». И невольно противопоставляешь его одному современному польскому деятелю, мудрому и дальновидному, говорившему мне: «Мы, поляки, совершенно не желаем отделения Украины от России! Самостоятельная Украина неизбежно и быстро превратится в германскую колонию, и мы будем взяты немцами в клещи — с востока и с запада».

И вот, имея в виду *русских расчленителей*, мы считаем необходимым привлечь внимание наших единомышленников к *проблеме федерации по существу*. И для этого просим внимания и терпения; ибо вопрос этот — сложный и требует от нас пристального рассмотрения и неопровержимой аргументации.

8 сентября 1949 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данилевский Николай Яковлевич (1822—1885) — русский писатель, социолог, идеолог панславизма. Ильин имеет в виду книгу Данилевского «Россия и Европа» (1869).

2. См. Пушкин А. С. Заметки по русской

истории XVIII века. // Полн. собр. соч. В 10 т. Т. VIII. Л., 1978. С. 92—93.

3. Схизма — в переводе с греч. «раскол», «раздор». Католики вменяют в вину православным потерю многих догматов католической церкви, за что и именуют «схизматиками».

«Добровольческая Тактика ЗАСЛОНИЛА Военное Искусство»

Оказавшись в изгнании, участники белого движения неоднозначно оценивали события минувшей гражданской войны и свою роль в ней. Резкая критика, выпады, порой противоположные суждения в избытке встречаются на страницах опубликованных в 20-е годы и позднее воспоминаний, дневников и записок. Поэтому так важно предать гласности то, что еще малодоступно или вовсе недоступно читателю.

Публикуемая ниже одна из глав записок генерал-лейтенанта Евгения Исаковича Достовалова (1882—1938) принадлежит к числу подобных.

Автор — кадровый офицер российской армии. Родился в Семипалатинской области в семье статского советника. Военное воспитание и образование получил в Сибирском кадетском корпусе, Константиновском артиллерийском училище и Николаевской военной академии. Участвовал в русско-японской и первой мировой войнах.

После Февральской революции сблизился с генералом

Л. Г. Корниловым, а после Октября в числе первых включился в вооруженную борьбу с большевиками, вначале в Крыму, затем в армиях

А. И. Деникина и П. Н. Врангеля.

Дважды был ранен в боях.

В ноябре 1920 г., будучи в должности начальника штаба 1-й армии, эвакуировался из Крыма и находился в Галли-полийском военном лагере, выполнял ответственные задания командования. Постепенно в сознании генерала, много пережившего и передумавшего, обозначился перелом, о причинах которого можно сказать либо много, либо ничего, предоставив такую возможность читателю.

Достовалов уходит из армии, вступает в острый конфликт с руководителями белой эмиграции и возвращается в Россию.

В предлагаемой вниманию читателей главе автор в краткой и эмоциональной форме высказал свою точку зрения о причинах поражения белых армий на юге России. Рукопись большой работы о гражданской войне, которую Достовалов подготовил для издания, была конфискована греческой полицией при аресте генерала, обвиненного в прокоммунистических настроениях. Достовалова отправили на каторгу, откуда он вскоре стал присылать корреспонденции в издававшуюся в 1922—1924 гг. в Берлине и субсидировавшуюся из Москвы газету «Накануне». Вероятно, записки предназначались для редакции газеты. На обложке имеется запись, сделанная в советском посольстве: «Срочно направить заказной бандеролью в адрес тов. Иорданского. 12/Х-24 г., Берлин. (Подпись неразборчива)».

Н. И. Иорданский (1876—1928) — советский государственный и партийный деятель, в 1922—1924 гг. дипломатическую работу сочетал с «литературно-политической деятельностью» в Госиздате.

В эти годы коммунистическое правительство России развернуло работу по дискредитации и разложению белой эмиграции. По линии ОГПУ велась оперативная работа, вербовка. Издавались воспоминания «раскаявшихся и осознавших» участников белого движения. Обвинительная тенденция записок, резкие выражения Достовалова в адрес лидеров белого движения и открытая симпатия к Советской России

обратили на себя внимание сотрудника посольства. Попав в Москву, в Госиздат, рукопись приобрела вскоре еще одну резолюцию неведомого чиновника: «Желательно предисловие Фрунзе и необходима военная цензура. 25/Х—24 г.».

Читал ли рукопись М. В. Фрунзе, нам не известно, но читали ее внимательно, судя по отчеркиваниям синим и красным карандашом на полях. В тексте рукописи есть также изменения и авторские вставки, вероятно позднейшие. В публикации они не оговариваются, поскольку носят непринципиальный характер.

После провозглашенной советским правительством амнистии участников белых армий сотни и тысячи солдат, офицеров и генералов вернулись на

родину, поверив пропаганде, или убегая от чужбины, нужды и унижений, или по иным причинам. Большинство из них впоследствии были репрессированы. Дата смерти генерала Достовалова допускает вероятность такого конца и лично для него. Но достоверных сведений нет.

Публикуемые рисунки сделаны русским художником Юрием Константиновичем Арцыбушевым (1877—1952). Он был широко известен в начале XX века. Рисовал портреты политиков, писателей, артистов. После октябрьского переворота находился на юге, на территории, занятой Добровольческой армией. С 1920 года — в эмиграции. Жил во Франции, Италии, Алжире. В 1946 году вернулся в СССР.

За что и как мы боролись.

Революция отнеслась к офицерам жестоко. Тот, кто уже может рассматривать этот факт в перспективе, быть может, найдет в нем известные исторические оправдания.

Но с первых дней революции и до конца ее, объявленные врагами народа, которым нет места в строительстве новой России, мы не могли ни думать, ни рассуждать спокойно.

Во главе всех контрреволюционных групп, поднявших оружие против большевиков, встали офицеры, предводительствуемые своими вождями.

Уже в начале 1918 года в Москве и по всей России шла вербовка офицеров, отправляющихся на юг или в Сибирь для формирования армий Корнилова и Колчака.

Когда стало ясно, что импотентная демократическая середина не способна увлечь за собой Россию и массы от нее отходят, наступила пора действовать тем, кто стоял на флангах.

Эти фланги все чувствовали и все переживали сильнее. И ненавидели они сильнее. Те, которые шли к власти, испытали долгие годы гонений и закалились в борьбе. Те, которые потеряли власть, испытывали теперь всю тяжесть гонений, и язык оружия был их привычным и единственно понятным языком.

Так началась война сторон, где каждая была сильна волей и ненавистью. Но отсутствие рутины, оригинальность мысли и ясное осознание поставленной цели давали большевикам огромное преимущество.

Офицеры знали солдата, ими воспитанного и дисциплинированного, и его любили.

Но суровые стены казармы допускали откровенность и даже нежность отношений лишь в определенных рамках, и очень редки бывали случаи, чтобы солдаты делились с офицерами своими затаенными крестьянскими думами о земле, о своей бедности, о разлуке своего крестьянского хозяйства, о вековых обидах от помещиков, о тяжелых и несправедливых условиях наемного и фабричного труда.

Да это было и невозможно. Такой офицер, увлекшийся подобными разговорами, немедленно навлек бы на себя неудовольствие начальства.

Офицеры знали солдата и не знали его.

И хотя солдаты, с которыми они занимались, были самый подлинный, рабоче-крестьянский русский народ — они не знали народа.

В борьбе, начатой офицерами, они оказались трагически одиноки.

130 тысяч помещиков, желавших властвовать над 130 миллионами крестьян, и те сословия, составляющие поверхностный слой в государстве, которым жилось

хорошо при старом режиме, сделали их оружием в своих руках и повели на борьбу с народом.

Рабочие, крестьяне, вся эта далекая от них, глухо и давно волнующаяся масса сермяжной Руси, 95% русского народа, со своими затаенными желаниями и веками накопленной обидой, была для них неведома.

Всем своим воспитанием, скудным, односторонним образованием они подготовились к определенной роли. Круг их понятий и представлений приковывал их к блестящей нищете. Им многое запрещалось делать, о многом они не смели говорить, от многого они были ограждены высокой стеной условностей. Большинство офицеров, конечно, не были врагами народа, какими их объявила революция. Напротив, офицеры не колеблясь жертвовали жизнью для счастья этого народа, но это счастье они понимали по-своему, а главное, они не задавались вопросами — совпадает ли их туманное представление о счастье народа с желанием самого народа. Любили ли мы Россию? Настоящую, живую? Я думаю, что мы любили свое представление о ней!

Но, поскольку офицерский корпус, в целом, был оружием в руках правящей аристократической верхушки, которая хотела, чтобы армия защищала интересы их класса, и поскольку интересы этого класса были противоположны и враждебны этому народу — офицеры оказались врагами народа.

В этой искусственной оторванности от народа, в исключительности их понятий и представлений, привитых им воспитанием, явился первый, еще не сознаваемый ими акт офицерской трагедии.

Верные себе, они пошли в белые армии умирать за сказку, за мираж, который казался им действительностью, пошли умирать за отжившие фетиши, которые группы политических дельцов, напудрив и подкрасив, подсовывали им, за фетиши вредные и не нужные ни русскому народу, ни самим офицерам.

Ошеломленные громкими криками и приказами, науськиваемые и натравливаемые спрятавшейся за их спиной кучкой купцов, помещиков и бюрократов, они ошиблись, принимая их вопли за голос России.

Непосредственные, наивные, привычно дисциплинированные, они повсюду составляли наиболее крепкую опору белого движения, ибо против решительных и реальных действий большевиков они одни могли противопоставить реальную же силу.

Вокруг крепкого офицерского ядра, привычно и быстро начавшего формировать дисциплинированные воинские части, стала группироваться штатская масса людей, оставшаяся без дела, потерявшая свое влияние, свой престиж, свои богатства, разношерстная по своему составу, одержимая страстным желанием вернуть утраченные привилегии.

Преступление Врангеля перед офицерами заключалось в том, что он признавал безнадежность начатого им дела и после эвакуации подтвердил, что в Крыму он гальванизировал труп, но сколько тысяч молодых офицерских жизней было принесено в жертву этой гальванизации.

Впрочем, и сами вожди белых армий признали узкоклассовый, а не всенародный характер возглавлявшегося ими белого движения. В своих воспоминаниях генерал Деникин говорит: «Армия в самом зародыше таила глубокий органический недостаток, приобретающий характер классовый, офицерский». Деникин видел глубокую ненависть к ней народных масс. «Было ясно, что добровольческая армия выполнить своей задачи во всероссийском масштабе не может». Несмотря на это, Деникин и Врангель устлали Россию офицерскими телами за дело, в торжество которого они сами не верили.

Впоследствии Деникин, несмотря на избыток офицеров, отказал Колчаку в его просьбе прислать офицеров, в которых сибирская армия чувствовала острый недостаток. Не имея надежды на успех, он в то же время боялся конкуренции другого такого же обреченного.

Во главе контрреволюционных армий встали выдвинутые великой войной¹ генералы, концентрировавшие в себе все специфические качества офицерского корпуса, политическое мировоззрение которых прошло через фильтр кадетских корпусов, военных училищ и долгие годы военной службы.

Не мудрено, что в зависимости от того или иного случайного окружения,

личного влияния и талантливости лиц, советников, военных вождей создавалась и обнаруживалась та случайная политическая программа, за которую шли умирать русские офицеры и увлекаемые ими массы уже совсем не рассуждавших, дисциплинированных солдат.

Если в тылу армий юга России и шла политическая борьба, то она шла между политическими группами, объединившимися вокруг Деникина, Донского круга и Кубанской Рады². Офицеры в ней участия не принимали.

В Крыму сильнее заговорили и подняли голову оправившиеся от испуга старые бюрократы, воинствующие священники, помещики и жандармы. Снова они делали политику, а офицеры утверждали ее своими телами.

И до самого конца офицерская масса, непривычная к политике, не умевшая и не желавшая разбираться в политических программах, по привычке покорная и дисциплинированная, шла на убой, твердо веря, что начальство все разберет и устроит и что политика их не касается. Вот почему от республиканца Корнилова, когда корниловский полк пел «Царь нам не кумир», и до монархиста Врангеля командующие белыми армиями спокойно, в зависимости от обстановки и окружения, меняли свои политические программы, с полной уверенностью, что это не вызовет никаких волнений в армии.

Вот почему те же самые войска, которые при Деникине вешали каждого, кто был против Единой и Неделимой России, спокойно признали при Врангеле казачье-украинскую ситуацию и в своих федеративно-показных стремлениях дошли до признания своим желанным союзником презиравшего нас, как и поляки, и не признававшего никакой государственности разбойника Махно.

Под покровительством и при поддержке французов в самый разгар их симпатий, закончившихся признанием Крыма³, выростала и крепла германская дружба. В Крыму при Врангеле существовал негласный германский штаб. Был сформирован под руководством немецких офицеров особый конный дивизион из немцев-колонистов. Но, боясь охлаждения и подозрений официальных покровителей — французов и рассчитывая в будущем на немцев, Врангель 10 июля 1920 года разослал в высшие штабы секретную инструкцию, в которой предупреждал начальников о необходимости соблюдать полную осторожность в выражении своих симпатий к немцам, так как «внимательное ознакомление с современным положением Германии показывает, что ждять от нее помощи в ближайшее время нельзя. Между тем снабжение армии и Крыма всецело зависит сейчас от отношения к нам Франции».

Под влиянием этих неожиданных и разнообразных политических комбинаций в головах офицеров царил полный сумбур.

В результате эта покорная дисциплинированная масса, у которой «служба в кость въелась», из приказов и газет и по собственному первому опыту революции знала только одно: там, по ту сторону фронта, их и их семьи ждут оскорбления, а может быть, смерть.

Здесь они люди, пользующиеся всеми человеческими правами, вздохнувшие свободно от вечного ужаса ожидания тюрьмы и расстрелов.

Они наконец успокоились. Их окружала привычная обстановка. Выбитые из колеи революцией, беспомощно и тоскливо озиравшиеся вокруг, травимые и брошенные всеми, они наконец снова нашли свое место. Измученные и несчастные, они пошли за теми, кто понял их душевное состояние и их приласкал.

И вместе с надетыми снова погонами они приняли на себя тяжелое обязательство защищать своей кровью врагов народа, авантюристов и проходимцев, и этим начался второй акт их офицерской трагедии.

Я не хочу сказать, что офицеры ровно ничего не понимали в происходящих событиях, как тот исторический китаец, который, будучи взят в плен, перед расстрелом на вопрос, за что он сражался, ответил: «За родную Кубань!» Но в их понимании своей политической программы туманного «счастья народа», за которое они отдавали жизнь, было много китайского.

Вот характерный случай, произошедший в штабе Добровольческого корпуса: на одной из станций, к югу от Ростова, уже при отходе армии к Новороссийску, в вагоне-столовой штаба Добровольческого корпуса был товарищеский ужин чинов штаба.

Полковник Генерального штаба Александрович громко заявил, что Единая и

А. И. Деникин. Одесса, осень 1919 г.

Неделимая Россия умерла, будущее принадлежит Федеративной России, — и предложил тост за будущую Федеративную Россию.

Тост был встречен молчанием и недоумением. Слово «федеративная» у нас почти запрещалось к произношению. Это слово имелось в официальном названии государства большевиков.

Дня через два телеграммой начальника штаба Главнокомандующего полковник Александрович был объявлен неблагонадежным, взят под надзор и откомандирован в резерв. А еще через два месяца в Крыму в том же штабе Главнокомандующего уже имелся генерал Кирей, специально ведавший вопросами сношений с Украиной (слово, которое тоже не произносилось при Деникине), с которой мы добивались союза, и налаживались добрые союзнические отношения с самостоятельным Петлюрой, казачьими государствами, всевозможными разбойничьими атаманами, кишевшими в Днепровских плавнях и на Украине, ставившими главным условием союза с нами «деньги и автономию».

Полковник Александрович снова был призван к деятельности и разыскал в плавнях и на Украине много старинных друзей Врангеля, а слова «федеративная» и «Украина» получили гражданство такое же, как и «родная Кубань».

А умиравшие два месяца тому назад офицеры и солдаты за «Единую и Неделимую» теперь умирали за «федеративную» и за «Хозяина»⁴.

Как быстро менялись политические настроения на верхах в зависимости от того, крепло или ослабевало наше положение, и какое было отсутствие там ясного и определенного понимания поставленных себе целей, рисует хотя бы следующий трагикомический факт, рассказанный мне в Екатеринодаре полковником Генерального штаба Дрейлингом.

— Еще в начале революции я написал одну книгу, — говорил он, — и предложил ее издать ставке генерала Корнилова. Мне вернули ее с указанием, что книга напечатана не будет, как очень правого направления. Прождав некоторое

время, когда во главе армии стал Деникин, я снова явился в штаб с просьбой издать мою книгу. Через несколько дней мне снова вернули рукопись, но уже с указанием, что книга издана не будет, как слишком левого направления.

Так книга издана и не была, ибо в быстрой смене настроений верхов Добровольческой армии полковник Дрейлинг пропустил момент, удобный для напечатания книги.

Несмотря на быструю смену настроений на верхах, несмотря на чехарду политических программ и общее к ним пренебрежение, одно оставалось всегда неизменным, не ослабевало в верхах и подогревалось и культивировалось в низах — это ненависть, глубокая ненависть ко всем, кто так или иначе явился виновником революции или сочувствовал или содействовал ей.

Сражаясь с большевиками, армия боролась не только против них, она боролась против всех так называемых «завоеваний революции», неприемлемых для нее, и против большевиков, потому что они сейчас были у власти.

Керенский с его реформами в армии⁵, социал-демократы, социалисты-революционеры, лидеры демократической части Государственной думы, сочувствующие революции, Временное правительство — одним словом, все, кто своими речами и действиями подготовил и сочувствовал революции в России, были их заклятыми врагами. Ненавидели Милюкова, ненавидели и травили разъезжавшего с армией Родзянко⁶ и мечтали о том, как расправятся с ними потом, когда с революцией будет покончено.

Их ненавидели так же, как и большевиков, а может быть, сильнее. Это отношение ко всем зачинщикам революции все крепло по мере того, как правела армия, проходя свой путь от Корнилова к Врангелю. Большевики были определенные люди, и их приход к власти многим казался даже желаемым.

Неоднократно приходилось слышать, что еще до Октябрьской революции выразилось желание, чтобы большевики захватили власть в России. Казалось, что большевизм с его крайностями продержится недолго и тогда будет, наконец, найдена та равнодействующая, тот политический, государственный строй, который, устранив увлечение революцией, вернет России ее утраченное величие, а офицерам их старое, почетное место в государстве и армии. Большинство не сомневалось в том, что это будет монархия.

Правда, первый Главнокомандующий Добровольческой армией был республиканец. Но республиканские течения, как дань времени, быстро испарились из армии. Корнилову прощали его «свободомыслие», но вспоминать об этом как-то стеснялись и не хотели.

На публичном собрании в день годовщины смерти Корнилова Деникин произнес речь: «Пройдут года, и к высокому берегу Кубани придут поклониться его друзья, придут и его палачи⁷. И он простит им, темным, заблудившимся людям. Но одним не простит он — прелюбодеям мысли и слова, разрушившим государство и армию».

Когда мы выходили из собрания, генерал, шедший со мной, неожиданно сказал: «Да, Керенского, Милюкова и Родзянко я повесил бы сам собственноручно».

Вспоминаю характерный для настроения восставшего офицерства рассказ генерала Кутепова⁸ из первых времен существования Добровольческой армии, который он любил повторять и который неизменно вызывал общее сочувствие слушающих.

— Однажды, — рассказывал Кутепов, — ко мне в штаб явился молодой офицер, который весьма развязно сообщил мне, что приехал в Добровольческую армию сражаться с большевиками «за свободу народа», которую большевики попирают. Я спросил его, где он был до сих пор и что он делал, офицер рассказал мне, что был одним из первых «борцов за свободу народа» и что в Петрограде он принимал деятельное участие в революции, выступив одним из первых против старого режима. Когда офицер хотел уйти, я приказал ему остаться и, вызвав дежурного офицера, послал за нарядом. Молодой офицер заволновался, побледнел и стал спрашивать, почему я его задерживаю. Сейчас увидите, сказал я и, когда наряд пришел, приказал немедленно расстрелять этого «борца за свободу».

Конечно, по необходимости диктаторские круги Добровольческой армии объединялись иногда для сотрудничества даже с представителями социалистических

Типы добровольцев из армии,
бравшей Одессу в августе 1919 г.

партий⁹ против общего в этот момент врага — большевиков, но это был союз не по любви, а по расчету и на время, и каждый в глубине души сознавал это и чувствовал, что объединяется с врагом, интересы которого взаимно противоположны, и никто не сомневался в том, что после победы над большевиками предстоит такая же упорная и жестокая борьба со своими временными союзниками. Я не отрицаю того, что в армии были и искренние друзья социалистов. Таковые были даже и среди генералов, занимавших ответственные посты в армии. Но это были редкие, случайные единицы, и масса не разделяла их убеждений.

Очень хорошо испытали на себе истинное отношение армии такие «борцы за свободу народа», как Гучков¹⁰ и Родзянко, несмотря на постоянное и, наверное, искреннее желание быть ей полезными.

Постоянно приходилось мне слышать мнения, высказываемые самими различными людьми, что хорошо бы повесить Керенского за то, что разложил армию, Милюкова за то, что подготовил революцию, Гессена¹¹ за то, что пачкает белое дело жидовскими руками, Винавера¹² за то, что жид и хотел отделить Крым от России.

Я несколько не сомневаюсь, что, если бы победили добровольцы, всех нынешних демократических друзей Врангеля ожидала бы участь Набокова¹³. Рано или поздно.

За что же, в конце концов, боролись офицеры? Какой представлялась им будущая, освобожденная от большевиков Россия?

На этот вопрос могут быть два ответа.

В общем они не хотели того, что только что пережили со времени начала гонений на офицеров.

Какой это будет государственный строй, который вернет им старое положение в государстве и в армии и обеспечит уважение к их человеческому достоинству, — они не знали. Многим казалось, что это будет монархия, но мирились также и с республикой.

Главная масса офицеров по-прежнему проявляла полную безучастность к тому, что будет с другими сословиями в государстве. Вопросы рабочий, крестьянский — предоставляли решать начальству, об этом вообще мало было разговоров.

Знали твердо одно.

Хотелось отдохнуть и жить спокойно после стольких лет войны.

Наш старый дом, конечно, нуждался в ремонте, все это сознавали, но офицеры хотели жить в старом, отремонтированном доме, таком спокойном и уютном, где каждая вещь была давно знакома и занимала свое место.

Большевики хотели сломать этот дом, построить свой, новый и заставить нас жить в нем. И этого офицеры не хотели и боялись, и дальше этих больше сердцем, чем умом переживаемых стремлений их желания пока не шли.

Но и эти неоформленные мечты умирали по пути от Орла к Новороссийску¹⁴ и были окончательно похоронены в Крыму.

Но это были мечты и факты...¹⁵

Ответ на то, за что фактически умирали русские офицеры в рядах Добровольческой армии, дает деникинский юг, и в особенности врангелевский Крым. «Образцовая ферма», «прообраз будущей России», с его кошмарным воровством и взяточничеством и расстрелами, пытками и тюрьмами, с его убогим крестьянским и рабочим законодательством, с его выжившими из ума губернаторами, воинствующими попами, контрразведками, публичными казнями женщин и подростков, грабежами и насилием и нескрываемым, рвущимся наружу, несмотря на массовые казни и переполненные тюрьмы, негодованием распинаемого народа.

Вот тот строй — «прообраз будущей России», за который фактически боролись и умирали офицеры.

Несмотря на громкие приказы и демократические выкрики, было совершенно ясно, что «Крымская ферма» есть полная реставрация старой России, где введено было лишь военное положение, где весь народ был взят под подозрение и рассматривался как обвиняемый.

Это была старая полицейская Россия, и выразителями ее идеологии были Кривошеин¹⁶, епископ Вениамин¹⁷ и специалист жандармского сыска сенатор Климович¹⁸.

Полусумасшедшие фанатики попы, грабители всех чинов и рангов, мстители из рядов привилегированных сословий, потерявшие с начала революции все прежние привилегии, иступленно мечтавшие о расправах с «бунтовщиками», контрразведчики всех степеней, опьяненные безнаказанностью и безграничной властью над населением, садисты и психопаты, получившие возможность свободно проявлять свои инстинкты, покровительствуемые начальством тысячи жуликов, спекулянтов, теневого дельцов, старавшихся урвать что-нибудь в общей неразберихе — все это сплелось в кошмарный, кровавый клубок, намотавшийся вокруг армии и катившийся вместе с ней от донских степей до Орла и до врангелевской западни в Крыму.

И тысячи русских офицеров, составляющих основу белых армий, покорные,

Н. Махно. Лето 1918 г.

привыкшие к повиновению, никогда не думавшие и считавшие предосудительным думать о политике, совершенно не разбиравшиеся и не хотевшие разбираться ни в каких политических программах, не понимавшие и не способные понять глубокого значения происходивших событий, шли по российским полям, слепые, как святой Денис¹⁹, неся на руках свою ничего не видящую голову.

Конечно, те верхушки старого государства, которым во что бы то ни стало хотелось сохранить прежний государственный порядок, увлекавшие офицеров на войну с народом, отлично понимали цели борьбы, но в массе белых офицеров этого понимания не было. Здесь был инстинкт самосохранения и инерция долгого одностороннего воспитания и дисциплины. «Белой мечты» как ясного представления о лучшем для России социальном строе, за который нужно бороться, в массе офицеров не было. Об этом никто не говорил. Это предоставлялось потом решить начальству.

Все это вместе — трагическое и сумбурное, называемое белым движением — было плодом обиды, мести, эгоизма, корысти и недоразумения.

И меньше всего в нем было государственного, и белая мечта казалась так

туманно-неясна или так цинично-эгоистична, что за все время гражданской войны верхи белых армий не могли и не хотели определенно ее формулировать, а она была простая и ясная: «Верните нам нашу власть, наши прежние привилегии, наши состояния и наши убытки».

И повсюду на огромных равнинах России от Орла до Новороссийска и на крошечной территории Крыма картина была одна и та же.

Впереди шла армия, насаждавшая ненавистный народу старый порядок, около армии, цепляясь за нее, беснуясь, проклиная революцию и сводя старые счета, праздновали свою победу все те гонимые революцией классы, которым не было места по ту сторону фронта.

За ними шла густая масса спекулирующих и беспринципных людей, которым было все равно кого грабить. Это были люди, пользовавшиеся моментом. И на все это смотрел, волнуясь, ворча, протирая глаза и окончательно просыпаясь, народ занимаемых территорий, который по мере продвижения вперед белых армий все больше и сильнее склонялся в своих симпатиях к большевикам.

Офицеры исполняли взятое на себя тяжкое обязательство и во славу идиота царя, купцов, помещиков, попов и жандармов, во славу мошенников, спекулянтов и эксплуататоров рабочего народа десятками тысяч офицерских могил покрывали Россию от Орла до Черного моря и от Урала до Владивостока.

Бездарная политика и стратегия белых вождей удесятирила их жертвы...

Революция разрушила армию. Обе стороны стали создавать ее заново. Сначала это была импровизация. На стороне большевиков был энтузиазм революционного народа, обширная территория с громадным источником людского пополнения, большие запасы, оставшиеся от войны, склады обмундирования и оружия, фабрики и заводы.

На стороне добровольцев был мозг армии, многочисленное офицерство с его организаторским опытом и военными знаниями. Потом к этому присоединилась помощь Антанты в виде вооружения — оружие, пушки, танки, аэропланы, снаряжение и военная техника.

В этот первый период борьбы белые армии были и лучше управляемы, и сильнее армий красных.

Когда армия Деникина подошла к Орлу, а армия Колчака владела Сибирью, исчезло неравенство в отношении источников пополнения армии людьми, уголь, хлеб оказались в руках белых, и было явное превосходство в источниках конского пополнения и в технике. Наше военное творчество не было стеснено ничем. Положение большевиков было критическое, и все же белые армии в результате оказались разбиты и у Орла, и в Сибири, и в Крыму. Каковы же были причины этого повсеместного разгрома белых? Они крылись не только в одном сочувствии революционно настроенных масс к большевикам. Их было много. Я укажу на те, которые, по моему мнению, играли главную роль в нашем военном поражении.

Изучая красную армию на поле сражения (не по советским источникам, а по личным наблюдениям), я могу отметить три периода ее организации.

В первые месяцы гражданской войны это были вооруженные толпы людей, многочисленные, но не дисциплинированные, не объединенные единым командованием, действовавшие вразброд, управляемые начальниками почти без военных знаний и военного опыта. Эти отряды легко разбивались белыми, полки которых имели не только командный состав, но и в рядах простых бойцов — много офицеров.

Этот период сравнительно легких побед над неорганизованной красной армией и явился одной из причин будущих поражений белых. Он создал в войсках южной армии особую тактику гражданской войны, презрение к противнику и карьере молодым офицерам, без знания и опыта, но отличавшимся большой личной храбростью и умением увлекать за собой людей в этой партизанской войне. Добровольческая тактика заслонила собой настоящее военное искусство, а перед огромным самомнением молодых и невежественных командиров принуждены были капитулировать командные верхи. Молодые офицеры быстро делали карьеру, на все ответственные посты продвигались эти вундеркинды, а лица, участвовавшие в первом Кубанском походе²⁰, считались способными занять любое ответственное место в армии.

Старые офицеры, имевшие боевой опыт и знание, постепенно оставались не у дел. По мере продвижения вперед и расширения территории увеличивалась армия, формировались новые части, но это была все та же Добровольческая армия первого Кубанского похода, где бывшие взводные командиры командовали полками, ротные командиры сделались начальниками дивизий, командиры полков командовали корпусами. Да, рядовая масса полков поблекла, серела и стала более безразличной и беспринципной. И подойдя к Орлу, белая армия жила все тем же опытом Кубанского похода, все той же тактикой, с той же системой комплектования и назначения командного состава.

К этому времени в красной армии произошли большие изменения.

Там шла напряженная организационная работа. Большевистский штаб оказался на месте. Он проявил недюжинный и гибкий талант. Из первых опытов борьбы ему стала ясна необходимость немедленного создания регулярной армии, и он сумел заставить офицеров работать для создания этой армии. Поняв огромное значение конницы в гражданской войне, он лихорадочно и быстро начал создавать ее у Орла, и мы наконец встретились с регулярной и стойкой красной пехотой, правда составленной пока из чужестранцев, служивших ядром, опираясь на которое можно было проводить регулярство в войсках. Но главная заслуга большевиков заключается в преодолении анархических и своевольных течений в красной армии, внедрении порядка и дисциплины в ту вольницу, которую она собой представляла, в укреплении власти командного состава и внедрении в рядовую массу бойцов и командного состава стремления к совершенствованию.

Белое командование проглядело этот процесс в армии противника и не придало ему того значения, которого он заслуживал. В этот период, не понимая того, что латыши и китайцы лишь первый шаг к формированию регулярной армии, лишь средство, чтобы ее взять в руки и, опираясь на прочную силу, установить порядок, дисциплину и регулярство в красной армии, не понимая того, что инородческие части и коммунистические ячейки в полках сыграли ту же роль, что и офицерские роты в полках Добровольческой армии, [мы] тупо кричали о жестокостях китайцев и латышей и о страданиях русского народа, отданного во власть инородцам. Этому факту огромной важности в деле совершенствования красной армии было придано иное значение. Он был истолкован как самозащита народных комиссаров против русского народа, который за ними не идет. И у Орла, несмотря на огромную и богатую территорию в тылу, заключающую в себе все необходимое для формирования крепкой и сильной армии, несмотря на многочисленные кадры офицеров, несмотря на помощь союзников и превосходство в технике, несмотря на угнетенное настроение беспрерывно отступавших красных полков, несмотря, наконец, на полную свободу для нашего военного творчества, мы проиграли кампанию, столкнувшись с регулярными частями красной армии и, главное, с лучшим, чем у нас, руководством войсками и лучшей стратегией.

Вытянутое в одну сплошную нитку одинаковой силы по всему фронту, наше боевое расположение носило на себе все тот же характер сумбурной неразберихи, отсутствия твердого представления и твердо выраженного плана действий, как и все политические устремления и идеология белых вождей. Полное отсутствие резервов, несмотря на громадное число шатающихся в тылу и что-то формировавших офицеров, избравших себе это специальностью, превращало операцию в авантюру и отражало в себе все то же непонимание обстановки, непонимание противника, огромную самоуверенность и легковесность мысли на что-то надеявшихся белых руководителей. Это сражение у Орла отмечает собой второй период в развитии красной армии, сделавшей громадные успехи с начала войны, и отмечает с нашей стороны все ту же тактику и окаменелость мозга командования южной армии, которое ничему не научилось и ничего не хотело понять. Наше командование никак не могло уяснить себе того, что причиной наших успехов были не наши совершенства, а большие недостатки в организации, обучении и командовании красных и что теперь эти недостатки постепенно устраняются.

Поражение у Орла огорчило, но не переубедило нас. По-прежнему наш командный состав выше всего ставил свой собственный боевой опыт гражданской войны, да многие из нашего состава и не имели другого опыта.

Но время шло и обстановка менялась. У красных появился командный состав

и части стали насыщаться коммунистами. У нас шло обратное явление: процент офицеров в частях с развертыванием армии все уменьшался и их постепенно выбивали.

В Крым отошли Добровольческий корпус и те казачьи части, которым оказалось место на пароходах. Офицеры, составлявшие по-прежнему душу армии, и казаки, эвакуировавшиеся в Крым, отлично понимали, что ожесточенный противник будет беспощаден, и потому дрались в Крыму с решимостью отчаяния.

И пока протяжение армии соответствовало нашим силам и против нас еще не было большого превосходства, мы снова одержали ряд блестящих пирровых побед. Этому помогло еще то обстоятельство, что красное командование, считая Крым второстепенным участком, бросило свои лучшие части для преследования армии Деникина на Кубань и затем сосредоточило их на польском фронте.

В первый период обороны Крыма наши части маневрировали лучше стоявших перед нами красных. Мы были богаче их техникой, и нашими победами мы были обязаны отчаянной храбрости офицеров и казаков, считавших свое положение почти безвыходным. Но в области тактики и обучения войск мы трагически застряли на опыте первого Кубанского похода, а в области стратегии мы шагнули еще дальше назад.

Несмотря на громкие приказы о реорганизации армии и критику Деникина, Врангель, надев поднесенный ему корниловцами мундир²¹, вполне примирился с вундеркиндами и признал существующий порядок.

В течение второго периода борьбы на полях Северной Таврии, у Каховки и на перешейках мы увидели новую красную армию, еще более совершенную, чем та, с которой мы расстались у Новороссийска. В деле обучения бойцов и искусстве маневрировать она значительно продвинулась вперед. Мы увидели перед собой уже не латышские и китайские части. Мы увидели отличные русские дивизии. 51-я пехотная дивизия и огневая бригада поразили нас своей выучкой, умением наступать и обороняться, стойкостью и дисциплиной. Это было неожиданно. Начальник одной белой дивизии доносил, как трудно и непривычно бороться с 51-й дивизией, которая, будучи обойдена с флангов своих, не отступает, а дерется. Мы находили прекрасно устроенные, примененные к местности и оборудованные окопы, с хорошо продуманным перекрестным обстрелом, с отмеченными дистанциями огня. Каховский плацдарм был укреплен образцово²².

Красные полки научились бороться с танками, и при атаке каховского плацдарма почти все наши танки остались в плену у большевиков. Красная армия выростала на наших глазах и перегнала нас в своем росте.

И это несмотря на то, что у нас даже в рядах простых бойцов служили офицеры, несмотря на полную свободу военного творчества, большое количество офицеров Генерального штаба и специалистов всякого рода и полный гнет и отсутствие военного творчества у большевиков.

Но и тогда еще не все поняли, что в красной армии, где командный состав постепенно занимал подобающее ему место, шла упорная и успешная работа, давшая прекрасные результаты. Было ясно, что вместо прежних толп появились почти регулярные войска и что в глубоком тылу у большевиков сформировались части, воспитываемые и обучаемые на опыте большой войны.

В Северной Таврии мы увидели применение в красных войсках пулеметных групп в наступлении, в полках — команды grenадер и огнеметы, и в Крыму они победили нас не столько своим численным превосходством, сколько выучкой, организацией и лучшим нашим управлением войсками.

А мы по-прежнему, несмотря на перемену названия²³, топтались на месте и все еще считали свои части совершеннее красных. Не потому ли, что мы были загниотизированы мыслью о несовместимости свободного военного творчества с большевистским режимом, не потому ли, что на нашей стороне было больше офицеров и были танки и аэропланы, которых не было у большевиков? Конец Крыма отмечает третий период развития красной армии в эпоху гражданской войны, все более и более совершенствующейся.

А наша военная мысль и в Крыму работала по-прежнему вяло, а чаще не работала совсем, и наши первоначальные победы мы покупали не умением, а ценой офицерских жизней, заменить которые нам было нечем.

О нашей стратегии лучше было бы и совсем не говорить. Врангель, нанесший удар Добровольческой армии, когда она еще держалась перед Ростовом, и немало потрудившийся над ее разложением, желая дискредитировать Деникина, пустил по рукам офицеров, стоявших на фронте, письмо с критикой политики и стратегии Деникина²⁴.

Дух армии он подорвал и способствовал ее разложению, но сам, заменив Деникина, повторил все ошибки своего предшественника, внося еще больше беспринципности и авантюризма и в политику, и в стратегию.

После бессмысленных, стоивших много крови и разочарований авантюристических десантных операций на Дону и Кубани²⁵, основанных на полном непонимании обстановки и полной неосведомленности, он завершил поражение крымской армии на редкость бездарными операциями в Северной Таврии.

Решив покончить с армией Врангеля, красное командование, укрепив каховский плацдарм и отбив наши атаки, стало сосредоточивать под прикрытием его сильную ударную группу. Нам был хорошо известен состав и численность группирующихся там частей. Благодаря неосторожности красных, плохо зашифровавших свои радиотелеграммы, мы могли ежедневно следить за движением в Каховке частей конной армии Буденного, еще с тех пор, когда его дивизии располагались в районе Александрии. План красного командования был прост и ясен: увлекая наши силы все далее и далее на северо-восток, нанести нам удар собранным в Каховке кулаком по кратчайшему и важнейшему направлению на Перекоп и, отрезав нашу армию от перешейков, одним ударом ликвидировать крымский фронт.

Что же делает Врангель? Несмотря на то, что главные и лучшие силы противника сосредоточиваются в Каховке в трех переходах от Перекопа, то есть от самого убойного для нас места, он оставляет против каховской группы слабый, небоеспособный корпус Витковского, растягивает свой фронт почти на 500 верст и лучшие и боеспособные части — Добровольческий корпус и донцов — сосредоточивает на второстепенном, потерявшем для нас всякое значение правом фланге в 150 верстах от Перекопа, то есть в 7—8 переходах. Мало того, с каждым днем эта растяжка все увеличивается. Было ли это проявлением свободного творчества или просто глупостью, мы не знаем, но результат получился известный.

В косности и окаменелости белой военной мысли и в быстром совершенствовании красной армии отразилась вся сущность обеих борющихся сторон. Одной — борющейся за старое, всем складом своего ума боявшейся всякой новизны и не способной к резким переменам, и другой, для которой в новых достижениях была цель и смысл существования, не боявшейся никакой ломки, не связанной никакими традициями, никакой рутинной.

И своевольная, дерзкая, новая, быстро меняющаяся и быстро приспособляющаяся, смело и решительно отбрасывающая все, что проявило себя негодным, победила традицию, косность и рутинерство. Так было, так будет!

Изгнанием начался третий и последний акт офицерской трагедии.

Их поношенные офицерские погоны и дырявые мундиры, их раны и ордена, их заслуги перед союзниками в мировую войну, их галлиполийское сидение²⁶ и тяжелые каторжные работы в рудниках, шахтах, на железных дорогах за граница не оценила.

За границей ценят доллар и не любят тех, кто садится на шею, кто сбивает заработную плату. И постепенно, все больше расходясь с живой Россией, забывая в тяжелой борьбе свои военные познания, стала опускаться и редеть офицерская масса.

Но это же изгнание многому нас научило. Мы, бывшие русские генералы и офицеры, разбросанные по всему миру, мы видели и поняли многое. Мы косили сено во Фракии, убрали хлеб в Болгарии, строили железные дороги в Сербии, копали землю в Польше и Венгрии, работали у фабричных станков в Германии и во Франции, мы расчищали виноградники, добывали в шахтах уголь, были сапожниками, слесарями, плотниками, портными и повсюду соприкасались с рабочим людом всех стран, мы видели одну общую, роднящую их печаль. И везде мы видели одно и то же горе, ту же нужду, те же надежды, ту же отчаянную эксплуатацию труда. И перед нами постепенно исчезали границы, но у рабочих станков мы не смели говорить о своем прошлом тем, кто питался и питается подачками из Пари-

жа, из Мюнхена, от Хорти, от католических кругов Франции, от Пилсудского и других, — не понять нас.

И когда нищими, плохо одетыми эмигрантами мы сошли на берег Европы и, разбредая по всему миру, стали искать работу, повсюду нас встречали с самым нескрываемым презрением, с нами не хотели разговаривать, нас отсылали ждать в переднюю и изредка, в знак особой милости, нам подавали два пальца. Нас повсюду, пользуясь нашей беспомощностью и нашими несчастьями, нашей беззащитностью, эксплуатировали как рабов. Нам не платили заработанное скудное жалованье, нас обсылали, увольняли без объяснения причин. В лучших случаях за каторжный труд мы получали половину того, что платили местным рабочим, так как их предприниматели боялись. Мы нигде не могли найти себе защиты, а наши посланники и консулы, сохранившиеся из старого времени, презирали нас так же, если не больше. Некоторым повезло, но масса эмиграции опускалась все ниже и ниже, стала заниматься спекуляцией и темными делами. Помню характерный разговор двух старых полковников, уже откомандовавших полками, бывшими рабочими в группе, где я был за старшего²⁷. Один рассказывал другому впечатления от своего визита к третьему, тоже полковнику, товарищу по полку, служившему кухонным мужиком в одном богатом доме. Он был в восторге от своего посещения: «Живет отлично, — рассказывал он о жизни товарища, — пища хорошая, на кухне за перегородкой у него кровать, ест сколько хочет, хозяева не стесняются. Когда я сидел у него, пришла барыня (так и сказал — «барыня»), ничего, не рассердилась, даже велела мне дать тарелку макарон. Хорошо устроился человек!»

И оба они искренне завидовали сытой и спокойной жизни товарища.

Государственный строй, который мы защищали своей кровью, жестоко мстил нам за это.

Мы не пойдем теперь в Россию защищать и восстанавливать этот строй...

В истории России были войны, когда офицеры и солдаты вдохновлялись на бой сознанием, что они идут выручать и спасать какой-нибудь маленький, обижаемый кем-нибудь народ. Это был благородный порыв. Теперь задачи России шире, они необъятны. Россия идет в первых рядах человечества, освобождая его, творя величайший подвиг, и мы, пробывшие долго в самой гуще рабоче-крестьянской международной массы, мы чувствовали и видели, как к ней, великой красной России, устремлены теперь все надежды и взоры веками страдающей, веками обиженной рабочей человеческой массы.

Какое счастье чувствовать себя теперь русским, какое счастье слиться опять со своим народом в одном бескорыстном и чистом порыве.

В темную ночь, перед страшной битвой, Геракл молил богов о том, чтобы поскорей наступил рассвет. Он хотел видеть лица своих врагов, чтобы быть уверенным в победе.

Солнце уже взошло над Россией, и русский народ видит лица врагов и друзей. Мы не сомневаемся в его победе.

И мы не боимся белого террора. Мы сами отчаянные. Мы сами прошли через горнило долгой гражданской войны. Во всеоружии ее опыта, в случае повторения иностранных интервенций, хотя бы и одобренных «патриотическим» врангелевским штабом, встанут в тылу иностранных армий организованные, смелые, многочисленные и неуловимые партизаны, сводя на нет могущество иностранной техники, отвлекая войска с фронта, заставляя охранять каждый клочок занятой русской территории, уничтожая связь, разрушая сообщения, наводя ужас и панику в тылах неприятеля, вырезывая проволоку, вражеских вождей и штабы. В этой грядущей, последней, отчаянной борьбе русские офицеры, разбросанные по всему миру, снова сольются с родным народом в одном великом порыве, и тем, кому суждено будет погибнуть, умрут со счастливым сознанием того, до конца исполненного долга перед родиной и народом. И снова между искалеченной искусственно привитыми традициями отжившего мира офицерской средой, ничего общего с белым тылом²⁸ не имеющей, и молодой, новой, но родной и близкой советской Россией установится живая, кровная, неразрывная навеки связь.

РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 193. Л. 38—70. Подлинник.

Машинопись с авторской правкой.

1. Имеется в виду первая мировая война.

2. В казачьих областях России в 1917—1920 гг. войсковые круги (на Кубани — рада) — традиционные выборные органы местного казачьего самоуправления, которые организовывали власть путем выделения войсковых правительств во главе с атаманом.

3. Правительство при П. Н. Врангеле — единственное белогвардейское правительство, получившее осенью 1920 г. официальное признание иностранным государством — Францией.

4. В политической терминологии того времени — прообраз государственной власти и устройства России.

5. Керенский Александр Федорович (1881—1970) — присяжный поверенный, трудовик, с марта 1917 г. эсер, депутат IV Государственной думы. В первом составе Временного правительства министр юстиции. В мае—сентябре 1917 г. военный и морской министр, с 8 июля министр-председатель, а с 30 августа одновременно Верховный главнокомандующий. В конце 1917 — первой половине 1918 г. на нелегальном положении, затем в эмиграции. Имя Керенского было чрезвычайно непопулярно среди значительной части командного состава армии, особенно офицеров-фронтовиков.

6. Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — политический деятель, историк, кадет, депутат III и IV Государственной думы, после Февральской революции 1917 г. фактически формировал Временное правительство, в котором занимал пост министра иностранных дел. После Октябрьской революции вынужден был бежать, сначала в Москву, затем на Дон и в Киев. С осени 1920 г. в эмиграции в Париже, издавал газету «Последние новости», призывал отказаться от вооруженной борьбы с Советской властью и иностранной интервенцией, так как народные массы не поддерживали эту борьбу.

Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924) — политический деятель, один из лидеров партии октябристов, член Государственного совета, депутат Государственной думы, с 1911 г. ее председатель. После Февральской революции 1917 г. возглавил Временный комитет Государственной думы. В период гражданской войны при Л. Г. Корнилове и А. И. Деникине безуспешно пытался воссоздать совещание членов Государственной думы. В 1920 г. эмигрировал в Югославию.

7. Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) — генерал от инфантерии, участник русско-японской и первой мировой войн. Во время отступления из Галиции в 1915 г. попал в плен к австрийцам, в 1916 г. удачно бежал. После Февральской революции главнокомандующий Петроградским военным округом. Не мог примириться с Советами и ушел в

действующую армию. После июньского наступления добился от Временного правительства восстановления смертной казни на фронте. С 19 июля 1917 г. Верховный главнокомандующий. 27 августа, после попытки мятежа, смещен с поста и заключен в тюрьму, откуда бежал 19 ноября в Новочеркасск, где принял активнейшее участие в создании Добровольческой армии. Убит под Екатеринодаром 31 марта 1918 г.

8. Кутепов Александр Павлович (1882—1930) — в 1917 г. полковник лейб-гвардии Преображенского полка, в описываемое время генерал-лейтенант, командир 1-го армейского корпуса Добровольческой армии, затем 1-й армии, включившей наиболее боеспособные войска; произведен в генералы, видный деятель белой эмиграции. В 1928 г. сменил П. Н. Врангеля на посту руководителя «Русского общевоинского союза» (основан в 1924 г.). 26 января 1930 г. похищен в Париже агентами ОГПУ. По одной версии, убит при захвате, по другой — умер при транспортировке в СССР близ Новороссийска.

9. Имеется в виду «Общественный совет», образованный при Добровольческой армии А. И. Деникина и включавший в себя представителей различных политических течений.

10. Гучков Александр Иванович (1862—1936) — один из основателей партии октябристов, в 1916—1917 гг. председатель Центрального военно-промышленного комитета. Вместе с В. В. Шульгиным 2 марта 1917 г. принял отречение Николая II от престола. 2 марта — 30 апреля — первый военный и морской министр Временного правительства. В мае возглавил Общество экономического возрождения России. Причастен к попытке мятежа Л. Г. Корнилова. После Октябрьской революции субсидировал создание Добровольческой армии. Весной 1919 г. по просьбе А. И. Деникина выехал в Западную Европу для переговоров с лидерами стран Антанты о поддержке белых армий.

11. Гессен Иосиф Владимирович (1865—1943) — политический деятель, адвокат и публицист. Один из лидеров кадетов, депутат Государственной думы. С 1920 г. издатель и редактор газеты «Руль» (Берлин) — газеты кадетов правого направления.

12. Винавер Максим Моисеевич (1862 или 1863—1926) — один из основателей партии кадетов, член ЦК, активный деятель ряда еврейских буржуазно-националистических организаций, адвокат, депутат I Государственной думы. В 1919 г. министр внешних сношений Краевого правительства в Крыму. В 1919 г. эмигрировал в Париж.

13. Набоков Владимир Дмитриевич (1869—1922) — криминалист и политический деятель, один из основателей партии

кадетов, депутат I Государственной думы. После Февральской революции управляющий делами Временного правительства. В 1919 г. министр юстиции Крымского краевого правительства. С 1920 г. в эмиграции. Убит в Берлине эмигрантом-монархистом.

14. В период наибольшего продвижения армии Деникина к Москве 13 октября 1919 г. был занят Орел и создана угроза Туле. В конце марта 1920 г. остатки главных сил белых эвакуировались из Новороссийска в Крым. 4 апреля Деникин ушел в отставку. Главнокомандующим был избран П. Н. Врангель.

15. Здесь и далее авторские многоточия.

16. Кривошеин Александр Васильевич (1857—1921) — государственный деятель. Служил в центральных учреждениях министерств внутренних дел и финансов и в Главном переселенческом управлении. Будучи членом министерства П. А. Столыпина, активно проводил земельную политику последнего, занимая должность управляющего Главным управлением землеустройства и земледелия. Член Государственного совета с 1906 г. В 1920 г. возглавил в Крыму врангелевское правительство.

17. Вениамин (ум. 1961) — в описываемое время епископ, активно сотрудничал с Врангелем. В эмиграции один из организаторов Карловацкого собора 1921 г. Затем митрополит, экзарх Русской православной церкви в США. В 1947 г. вернулся в СССР.

18. Климович Евгений Константинович (1871—1930) — в 1906—1907 гг. начальник Московского охранного отделения, затем начальник Особого отдела Департамента полиции МВД, вице-директор, в 1916 г. директор, командир Отдельного корпуса жандармов.

19. Святой Денис — миссионер из Рима, крестивший галлов в III в. Первый епископ Парижа. Символ идейного фанатизма. За проповедническую деятельность казнен в 272 г. усечением главы на горе Монмартр. Легенда гласит, что после казни святой поднялся на ноги и, взяв свою голову в руки, прошел в окружении ангелов, славивших его, до места, где стоит церковь Сакрекер.

20. Известен также как «Ледяной поход» Добровольческой армии, предпринятый в конце февраля 1918 г. с целью соединения с казачьими частями Кубанской рады. Попытка объединенными силами захватить 9—13 апреля Екатеринодар окончилась неудачей.

21. Имеется в виду мундир черного цвета,

принятый в корниловском полку Добровольческой армии.

22. Имеется в виду неудачная попытка 2-го армейского корпуса генерала Витковского 14—16 октября 1920 г. захватить каховский плацдарм. Наступление велось при поддержке 12 танков и 16 бронеавтомобилей, а также авиации, которая непрерывно бомбила и обстреливала красноармейские войска. Однако части 51-й стрелковой дивизии (комдив В. К. Блюхер), Латышской дивизии (комдив К. А. Стуцка) и ударно-огневой бригады отбили все атаки.

23. Имеется в виду переименование Вооруженных сил Юга России при Деникине в Русскую армию при Врангеле.

24. В декабре 1919 — январе 1920 г. Врангель, командовавший Добровольческой армией, в результате конфликта с Деникиным был смещен с поста и выслан за границу. 15 февраля 1920 г. Врангель отправил письмо Деникину, распространяемое в списках, с резкой критикой политического и военного руководства. По оценке самого Врангеля, письмо «грешило резкостью, содержало местами личные выпады» (Белое дело. Берлин, 1928. Т. VI. С. 136).

25. Имеются в виду десанты в июле—августе 1920 г. около Таганрога и южнее Ейска (ст. Приморско-Ахтарская). Оба не были поддержаны массой населения и разгромлены.

26. После эвакуации из Крыма, в ноябре 1920 г., остатки белых армий были сведены в три корпуса и размещены в военных лагерях на Галлиполийском полуострове, острове Лемнос и в районе города Чатаджи (в 50 км от Константинополя). Галлиполийский лагерь просуществовал с ноября 1920 г. по декабрь 1921 г. Затем воинские части были размещены в Болгарии и Югославии.

27. Имеется в виду беженский лагерь возле города Салоники (Греция), созданный для ушедших с военной службы и гражданских лиц. Поскольку пособие едва давало возможность питаться, для трудоспособных были организованы работы.

28. Принятый в среде офицеров термин, обозначающий административные и управленческие структуры белогвардейских правительств, гражданское население.

Публикация
Ирины КОНДАКОВОЙ и
Николая СИДОРОВА

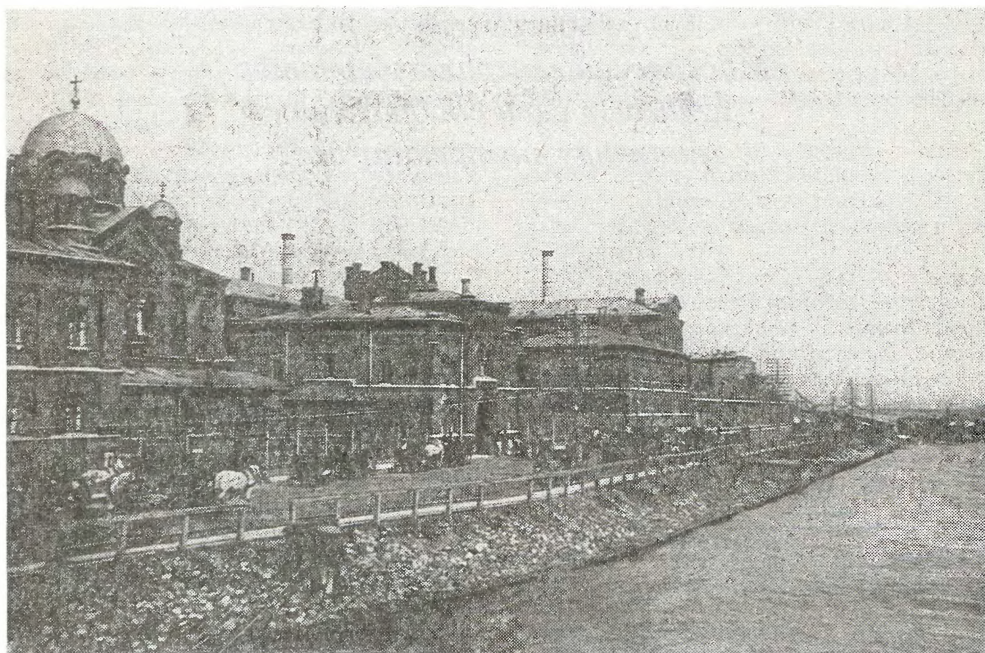
ФОТОАРХИВ

Тюрьмы прошлого века:
обязательные работы и учебные занятия
арестантов.

*Московский генерал-губернатор
излагает свои соображения
министру внутренних дел.*

«Назначено Арестантам Выдавать Вознаграждение»

Исправительно-трудовые работы в прошлом веке

Общий вид «Крестов».

Как жили и чем занимались русские арестанты? Какие задачи ставились перед тюремной администрацией? На эти вопросы позволяют ответить архивные свидетельства.

В 1861 г. флигель-адъютант полковник Л. А. Янковский, командированный в Саратовскую губернию, представил по возвращении доклад Александру II с подробным обзором состояния исправительных заведений и мест заключения. При этом он изложил свои соображения о

необходимости введения в тюрьмах обязательных работ и учебных занятий. Рекомендации флигель-адъютанта удостоились высочайшего одобрения. По указанию министра внутренних дел П. А. Валуева в губернии были отправлены запросы о практике привлечения арестантов к труду и образованию.

Публикуемая записка генерал-адъютанта П. А. Тучкова является ответом Московского тюремного комитета.

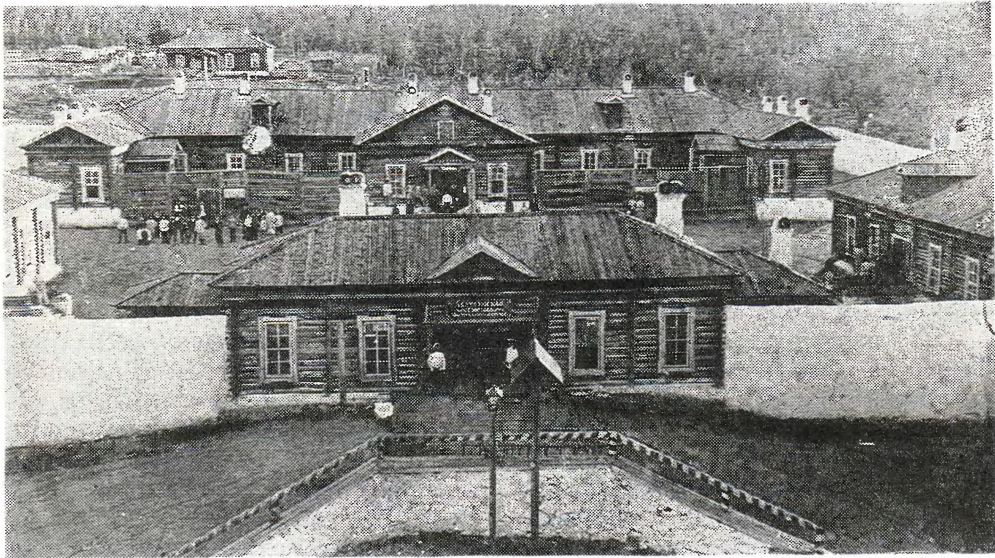
Источник 3/1994

ЗАПИСКА ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА
МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО О ТЮРЬМАХ¹,
МОСКОВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА П. А. ТУЧКОВА² ПРЕЗИДЕНТУ
ОБЩЕСТВА ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО О ТЮРЬМАХ, МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
П. А. ВАЛУЕВУ³.

О существующем в Московском губернском тюремном замке порядке касательно занятия арестантов и арестанток работой и обучения их грамотности и проч.

I. Касательно занятия их работами

В Московском губернском тюремном Замке, почти с самого основания Тюремного комитета, заведены между арестантами и арестантками работы, которые можно разделить на два рода: 1) домашние, не требующие особого навыка или умения, как например: уборка комнат, чистка дворов, ношение воды, расколка дров и т. п., что производится бесплатно; и само наблюдение за этими работами исключительно лежит на обязанности смотрителя Замка, который, в случае на-

Акатуевская тюрьма.

добности, наряжает для надзора за рабочими — состоящих в его ведении нижних полицейских служителей, а иногда требует даже и военный караул, как например: во время вывозки снега и нечистот с дворов Замка; и 2) ремесла и рукоделья для производства которых необходимо знание и навык, как-то: **переплет книг, шитье одежды, белья и обуви, плетение лаптей** и другие; что производится для подведомственных Тюремному комитету мест и лиц, а иногда и для посторонних лиц и ведомств, и за что положена уже плата, по утвержденной журналом комитета 28-го января 1857 г. таксе. И плату эту получают мастеровые на основании 260 п., приложенной к 96 ст. XIV т. Св[ода] Зак[онодательных] Уст[ановлений] о содер[жании] под стражей, Инструкции Смотрителю Тюремного замка, — т. е. 2/3 части выработанной суммы отчисляются в пользу самих рабочих, а 1/3 оной в рабочую сумму на покупку инструментов, материалов и вообще на содержание работ. За работу же, поступающую от частных лиц, назначается особая плата по договору с заказчиком, и о ходе этих работ равно как и о материалах и суммах, употребляемых на производство оных, и о количестве поступивших или оставшихся в недоимке за работы сумм, представляется в Комитет ежемесячные ведомости.

И такими работами в губернском замке занимаются:

А) **По мужскому отделению: портные** — шитьем и починкою армяков, боль-

ничных халатов, шароваров, шапок и халатов для пересыльных арестантов и другой одежды; **переплетчики** — 1) переплетом книг для канцелярии Комитета, смотрителя замков, эконома, тюремных больниц, для библиотеки Комитета, а иногда и для частных лиц, и 2) деланием конвертов и коробок; **сапожники и башмачники** — шитьем сапогов и башмаков для арестантов и арестанток из чиновников и дворян, и некоторых из разночинцев, которые занимают какие-либо должности по Замку, как то: старост, подстарост, вестовых и певчих; **плотники столяры и обручники** — починкою домашней утвари и других вещей по Замку. Но в минувшем году вообще арестантами произведены многие плотничные, каменные, земляные и столярные работы по случаю переделок и исправлений в зданиях Тюремного замка; **лапотники** — плетением для арестантов Замка лаптей, которых изготовляется ежегодно значительное количество.

Всего же арестантов, занятых упомянутыми работами было в 1857 г. — 413, в 1858 г. — 467, в 1859 г. — 495, в 1860 г. — 477; а число рабочих дней в 1854 г. — 8175, в 1858 г. — 9650, в 1859 г. — 9594 1/2 и в 1860 г. — 9559 1/2. И, таким образом, на каждый день приходилось в 1857 году более 22 рабочих, в 1858 и 1859 более 26, а в 1860 — 25 рабочих.

И сверх того ежедневно занимались еще работами бесплатно: чисткой дворов, камер, ношением воды, дров и проч. в 1857 г. — 355 чел., в 1858 — 335 чел., в 1859 — 287 чел. и в 1860 г. — 331 чел.

Б) **По женскому отделению:** производится шитье белья: 1) для Тюремного замка и подведомственных Комитету больниц; 2) для пересыльных арестантов и 3) иногда для частных лиц.

И вообще занимавшихся такими работами арестанток было в 1857 г. — 1121, в 1858 г. — 1120, в 1859 — 1462 и в 1860 — 1560; число же рабочих дней в 1857 г. — 10488, в 1858 г. — 10480, в 1859 г. — 13685 и в 1860 г. — 14190 1/2. И, таким образом, на каждый день приходилось рабочих: в 1857 и 1858 г. более 28 арестанток, в 1859 г. более 37 и в 1860 г. более 38 арестанток.

И сверх того ежедневно занималось работами по 12 арестанток бесплатно⁴. Выполнение распоряжений Директора, заведующего рабочей частью, надзор за производством работ, покупка нужных для оных материалов и инструментов, отчетность по рабочей части возложена на Эконома Губернского тюремного замка, при котором собственно для письмоводства по рабочей части состоят вольнонаемный письмоводитель и три вольнонаемных же приставника, преимущественно из отставных унтер-офицеров, обязанности которых заключаются в том, что они должны быть безотлучно при мастеровых во время производства ими работ, для надзора за порядком, хорошим и отчетливым исполнением данных работ, и за саму сохранность вообще находящихся в мастерской вещей.

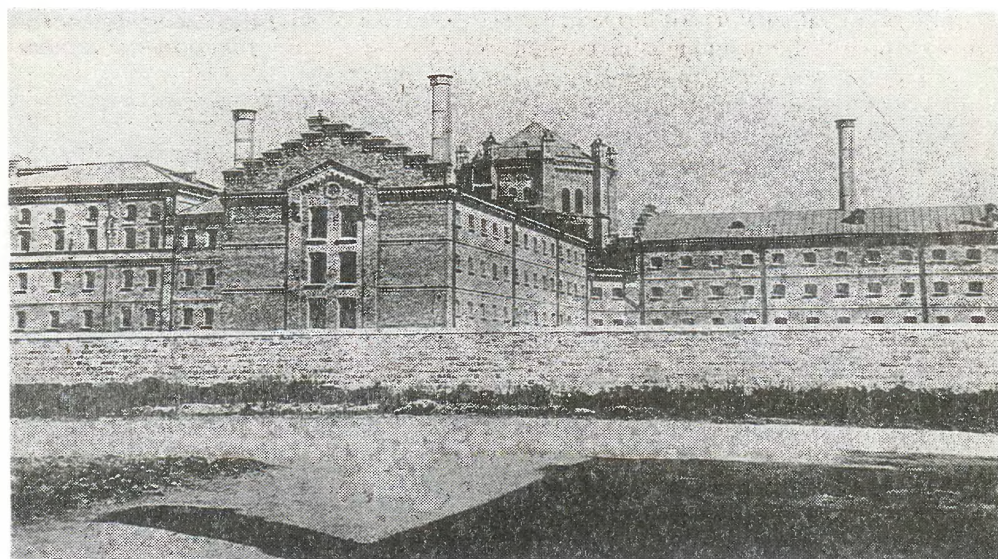
Но самому Эконому за эти обязанности никакого особого оклада не производится. Письмоводителю же и приставникам положено от Комитета жалованье и даются квартиры: первому в Приятном доме, принадлежащем Комитету, а последним в самом Замке; расходы на что отнесены на рабочую сумму, составляющуюся, как сказано выше, из отчисления 1/3 части из заработанной арестантами платы.

И за исключением вообще соприкосновенных к рабочей части расходов, как-то: купленных материалов, инструментов, заработанной платы, жалованья означенным: письмоводителю и приставникам, канцелярских потребностей от занятия арестантов и арестанток работами Тюремным комитетом получено чистой прибыли: в 1857 г. — 222 руб. 13 3/4 коп.; в 1858 — 365 руб. 35 3/4 коп.; в 1859 г. — 306 руб. 02 3/4 коп.; в 1860 — 332 руб. 48 коп.

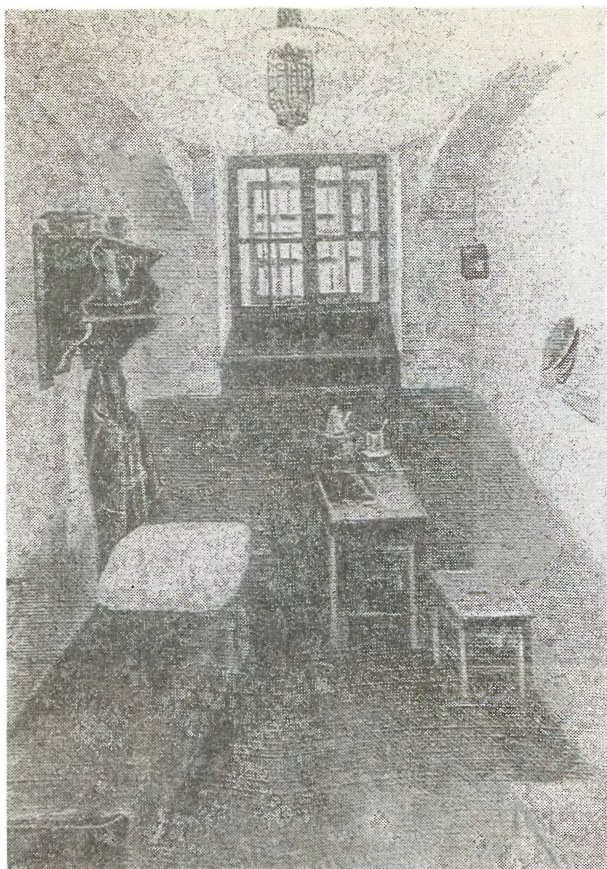
Из чего видно, что как арестанты, так и арестантки, занимаются работами некоторыми обязательно, как например: чисткой дворов, уборкой комнат и проч.; а другими, — как вообще вышесказанные ремесла, по их собственной готовности и желанию. И если не все содержащиеся заняты постоянно последними, то это во 1-х по причине слишком значительного числа заключенных и ограниченности помещения мастерских; и во 2-х и по самому незнанию многими из арестантов и арестанток никакого мастерства, по нежеланию некоторых из них заниматься эти-

*Нерчинская каторга.
Козлихинский прииск. 1912 г.*

Одесская тюрьма.

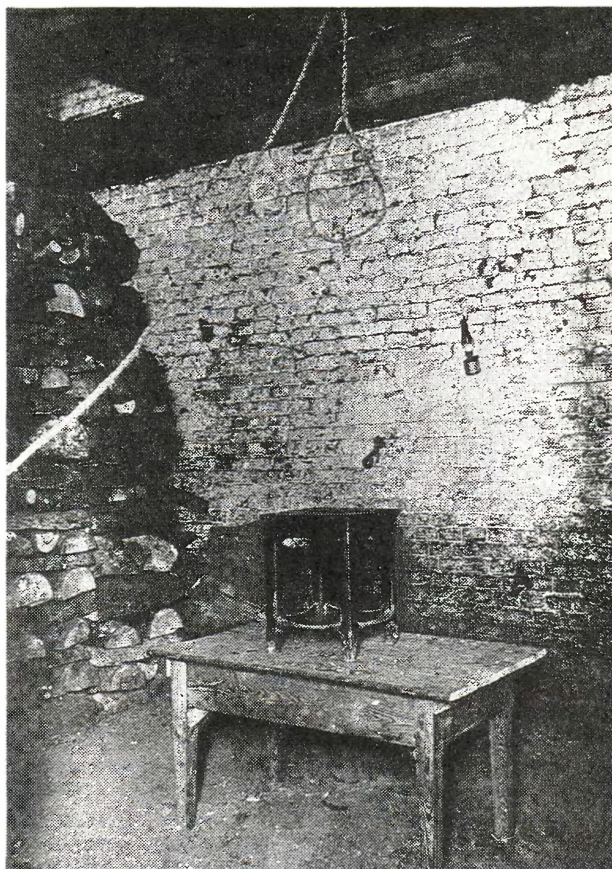
Камера «Крестов».

*Группа неспособных
к работам
ссылных каторжан,
сфотографированных
на фоне Александровской
Центральной тюрьмы.*

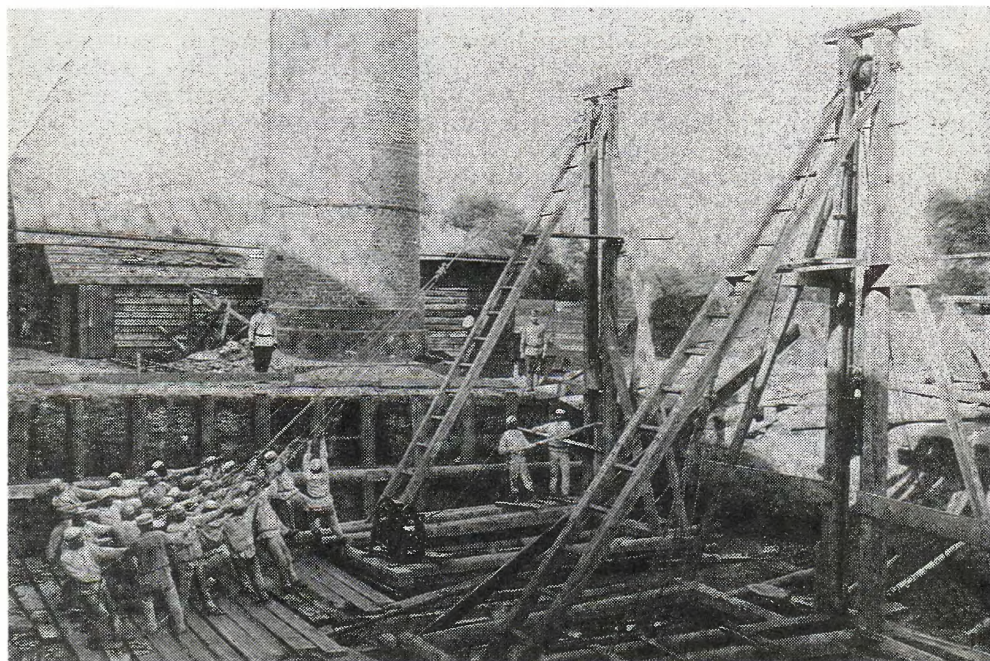

Источник 3/1994

*Место казни
в Хамовнической казарме
под названием «Давилка».*

*Арестанты Курского
исправительного отделения
забивают сваи на постройке
здания городской
электрической станции в
г. Курске.*

ми работами, по неудобству обучать их каким-либо мастерствам и по самой невозможности принудить их, в случае нежелания к занятиям*.

Сверх того в настоящее время Комитетом сделано еще распоряжение об устройстве из работающих арестантов артелей, по каждому мастерству отдельно, на обязанности которых возложено наблюдение за исправным выполнением их товарищами порученных им работ и самая ответственность за порчу оных; и которым дозволено принимать в свое сообщество для обучения и таких арестантов, которые не знают никакого мастерства, но изъявляют желание обучаться оным. И за такое обучение, для поощрения на будущее время, назначено этим арестантам выдавать по временам от Комитета вознаграждение: или денежное, для распределения между теми, которые способствовали обучению, или какими-нибудь припасами и вещами. По случаю же ограниченного помещения мастерских, дозволено арестантам заниматься некоторыми работами в камерах, как например по портному, сапожному и лапотному мастерствам — под особым за ними наблюдением со стороны Смотрителя.

А чтобы сохранить между арестантами выручаемую ими плату, с приращением на оную даже некоторого излишка и чтобы привлечь их к работам, положено: причитающиеся им за работу деньги вносить в сберегательную кассу, на имя того арестованного, кому принадлежат оные; и выдаваемые кассами по сему случаю книжки — передать им по принадлежности.

II. Касательно обучения грамотности и проч.

Наблюдение вообще за нравственным назиданием арестантов, подведомственных Московскому тюремному комитету возложено преимущественно на духовных директоров оного. Почему грамотные арестанты в свободное от работы время занимаются чтением книг духовно-нравственного содержания, которыми и снабжаются от Комитета, и сверх того означенные директоры и находящиеся при Тюремных церквях священнослужители посещают их в местах заключения и назидают истолкованием книг священного писания и внушением христианских обязанностей. Неграмотным же арестантам, оказывающим охоту к учению, раздаются азбуки, а для арестантов из класса более образованного выписываются некоторые периодические издания.

Кроме того для **малолетних арестантов** устроена при губернском Тюремном замке **школа**, в которой они обучаются: чтению, письму, священной истории, катехизису, грамматике и арифметике**.

Заведывание этой школой возложено на священника, находящегося при церкви Замка; между тем как дьякон этой церкви посещает взрослых арестантов в камерах, и, читая им книги духовно-нравственного содержания, объясняет прочитанное.

Для чего при Тюремном комитете имеется библиотека, из книг священного и духовно-нравственного содержания, а в настоящее время Комитетом сделано еще распоряжение о приобретении для оной также книг: исторических, повествовательных и других в этом роде, как например: **история Карамзина**⁵, **история Устрялова**⁶, живописное обозрение, книга Наума о божьем мире⁷ и проч.

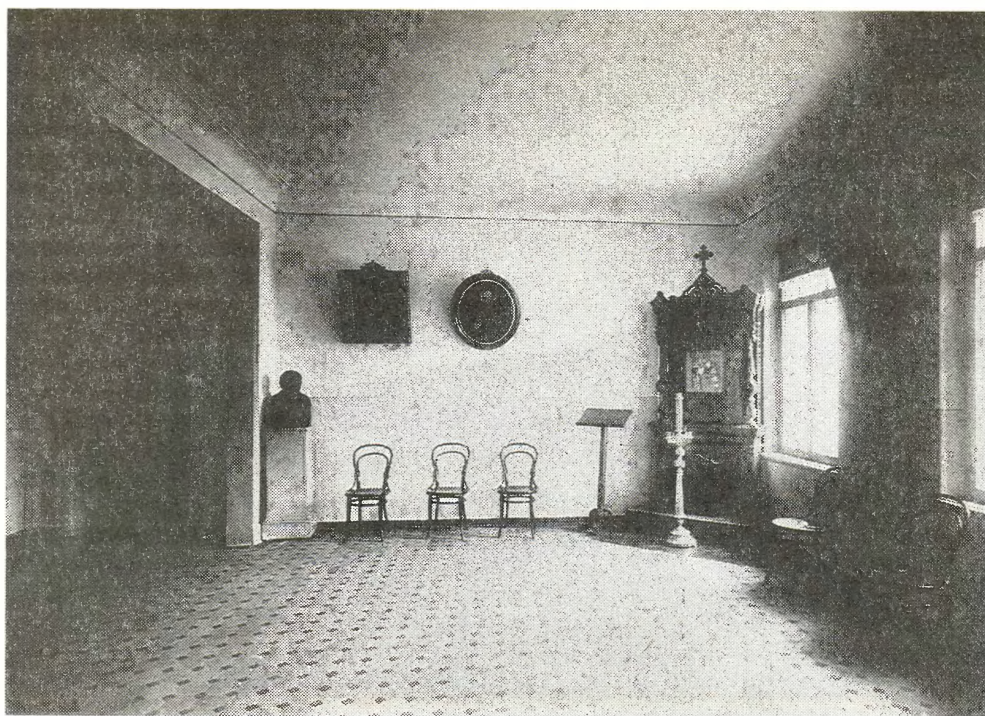
Наконец, в следствие представления господина Директора Селиванова⁸, касательно еще скорейшего и удобнейшего распространения грамотности между арестантами, разрешено ему, в виде опыта, открыть для них особые курсы, по разным мастерствам, естественным наукам, как-то: химии, физики, физической географии и проч., и вообще по общепользным знаниям, с тем, чтобы при чтениях этих показывались слушающим людям, географические карты, и делались некоторые физические опыты.

Вице-президент
генерал-адъютант П. А. Тучков

ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 256. Л. 12—20. Авторизованная писарская копия.

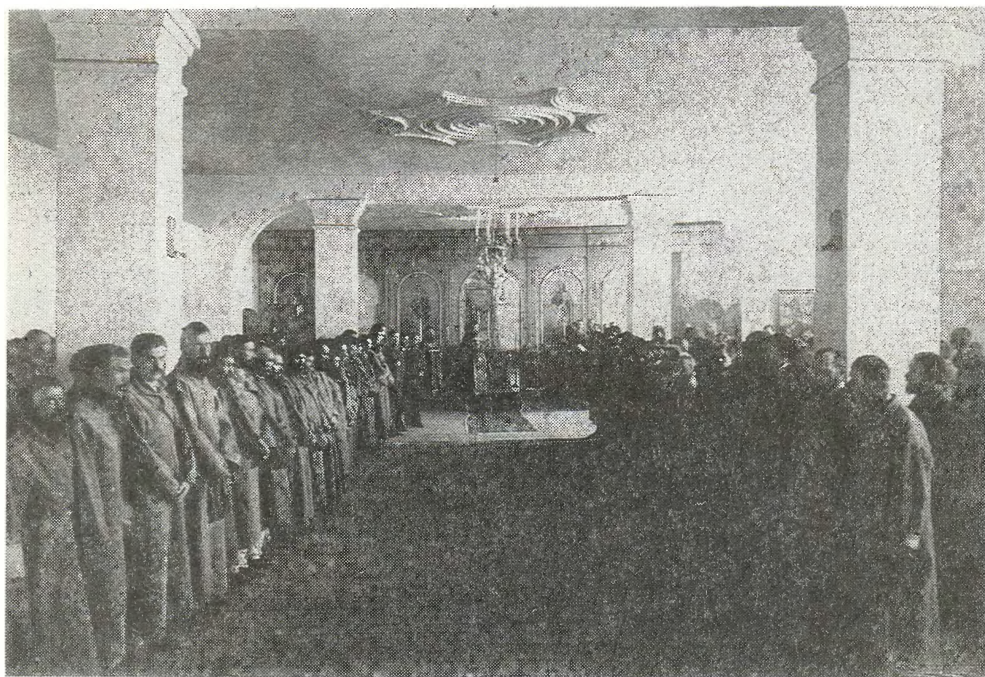
* Подобное же занятие арестантов разными работами вводится с прошед. 1861 г. и во всех уездных Тюремных замках, смотря по местным средствам, и ремесленным занятиям самих обывателей, от которых принимаются заказы на работу; где этих заказов нет, — то по искусству и способности заключенных (*прим. автора записки*).

** Точно такие же школы с прошед. 1861 г. заводятся и во всех уездных отделениях для взрослых; и в некоторых тюрьмах началось уже преподавание местными священниками и другими директорами отделений.

Московская тюремная больница.
Приемная.

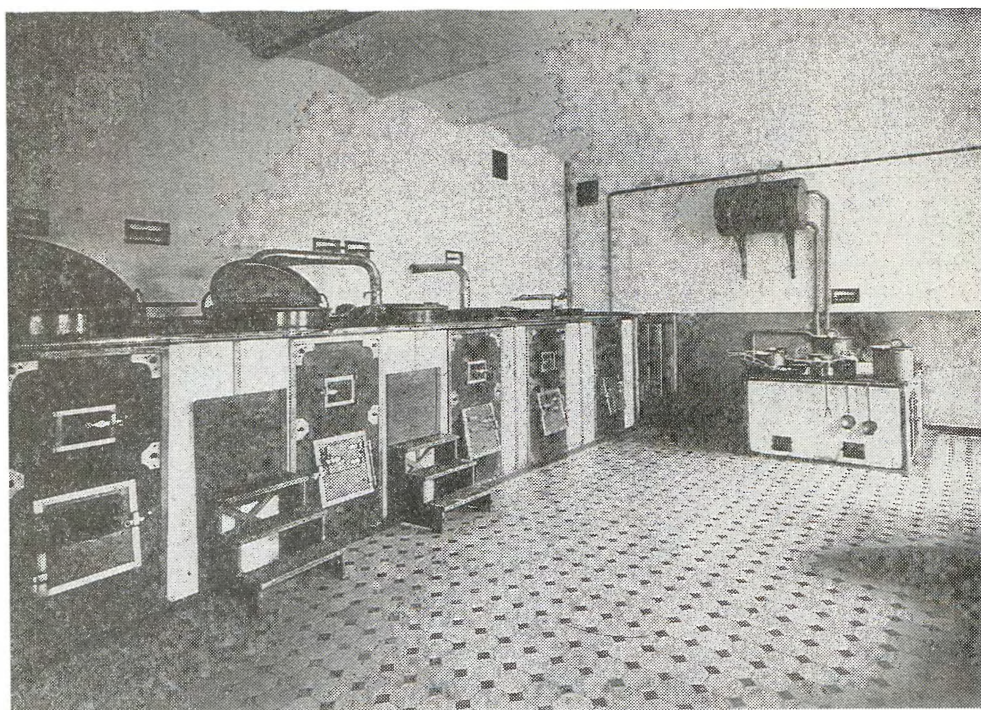
Церковь Александровской
Центральной тюрьмы.

*Баня Александровской местной команды,
построенная ссыльными каторжанами.*

*Московская тюремная больница.
Кухня.*

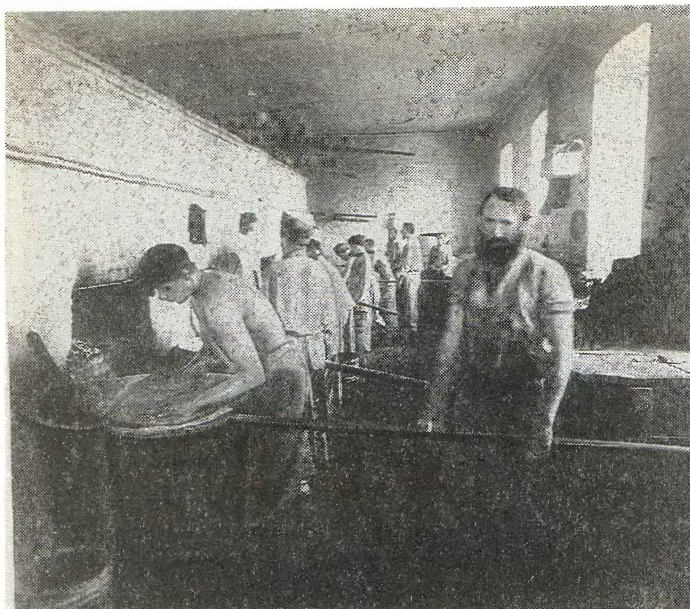

*Столярная мастерская
Александровской Центральной тюрьмы.*

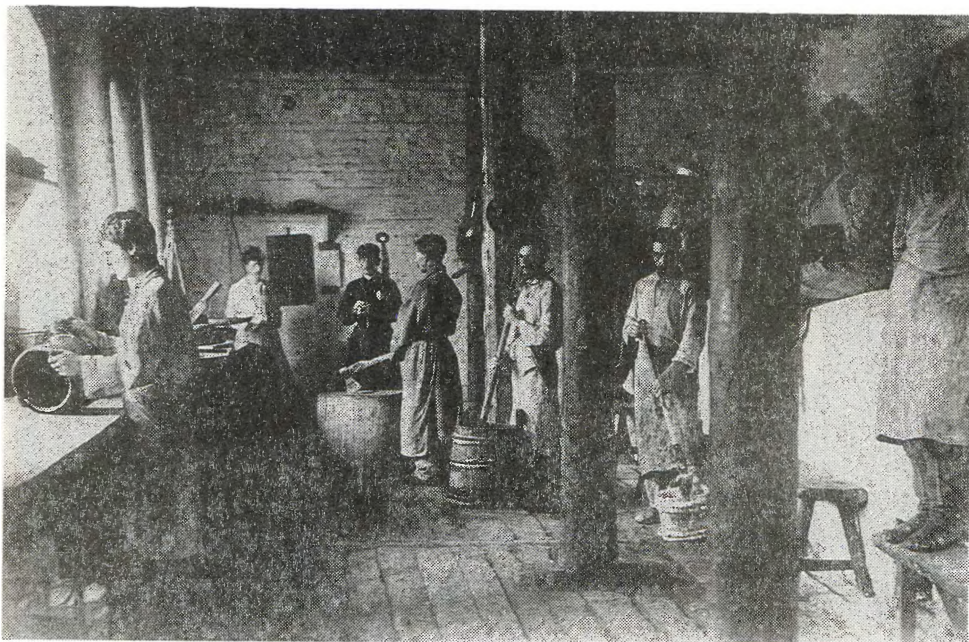
*Сапожная мастерская
Александровской Центральной тюрьмы.*

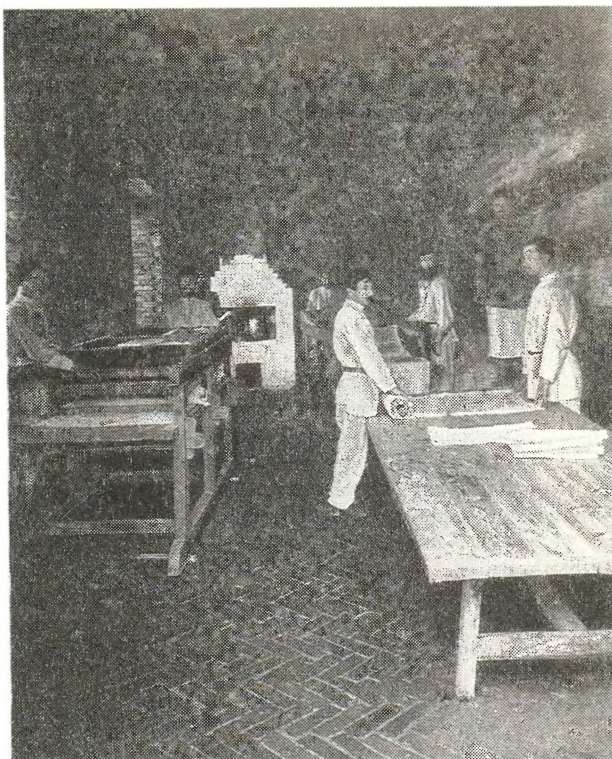

*Хлебопекарня
Александровской
Центральной
тюрьмы.*

*Кухня Александровской
Центральной тюрьмы.*

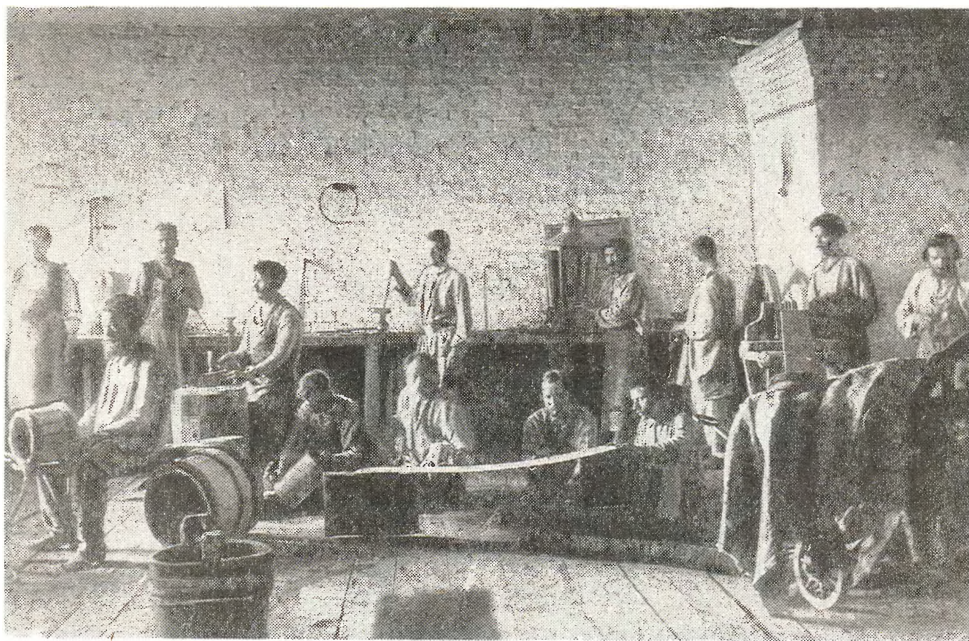

*Прачечная
Александровской
Центральной тюрьмы.
Катанье белья.*

Из тюремной камеры

*Слесарная и кузнечная мастерская
Александровской Центральной тюрьмы.*

Источник 3/1994

1. Общество попечительное о тюрьмах было образовано 10 июля 1819 г. в Петербурге с целью «улучшения как нравственного и физического состояния арестантов, так и мест заключения». С момента создания находилось под покровительством императора. 26 августа 1855 г. передано в ведение Министерства внутренних дел, а министр внутренних дел автоматически становился президентом общества. С апреля 1861 г. им являлся П. А. Валуев.

2. Тучков Павел Алексеевич (1803—1864) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, московский генерал-губернатор, член Государственного совета, вице-президент Московского комитета Общества попечительного о тюрьмах.

3. Валуев Петр Александрович (1815—1890) — граф, министр внутренних дел (1862—1868). Впоследствии министр государственных имуществ (1872—1879), председатель Комитета министров (1879—1881).

4. В 1857 г. в Московском губернском тюремном замке содержалось под стражей 3873 человека, из них мужчин — 2990 человек, женщин — 883 человека; в 1858 г. под стражей содержалось 4184 человека, из них мужчин — 3362 человека, женщин — 882

человека (ГА РФ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 424. Л. 23; Д. 503. Л. 24).

5. Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — русский писатель, публицист и историк, почетный член Петербургской Академии наук (1818). Имеется в виду его 12-томная «История государства Российского».

6. Устрялов Николай Герасимович (1805—1870) — русский историк, академик Петербургской Академии наук (1837). Имеется в виду его труд «Начертание русской истории для средних учебных заведений» (СПб., 1839).

7. Имеется в виду «Книга Наума о великом божьем мире», изданная Михаилом Максимовичем (М., 1833).

8. Селиванов Илья Васильевич — коллежский советник, председатель палаты Московского уголовного суда, духовный директор Московского губернского тюремного замка.

*Публикация
Леонида МАЛЕНЬКИХ*

Фотографии подготовлены к публикации
Зинаидой ПЕРЕГУДОВОЙ.

ПОДОПЛЕКА СОБЫТИЙ. ВЕРСИИ

2 июня 1937 г. Сталин заявил
о раскрытии военно-политического заговора.
*Публикуем только что рассекреченную
стенограмму.*

Павел Корин не закончил свою картину
«Русь уходящая».
*Партийные функционеры зорко следили,
чтобы «чуждые народу» произведения
никогда не увидели свет.*

Вопрос о положении евреев в СССР
в интерпретации Н. С. Хрущева.
*Запись беседы с делегацией
Рабочей прогрессивной партии Канады
публикуется впервые.*

Фельдмаршал Паулюс.
*Он должен был возглавить демократический центр
пропагандистской работы среди военнопленных.*

КГБ и диссиденты.
Документы по делу Снегирева.

«Невольники в Руках Германского Рейхсвера»

Речь И. В. Сталина в Наркомате обороны

В личном архиве И. В. Сталина сохранился неправленный машинописный экземпляр стенограммы его выступления на расширенном заседании военного совета при наркомате обороны 2 июня 1937 г. Заседание проходило в Кремле с 1 по 4 июня с участием членов Политбюро. Кроме постоянных членов, на военном совете присутствовало 116 военных работников, приглашенных с мест и из центрального аппарата НКВД. Необходимо отметить, что к 1 июня 1937 г. двадцать членов военного совета, то есть четверть его состава, уже были арестованы, как «заговорщики».

Перед началом работы военного совета все его участники были ознакомлены с показаниями Тухачевского, Якира и других «заговорщиков». Это создало напряженную атмосферу с самого первого дня работы совета.

В первый день заседания с докладом «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА» выступил нарком обороны Ворошилов. Широко используя сфабрикованные на следствии ложные показания арестованных, Ворошилов в докладе утверждал:

«Органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии...»

О том, что эти люди — Тухачевский, Якир, Уборевич и ряд других людей — были между собой близки, это мы знали, это не было секретом. Но от близости, даже от такой групповой близости до контрреволюции очень далеко... В прошлом году, в мае

месяце, у меня на квартире Тухачевский бросил обвинение мне и Буденному, в присутствии т. т. Сталина, Молотова и многих других, в том, что я якобы группирую вокруг себя небольшую кучку людей, с ними веду, направляю всю политику и т. д. Потом на второй день Тухачевский отказался от всего сказанного...

Тов. Сталин тогда же сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить заседание П(олит) Б(юро) и на этом заседании подробно разобрать, в чем тут дело. И вот на этом заседании мы разбирали все эти вопросы и опять-таки пришли к прежнему результату.

Сталин: Он отказался от своих обвинений.

Ворошилов: Да, отказался, хотя группа Якира и Уборевича на заседании вела себя в отношении меня довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении меня очень скверно». Ворошилов в докладе призывал «проверить и очистить армию буквально до самых последних щелочек», заранее предупреждая, что в результате этой чистки, «может быть, в количественном выражении мы понесем большой урон».

Далее Ворошилов заявил:

«Я, как народный комиссар... откровенно должен сказать, что не только не замечал подлых предателей, но даже когда некоторых из них (Горбачева, Фельдмана и др.) уже начали разоблачать, я не хотел верить, что эти люди, как казалось, безукоризненно работавшие, способны были на столь чудовищные преступления. Моя вина в этом огромна. Но я не могу отметить ни одного случая предупредительного сигнала и с вашей стороны, товари-

щи... Повторяю, что никто и ни разу не сигнализировал мне или ЦК партии о том, что в РККА существуют контрреволюционные конспираторы».

2 июня 1937 г. на военном совете выступил Сталин, заявивший о раскрытии военно-политического заговора против Советской власти, который якобы стимулировали и финансировали германские фашисты.

11 июня 1937 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР были осуждены по обвинению в измене Родине, терроре, военном заговоре к

расстрелу видные деятели Красной Армии: Тухачевский М. Н., Якир И. Э., Уборевич И. П., Корк А. И., Эйдеман Р. П., Фельдман Б. М., Примаков В. М., Путьна В. К. В ночь на 12 июня 1937 г. все они были расстреляны.

Текст стенограммы с выступлением Сталина публикуется полностью без каких-либо сокращений и редакционных правок. Встречающиеся искажения фамилий даны в подстрочных примечаниях. Публикуемая стенограмма снабжена именным указателем.

Стенограмма

выступления И. В. Сталина на расширенном заседании военного совета при наркоме обороны

2 июня 1937 г.

СТАЛИН. Товарищи, в том, что военно-политический заговор существовал против Советской власти теперь, я надеюсь, никто не сомневается. Факт, такая уйма показаний самих преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что несомненно здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами.

Ругают людей: одних мерзавцами, других — чудаками, третьих — помещиками.

Но сама по себе ругань ничего не дает. Для того, чтобы это зло с корнем вырвать и положить ему конец, надо его изучить, спокойно изучить, изучить его корни, вскрыть и наметить средства, чтобы впредь таких безобразий ни в нашей стране, ни вокруг нас не повторялось.

Я и хотел как раз по вопросам такого порядка несколько слов сказать.

Прежде всего, обратите внимание, что за люди стояли во главе военно-политического заговора. Я не беру тех, которые уже расстреляны, я беру тех, которые недавно еще были на воле. Троцкий, Рыков, Бухарин — это так сказать политические руководители. К ним я отношу также Рудзутака, который также стоял во главе и очень хитро работал, путал все, а всего навсего оказался немецким шпионом, Карахан, Енукидзе. Дальше идут: Ягода, Тухачевский — по военной линии, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник — 13 человек. Что это за люди? Это очень интересно знать. Это — ядро военно-политического заговора, ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспособляло всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов. Что это за люди?

Говорят, Тухачевский помещик, кто-то другой попovich. Такой подход, товарищи, ничего не решает, абсолютно не решает. Когда говорят о дворянах, как о враждебном классе трудового народа, имеют ввиду класс, сословие, прослойку, но это не значит, что некоторые отдельные лица из дворян не могут служить рабочему классу. Ленин был дворянского происхождения — вы это знаете?

ГОЛОС: Известно.

СТАЛИН. Энгельс был сын фабриканта — непролетарские элементы, как хотите. Сам Энгельс управлял своей фабрикой и кормил этим Маркса. Чернышевский был сын попа — неплохой был человек. И наоборот. Серебряков был рабочий, а вы знаете каким мерзавцем он оказался. Лившиц был рабочим, малограмотным рабочим, а оказался — шпионом.

Когда говорят о враждебных силах имеют ввиду класс, сословие, прослойку, но не каждое лицо из данного класса может вредить. Отдельные лица из дворян, из буржуазии работали на пользу рабочему классу и работали неплохо. Из такой

прослойки как адвокаты, скажем, было много революционеров. Маркс был сын адвоката, не сын батрака и не сына рабочего. Из этих прослоек всегда могут быть лица, которые могут служить делу рабочего класса не хуже, а лучше, чем чистые кровные пролетарии. Поэтому общая мерка, что это не сын батрака — это старая мерка, к отдельным лицам не применимая. Это не марксистский подход.

Это не марксистский подход. Это, я бы сказал, биологический подход, не марксистский. Мы марксизм считаем не биологической наукой, а социологической наукой. Так что эта общая мерка, совершенно верная в отношении сословий, групп, прослоек, она не применима ко всяким отдельным лицам, имеющим непролетарское или не крестьянское происхождение. Я не с этой стороны буду анализировать этих людей.

Есть у вас еще другая, тоже неправильная ходячая точка зрения. Часто говорят: в 1922 году такой-то голосовал за Троцкого. Тоже неправильно. Человек мог быть молодым, просто не разбирался, был задира. Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист и весь ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось. Андреев был очень активным троцкистом в 1921 году.

ГОЛОС С МЕСТА. Какой Андреев?

СТАЛИН. Секретарь ЦК, Андрей Андреевич Андреев. Так что видите, общее мнение о том, что такой-то тогда-то голосовал, или такой-то тогда-то колебался, тоже не абсолютно и не всегда правильно.

Так что эта вторая ходячая, имеющая большое распространение среди вас и в партии вообще точка зрения, она тоже неправильна. Я бы сказал не всегда правильна и очень часто она подводит.

Значит при характеристике этого ядра и его членов, я также эту точку зрения, как неправильную, не буду применять.

Самое лучшее судить о людях по их делам, по их работе. Были люди, которые колебались, потом отошли, отошли открыто, честно и в одних рядах с нами очень хорошо дерутся с троцкистами. Дрался очень хорошо Дзержинский, дерется очень хорошо т. Андреев. Есть и еще такие люди. Я бы мог сосчитать десятка два-три людей, которые отошли от троцкизма, отошли крепко и дерутся с ним очень хорошо. Иначе и не могло быть, потому что на протяжении истории нашей партии, факты показали, что линия Ленина, поскольку с ним начали открытую войну троцкисты оказалась правильной. Факты показали, что впоследствии после Ленина линия ЦК нашей партии, линия партии в целом оказалась правильной. Это не могло не повлиять на некоторых бывших троцкистов. И нет ничего удивительного, что такие люди как Дзержинский, Андреев и десятка два-три бывших троцкистов разобрались, увидели, что линия партии правильна и перешли на нашу сторону.

Скажу больше. Я знаю некоторых не троцкистов, они не были троцкистами, но и нам от них большой пользы не было. Они по-казенному голосовали за партию. Большая ли цена такому ленинцу? И наоборот, были люди, которые топорщились, сомневались, не все признали правильным и не было у них достаточной доли трусости, чтобы скрыть свои колебания, они голосовали против линии партии, а потом перешли на нашу сторону.

Стало быть и эту вторую точку зрения, ходячую и распространенную среди вас, я отвергаю как абсолютную.

Нужна третья точка зрения при характеристике лидеров этого ядра заговора. Это точка зрения характеристики людей по их делам за ряд лет.

Перехожу к этому. Я пересчитал 13 человек. Повторяю: Троцкий, Рыков, Бухарин, Енукидзе, Карахан, Рудзутак, Ягода, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник. Из них 10 человек шпионы. Троцкий организовал группу, которую прямо натаскивал, поучал: давайте сведения немцам, чтобы они поверили, что у меня, Троцкого, есть люди. Делайте диверсии, крушения, чтобы мне, Троцкому японцы и немцы поверили, что у меня есть сила. Человек, который проповедовал среди своих людей необходимость заниматься шпионажем, потому что мы, дескать, троцкисты должны иметь блок с немецкими фашистами, стало быть у нас

должно быть сотрудничество, стало быть мы должны помогать так же, как они нам помогают в случае нужды. Сейчас от них требуют помощи по части информации, давайте информацию. Вы помните показания Радека, вы помните показания Лившица, вы помните показания Сокольников — давали информацию. Это и есть шпионаж. Троцкий — организатор шпионов из людей либо состоявших в нашей партии, либо находящихся вокруг нашей партии — обер-шпион.

Рыков. У нас нет данных, что он сам информировал немцев, но он поощрял эту информацию через своих людей. С ним очень тесно были связаны Енукидзе и Карахан, оба оказались шпионами. Карахан с 1927 года и с 1927 года Енукидзе. Мы знаем через кого они доставляли секретные сведения, через кого доставляли эти сведения — через такого-то человека из Германского посольства в Москве. Знаем. Рыков знал все это. У нас нет данных, что он сам шпион.

Бухарин. У нас нет данных, что он сам информировал, но с ним были связаны очень крепко и Енукидзе, и Карахан, и Рудзутак, они им советовали, информируйте, сами не доставляли.

Гамарник. У нас нет данных, что он сам информировал, но все его друзья, ближайшие друзья: Уборевич, особенно Якир, Тухачевский, занимались систематической информацией немецкого генерального штаба.

Остальные. Енукидзе, Карахан я уже сказал. Ягода — шпион, и у себя в ГПУ разводил шпионов. Он сообщал немцам, кто из работников ГПУ имеет такие-то пороки. Чекистов таких он посылал за границу для отдыха. За эти пороки хватала этих людей немецкая разведка и завербовывала, возвращались они завербованными. Ягода говорил им: я знаю, что вас немцы завербовали, как хотите, либо вы мои люди, личные и работаете так, как я хочу, слепо, либо я передаю в ЦК, что вы — германские шпионы. Те завербовывались и подчинялись Ягоде как его личные люди. Так он поступил с Гаем — немецко-японским шпионом. Он это сам признал. Эти люди признаются. Так он поступил с Воловичем — шпион немецкий, сам признается. Так он поступил с Паукером — шпион немецкий, давнишний, с 1923 года. Значит Ягода. Дальше, Тухачевский. Вы читали его показания.

ГОЛОСА. Да, читали.

СТАЛИН. Он оперативный план наш, оперативный план — наше святое-святых передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион. Для благовидности на Западе этих жуликов из западно-европейских цивилизованных стран называют информаторами, а мы-то по-русски знаем, что это просто шпион. Якир — систематически информировал немецкий штаб. Он выдумал себе эту болезнь печени. Может быть он выдумал себе эту болезнь, а может быть она у него действительно была. Он ездил туда лечиться. Уборевич — не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал. Карахан — немецкий шпион. Эйдеман — немецкий шпион. Карахан — информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии. Рудзутак. Я уже говорил о том, что он не признает, что он шпион, но у нас есть все данные. Знаем кому он передавал сведения. Есть одна разведчица опытная в Германии, в Берлине. Вот когда вам может быть придется побывать в Берлине, Жозефина Гензи, может быть ктонибудь из вас знает. Она красивая женщина. Разведчица старая. Она завербовала Карахана. Завербовала на базе бабской части. Она завербовала Енукидзе. Она помогла завербовать Тухачевского. Она же держит в руках Рудзутака. Это очень опытная разведчица Жозефина Гензи. Будто бы она сама датчанка на службе у германского рейхсвера. Красивая, очень охотно на всякие предложения мужчин идет, а потом гробит. Вы может быть читали статью в «Правде»¹ о некоторых коварных приемах вербовщиков. Вот она одна из отличившихся на этом поприще разведчиц германского рейхсвера. Вот вам люди. Десять определенных шпионов и трое организаторов и потакателей шпионажа в пользу германского рейхсвера. Вот они, эти люди.

Могут спросить, естественно, такой вопрос — как это так, эти люди, вчера еще коммунисты, вдруг стали сами оголтелым орудием в руках германского шпионажа? А так, что они завербованы. Сегодня от них требуют — дай информацию. Не дашь, у нас есть уже твоя расписка, что ты завербован, опубликуем. Под страхом разоблачения они дают информацию. Завтра требуют: нет, этого мало, давай

больше и получи деньги, дай расписку. После этого требуют — начинайте заговор, вредительство. Сначала вредительство, диверсии, покажите, что вы действуете на нашу сторону. Не покажете — разоблачим, завтра же передаем агентам советской власти и у вас головы летят. Начинают они диверсии. После этого говорят — нет, вы какнибудь в Кремле попытайтесь чтонибудь устроить или в Московском гарнизоне и вообще займите командные посты. И эти начинают стараться как только могут. Дальше и этого мало. Дайте реальные факты чегонибудь стоящие. И они убивают Кирова. Вот, получайте, говорят. А им говорят идите дальше, нельзя ли все правительство снять. И они организуют через Енукидзе, через Горбачева, Егорова, который был тогда начальником школы ВЦИК, а школа стояла в Кремле, Петерсона. Им говорят, организуйте группу, которая должна арестовать правительство. Летят донесения, что есть группа, все сделаем, арестуем и прочее. Но этого мало, арестовать, перебить несколько человек, а народ, а армия. Ну, значит они сообщают, что у нас такие-то командные посты заняты, мы сами занимаем большие командные посты, я, Тухачевский, а он Уборевич, а здесь Якир. Требуют — а вот насчет Японии, Дальнего Востока как? И вот начинается кампания, очень серьезная кампания. Хотят Блюхера снять. И там же есть кандидатура. Ну, уж, конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же. Почему снять? Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему спрашивается, объясните в чем дело? Вот он выпивает. Ну, хорошо. Ну, еще что? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает. Ну, сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадает. Посмотрите, ЦК встает перед фактом всякой гадости, которую говорят о Блюхере. Путь бомбардирует, Аронштам бомбардирует нас в Москве, бомбардирует Гамарник. Наконец, созываем совещание. Когда он приезжает, видимся с ним. Мужик, как мужик, неплохой. Мы его не знаем, в чем тут дело. Даем ему произнести речь — великолепно. Проверяем его и таким порядком. Люди с мест сигнализировали, созываем совещание в зале ЦК.

Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается. Была маленькая группа. Возьмем Котовского, он никогда ни армией, ни фронтом не командовал. Если люди не знают своего дела, мы их обругаем — подите к черту, у нас не монастырь. Поставьте людей на командную должность, которые не пьют и воевать не умеют — нехорошо. Есть люди с 10 летним командующим опытом, действительно из них сыпется песок, но их не снимают, наоборот, держат. Мы тогда Гамарника ругали, а Тухачевский его поддерживал. Это единственный случай сговоренности. Должно быть немцы донесли, приняли все меры. Хотели поставить другого, но не выходит.

Ядро, состоящее из 10 патентованных шпионов и 3-х патентованных подстрекателей шпионов. Ясно, что сама логика этих людей зависит от германского рейхсвера. Если они будут выполнять приказания германского рейхсвера, ясно, что рейхсвер будет толкать этих людей сюда. Вот подоплека заговора. Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор и эти господа взялись за заговор. Рейхсвер хочет, чтобы эти господа систематически доставляли им военные секреты и эти господа сообщали им военные секреты. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось. Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было всё готово, чтобы армия перешла к вредительству с тем, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер и они это дело готовили. Это агентура, руководящее ядро военно-политического заговора в СССР, состоящее из 10 патентованных шпииков и 3-х патентованных подстрекателей — шпионов. Это агентура германского рейхсвера. Вот основное. Заговор этот имеет, стало-быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику герман-

ского рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе, и завербовали шпииков, орудовавших в этом деле. Вот обстановка.

Тухачевский особенно, который играл благородного человека, на мелкие пакости неспособного, воспитанного человека. Мы его считали не плохим военным, я его считал не плохим военным. Я его спрашивал: как вы могли в течение 3-х месяцев довести численность дивизии до 7 тысяч человек. Что это? Профан, не военный человек. Что за дивизия в 7 тыс. человек. Это либо дивизия без артиллерии, либо это дивизия с артиллерией без прикрытия. Вообще это не дивизия, это срам. Как может быть такая дивизия. Я у Тухачевского спрашивал, как вы, человек, называющий себя знатоком этого дела, как вы можете настаивать, чтобы численность дивизии довести до 7 тыс. человек и вместе с тем требовать, чтобы у нас дивизия была 60... 40 гаубиц и 20 пушек, чтобы мы имели столько то танкового вооружения, такую-то артиллерию, столько-то минометов. Здесь одно из двух, либо вы должны всю эту технику к чорту убрать и одних стрелков поставить, либо вы должны только технику поставить. Он мне говорит: «Тов. Сталин, это увлечение». Это не увлечение, это вредительство, проводимое по приказам германского рейхсвера.

Вот ядро и что оно собой представляет? Голосовали ли они за Троцкого? Рудзутак никогда не голосовал за Троцкого, а шпииком оказался. Енукидзе никогда не голосовал за Троцкого, а шпииком оказался. Вот ваша точка зрения — кто за кого голосовал.

Помещичье происхождение. Я не знаю кто там еще есть из помещичьей семьи, кажется, только один Тухачевский. Классовое происхождение не меняет дела. В каждом отдельном случае нужно судить по делам. Целый ряд лет люди имели связь с германским рейхсвером, ходили в шпионах. Должно быть они часто колебались и не всегда вели свою работу. Я думаю, мало кто из них вел свое дело от начала до конца. Я вижу, как они плачут, когда их привели в тюрьму. Вот тот же Гамарник. Видите ли, если бы он был контрреволюционером от начала до конца, то он не поступил бы так, потому что я бы на его месте, будучи последовательным контрреволюционером, попросил бы сначала свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, а потом бы убил себя. Так контрреволюционеры поступают. Эти же люди были ничто иное, как невольники германского рейхсвера, завербованные шпионы и эти невольники должны были катиться по пути заговора, по пути шпионажа, по пути отдачи Ленинграда, Украины и т. д. Рейхсвер, как могучая сила, берет себе в невольники, в рабы слабых людей, а слабые люди должны действовать, как им прикажут. Невольник есть невольник. Вот что значит попасть в орбиту шпионажа. Попал ты в это колесо, хочешь ты или не хочешь, оно тебя завернет и будешь катиться по наклонной плоскости. Вот основа. Не в том, что у них политика и прочее, никто их не спрашивал о политике. Это просто люди идут на милость.

Колхозы. Да какое им дело до колхозов? Видите, им стало жалко крестьян. Вот этому мерзавцу Енукидзе, который в 1918 г. согнал крестьян и восстановил помещичье хозяйство, ему теперь стало жалко крестьян. Но так как он мог прикидываться простачком и заплакать, этот верзила (смех), то ему поверили.

Второй раз, в Крыму, когда пришли к нему какие то бабенки, жены, также как и в Белоруссии, пришли и поплакали, то он согнал мужиков, вот этот мерзавец согнал крестьян и восстановил какого-то дворянина. Я его еще тогда представлял к исключению из партии, мне не верили, считали, что я как грузин очень строго отношусь к грузинам. А русские, видите-ли, поставили перед собой задачу защищать «этого грузина». Какое ему дело вот этому мерзавцу, который восстанавливал помещиков, какое ему дело до крестьян.

Тут дело не в политике, никто его о политике не спрашивал. Они были невольниками в руках германского рейхсвера.

Те командовали, давали приказы, а эти в поте лица выполняли. Этим дуракам казалось, что мы такие слепые, что ничего не видим. Они, видите ли, хотят арестовать правительство в Кремле. Оказалось, что мы кое-что видели. Они хотят в Московском гарнизоне иметь своих людей и вообще поднять войска. Они полага-

ли, что никто ничего не заметит, что у нас пустыня Сахара, а не страна, где есть население, где есть рабочие, крестьяне, интеллигенция, где есть правительство и партия. Оказалось, что мы кое-что видели.

И вот эти невольники германского рейхсвера сидят теперь в тюрьме и плачут. Политики! Руководители!

Второй вопрос — почему этим господам так легко удавалось завербовать людей. Вот мы, человек 300—400 по военной линии арестовали. Среди них есть хорошие люди. Как их завербовали?

Сказать, что это способные, талантливые люди, я не могу. Сколько раз они поднимали открытую борьбу против Ленина, против партии при Ленине и после Ленина и каждый раз были биты. И теперь подняли большую кампанию и тоже провалились. Не очень уж талантливые люди, которые то и дело проваливались, начиная с 1921 г. и кончая 1937. Не очень талантливые, не очень гениальные.

Как это им удалось так легко вербовать людей? Это очень серьезный вопрос. Я думаю, что они тут действовали таким путем. Недоволен человек чем-либо, например, недоволен тем, что он бывший троцкист или зиновевец и его не так свободно выдвигают, либо недоволен тем, что он человек неспособный, не управляется с делами и его за это снижают, а он себя считает очень способным. Очень трудно иногда человеку понять меру своих сил, меру своих плюсов и минусов. Иногда человек думает, что он гениален и поэтому обижен, когда его не выдвигают.

Начинали с малого, с идеологической группки, а потом шли дальше. Вели разговоры такие: вот ребята, дело какое. ГПУ у нас в руках, Ягода в руках, Кремль у нас в руках, т. к. Петерсон с нами, Московский округ, Корк и Горбачев тоже у нас. Все у нас. Либо сейчас выдвинуться, либо завтра, когда придем к власти, остаться на бобах. И многие слабые, не стойкие люди думали, что это дело реальное, чорт побери, оно будто бы даже выгодное. Этак прозеваешь, за это время арестуют правительство, захватят Московский гарнизон и всякая такая штука, а ты останешься на мели (веселое оживление в зале).

Точно так рассуждает в своих показаниях Петерсон. Он разводит руками и говорит: дело это реальное, как тут не завербоваться? (Веселое оживление в зале).

Оказалось дело не такое уж реальное. Но эти слабые люди рассуждали именно так: как-бы, чорт побери, не остаться позади всех. Давай-ка скорей прикладываться к этому делу, а то останешься на мели.

Конечно, так можно завербовать только нескольких людей. Конечно, стойкость тоже дело наживное, от характера кое-что зависит, но и от самого воспитания. Вот эти малостойкие, я бы сказал товарищи, они и послужили материалом для вербовки. Вот почему этим мерзавцам так легко удавалось малостойких людей вовлекать. На них гипнозом действовали: завтра все будут у нас в руках, немцы с нами, Кремль с нами, мы внутри будем действовать, они извне. Вербовали таким образом этих людей.

Третий вопрос — почему мы так странно прошили это дело? Сигналы были. В феврале был Пленум ЦК². Все-таки как никак дело это наворачивалось, а вот все-таки прошили, мало кого мы сами открыли из военных. В чем тут дело? Может быть мы малоспособные люди, или совсем уже ослепли? Тут причина общая. Конечно, армия не оторвана от страны, от партии, а в партии вам известно, что эти успехи несколько вскружили голову, когда каждый день успехи, планы перевыполняются, жизнь улучшается, политика будто бы неплохая, международный вес нашей страны растет бесспорно, армия сама внизу и в средних звеньях, отчасти в верхних звеньях, очень здоровая и колоссальная сила, все это дело идет вперед, поневоле развинчивается, острота зрения пропадает, начинают люди думать, какого рожна еще нужно? Чего не хватает? Политика неплохая, Рабоче-Крестьянская Красная Армия за нас, международный вес нашей страны растет, всякому из нас открыт путь для того, чтобы двигаться вперед, неужели же еще при этих условиях кто-нибудь будет думать о контрреволюции? Есть такие мыслишки в головах. Мы-то не знали, что это ядро уже завербовано германцами и они даже при желании отойти от пути контрреволюции, не могут отойти, потому что живут под страхом того, что их разоблачат и они головы сложат. Но общая обстановка, рост наших сил, поступательный рост и в армии, и в стране, и в партии, вот они у нас

притупили чувство политической бдительности и несколько ослабили остроту нашего зрения. И вот в этой-то как раз области мы и оказались разбитыми.

Нужно проверять людей, и чужих, которые приезжают, и своих. Это значит надо иметь широко разветвленную разведку, чтобы каждый партиец и каждый не партийный большевик, особенно органы ОГПУ, рядом с органами разведки, чтобы они свою сеть расширяли и бдительнее смотрели. Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки оказались битыми как мальчишки, как ребята. Вот наша основная слабость. Разведки нет, настоящей разведки. Я беру это слово в широком смысле слова, в смысле бдительности и в узком смысле слова также, в смысле хорошей организации разведки. Наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем. Наша разведка по линии ПУ возглавлялась шпионом Гаем и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу сколько угодно только не для нас. Разведка — это та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение. И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши. Слишком большие победы одержали, товарищи, слишком лакомым куском стал СССР для всех хищников. Громадная страна, великолепные железные дороги, флот растет, производство хлеба растет, сельское хозяйство процветает и будет процветать, промышленность идет в гору. Это такой лакомый кусок для империалистических хищников, что он, этот кусок обязывает нас быть бдительными. Судьба, история доверили этакое богатство, эту великолепную и великую страну, а мы оказались спящими, забыли, что этакое богатство, как наша страна, не может не вызывать жадности, алчности, зависти и желания захватить эту страну. Вот Германия первая серьезно протягивает руку. Япония вторая, заводит своих разведчиков, имеет свое повстанческое ядро. Те хотят получить Приморье, эти хотят получить Ленинград. Мы это прозевали, не понимали. Имея эти успехи, мы превратили СССР в богатейшую страну и вместе с тем в лакомый кусок для всех хищников, которые не успокоятся до тех пор, пока не испробуют всех мер к тому, чтобы отхватить от этого куска кое что. Мы эту сторону прозевали. Вот почему у нас разведка плоха и в этой области мы оказались битыми как ребяташки, как мальчишки.

Но это не все, разведка плохая. Очень хорошо. Ну, успокоение пошло. Факт. Успехи одни. Это очень большое дело успехи и мы все стремимся к ним. Но у этих успехов есть своя теневая сторона — самодовольство ослепляет. Но есть у нас и другие такие недостатки, которые помимо всяких успехов или неуспехов существуют и с которыми надо распрощаться. Вот тут говорили о сигнализации, сигнализировали. Я должен сказать, что сигнализировали очень плохо с мест. Плохо. Если бы сигнализировали больше, если бы у нас было поставлено дело так как этого хотел Ленин, то каждый коммунист, каждый беспартийный считал бы себя обязанным, о недостатках которые замечает написать свое личное мнение. Он так хотел. Ильич к этому стремился, ни ему, ни его птенцам не удалось это дело наладить. Нужно, чтобы не только смотрели, наблюдали, замечали недостатки и прорывы, замечали врага, но и все остальные товарищи, чтобы смотрели на это дело. Нам отсюда не все видно. Думают, что центр должен все знать, все видеть. Нет, центр не все видит, ничего подобного. Центр видит только часть, остальное видят на местах. Он посылает людей, но он не знает этих людей на 100%, вы должны их проверять. Есть одно средство настоящей проверки — это проверка людей на работе, по результатам их работы. А это только местные люди могут видеть.

Вот т. Горячев рассказывал о делах головокругительной практики. Если бы мы это дело знали, конечно, приняли бы меры. Разговаривали о том, о сем, что у нас дело с винтовкой плохое, что наша боевая винтовка имеет тенденцию превратиться в спортивную.

(Голос: Махновский обрез).

Не только обрез, ослабляли пружину, чтобы напряжения не требовалось. Один из рядовых красноармейцев сказал мне, что плохо дело, поручили кому следует рассмотреть. Один защищает Василенко, другой не защищает. В конце-концов выяснилось, что он действительно грешен. Мы не могли знать, что это вредительст-

во. А кто же он оказывается? Оказывается он шпион. Он сам рассказал. С какого года, т. Ежов?

ЕЖОВ. С 1926 года.

СТАЛИН. Конечно, он себя троцкистом называет, куда лучше ходить в троцкистах, чем просто в шпионах.

Плохо сигнализируете, а без ваших сигналов ни военком, ни ЦК, ничего не могут знать. Людей посылают не на 100% обсосанных, в центре таких людей мало. Посылают людей, которые могут пригодиться. Ваша обязанность проверять людей на деле, на работе и если неувязки будут, вы сообщайте. Каждый член партии, честный беспартийный, гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать. Если будет, правда, хотя бы на 5%, то и это хлеб. Обязаны посылать письма своему Наркому, копию в ЦК. Как хотите. Кто сказал, что обязывают только Наркому писать? Неправильно.

Я расскажу один инцидент, который был у Ильича с Троцким. Это было, когда Совет Обороны организовывался. Это было, кажется, в конце 1918 или 1919 года.

Троцкий пришел жаловаться: получают в ЦК письма от коммунистов, иногда в копии посылаются ему как Наркому, а иногда даже и копии не посылаются и письма посылаются в ЦК через его голову. «Это не годится». Ленин спрашивает: почему? «Как же так, я нарком, я тогда не могу отвечать». Ленин его отбрил, как мальчишку и сказал: «Вы не думайте, что вы один имеете заботу о военном деле. Война это дело всей страны, дело партии». Если коммунист по забывчивости, или почему либо прямо в ЦК напишет, то ничего особенного в этом нет. Он должен жаловаться в ЦК. Что же вы думаете, что ЦК уступит вам свое дело? Нет. А вы потрудитесь разобрать по существу эту жалобу. Вы думаете, вам ЦК не расскажет, расскажет. Вас должно интересовать существо этого письма — правильно оно или нет. Даже и в копии можно наркому не посылать.

Разве вам когда Ворошилов запрещал письма писать в ЦК? (Голоса: нет, никогда). Кто из вас может сказать, что вам запрещали писать письма в ЦК? (Голоса: нет, никто). Поскольку вы отказываетесь писать в ЦК и даже наркому не пишете, о делах, которые оказываются плохими, то вы продолжаете старую троцкистскую линию. Борьба с пережитками троцкизма в головах должна вестись и ныне, надо отказаться от этой троцкистской практики. Член партии, повторяю, беспартийный, у которого болит сердце о беспорядках, а некоторые беспартийные лучше пишут, честнее, чем другие коммунисты, обязаны писать своим наркомам, писать заместителям наркомов, писать в ЦК о делах, которые им кажутся угрожающими.

Вот, если бы это правило выполнялось, а это Ленинское правило, — вы не найдете в Политбюро ни одного человека, который бы чтонибудь против этого сказал — если бы вы это правило проводили, мы гораздо раньше разоблачили бы это дело.

Вот это на счет сигналов.

Еще недостаток, в отношении проверки людей сверху. Не проверяют. Мы для чего организовали генеральный штаб? Для того, чтобы он проверял командующих округами. А чем он занимается? Я не слыхал, чтобы генеральный штаб проверял людей, чтобы генеральный штаб нашел у Уборевича чтонибудь и раскрыл все его махинации. Вот тут выступал один товарищ и рассказывал на счет кавалерии, как тут дело ставили, где же был генеральный штаб. Вы что думаете, что генеральный штаб для украшения существует? Нет, он должен проверять людей на работе сверху. Командующие округами не Чжан-Цзолин, которому отдали округ на откуп...

ГОЛОСА. А это было так.

СТАЛИН. Такая практика не годится. Конечно, не любят иногда когда против шерсти гладят, но это не большевизм. Конечно бывает иногда, что идут люди против течения и против шерсти гладят. Но бывает и так, что не хотят обидеть командующего округом. Это не правильно, это гибельное дело. Генеральный штаб существует для того, чтобы он изо дня в день проверял людей, давал бы ему советы, поправлял. Может какой командующий округом имеет мало опыта, просто сам

сочинил чтонибудь, его надо поправить и придти ему на помощь. Проверить как следует.

Так могли происходить все эти художества — на Украине Якир, здесь в Белоруссии — Уборевич.

И вообще нам не все их художества известны, потому что люди эти были предоставлены сами себе и что они там вытворляли, бог их знает!

Генштаб должен знать все это, если он хочет действительно практически руководить делом. Я не вижу признаков того, чтобы Генштаб стоял на высоте с точки зрения подбора людей.

Дальше. Не обращали достаточного внимания, по-моему, на дело назначения на посты начальствующего состава. Вы смотрите, что получается. Ведь очень важным вопросом является, как расставить кадры. В военном деле принято так: есть приказ, должен подчиниться. Если во главе этого дела стоит мерзавец, он может все запутать. Он может хороших солдат, хороших красноармейцев, великодушных бойцов направить не туда куда нужно, не в обход, а навстречу врагу. Военная дисциплина строже чем дисциплина в партии. Человека назначили на пост, он командует, он главная сила, его должны слушаться все. Тут надо проявлять особую осторожность при назначении людей.

Я сторонний человек и то заметил недавно. Каким-то образом дело обернулось так, что в механизированных бригадах, чуть-ли не везде, стоят люди непроверенные, нестойкие. Почему это, в чем дело? Взять хотя бы Абошидзе, забулдыга, мерзавец большой, я слышал краем уха об этом. Почему то обязательно надо дать ему механизированную бригаду. Правильно я говорю, т. Ворошилов?

ВОРОШИЛОВ. Он начальник АБТ войск корпуса.

СТАЛИН. Я не знаю, что такое АБТ.

ГОЛОС С МЕСТА. Начальник авто-бронетанковых войск корпуса.

СТАЛИН. Поздравляю! Поздравляю! Очень хорошо! Почему он должен быть там? Какие у него достоинства? Стали проверять. Оказалось, несколько раз его исключали из партии, но потом восстановили, потому что кто-то ему помогал. На Кавказ послали телеграмму, проверили, оказывается бывший каратель в Грузии, пьяница, бьет красноармейцев. Но с выправкой! (Веселое оживление в зале).

Стали копаться дальше. Кто же его рекомендовал, черт побери! И представьте себе, оказалось рекомендовали его Элиава, товарищи Буденный и Егоров. И Буденный и Егоров его не знают. Человек как видно не дурак выпить, умеет быть томадой (смех), но с выправкой! Сегодня он произнесет декларацию за советскую власть, завтра против советской власти, какую угодно! Разве можно такого непроверенного человека рекомендовать. Ну, вышибли его, конечно.

Стали смотреть дальше. Оказалось везде такое положение. В Москве, например, Ольшанский...

ГОЛОС С МЕСТА. Проходимец!

ГОЛОСА С МЕСТ. Ольшанский или Ольшевский?

СТАЛИН. Есть Ольшанский и есть Ольшевский. Я говорю об Ольшанском. Спрашивал я Гамарника насчет его. Я знаю грузинских князей, это большая сволочь. Они многое потеряли и никогда с советской властью не примирятся, особенно эта фамилия Абошидзе сволочная, как он у вас попал? Говорят: как так, т. Сталин, не может быть. Как не может быть, когда он командует. Поймали за хвост бывшего начальника бронетанкового управления Халепского, не знаю, как он попал, он пьяница, не хороший человек, я его вышиб из Москвы, как он попал? Потом докопались до т. т. Егорова, Буденного, Элиава, говорят Серго рекомендовал. Оказывается — он осторожно поступил — не подписал (голос: он только просил). У меня нет рекомендации, чтобы вам прочитать.

ЕГОРОВ. В этот период в Академии находился.

СТАЛИН. Рекомендуются он, как человек с ясным умом, выправкой, волевой (смех). Вот и все, а кто он в политике — не знали, а ему доверяют танковые части. Спусти рукава на это дело смотрели. Также не обращали должного внимания на то, что на посту начальника командного управления подряд за ряд лет сидели: Гарькавый, Савицкий, Фельдман, Ефимов. Ну, уж, конечно, они стара-

лись, но многое не от них все-таки зависит, Нарком должен подписать. У них какая уловка практиковалась? Требуется военный атташе, представляют семь кандидатур, шесть дураков и один свой, он среди дураков выглядит умницей (смех). Возвращают бумаги на этих шесть человек — не годятся, а седьмого посылают. У них было много возможностей. Когда представляют кандидатуры 16-ти дураков и одного умного, поневоле его подпишешь. На это дело нужно обратить особое внимание.

Затем не обращали должного внимания на военные школы, по-моему, на воспитание хорошее, валили туда всех. Это надо исправить, вычистить.

ГОЛОС. Десять раз ставили вопрос, т. Сталин.

СТАЛИН. Ставить вопросы мало, надо решать.

ГОЛОС. Я не имею права.

СТАЛИН. Ставят вопросы не для постановки, а для того, чтобы их решать.

Не обращалось также должного внимания на органы печати Военведа. Я кое-какие журналы читаю, появляются иногда очень сомнительные такие штуки. Имейте в виду, что молодежь наша военная читает журналы и по-серьезному понимает. Для нас может быть это не совсем серьезная вещь — журналы, а молодежь смотрит на это дело свято, она читает и хочет учиться, и если дрянь пропускают в печать — это не годится.

Вот такой инцидент, такой случай был. Прислал Худяков* свою брошюру, не печатают. Я на основании своего опыта и прочего и прочего знаю, что раз человек пишет, командир, бывший партизан, нужно обратить на него внимание. Я не знаю — хороший ли он или плохой, но что он путанный, я это знал. Я ему написал, что это дело не выйдет, не годится. Я ему написал, что ленинградцы всякие люди имеются — Деникин тоже ленинградец, есть Милюков — тоже ленинградец. Однако, наберется немало людей, которые разочаровались в старом и непрочь приехать. Мы бы их пустили, зачем для этого манифестацию делать всякую. Напишем своим послам и они их пустят. Только они не хотят и если даже приедут — они не вояки. Надоела им возня, они хотят просто похозяйничать. Объяснили ему очень спокойно, он доволен остался. Затем, второе письмо — затирают меня. Книгу я написал насчет опыта советско-польской войны.

ГОЛОСА. «Киевские камни»**.

СТАЛИН. «Киевские камни» о 1920 годе. И они не печатают. Прочти. Я очень занят, спросил военных. Говорят дрянная. Клима спросил — дрянная штука. Прочитал все таки. Действительно дрянная штука (смех). Воспеваает чрезвычайно польское командование, чернит чрезмерно наше общее командование. И я вижу, что весь прицел в брошюре состоит в том, чтобы разоблачить конную армию, которая там решала дело тогда и поставить во главу угла 28-ю, кажется, дивизию.

ГОЛОС. 25-ую.

СТАЛИН. У него там дивизий много было. Знаю одно, что там мужики были довольны, что вот башкиры пришли и падаль, лошадей едят, подбирать не приходится. Вот хорошие мужики. А чтобы дивизия особенно отличалась, этого не видно. И вот, интересно, что т. Сидякин*** написал предисловие к этой книге. Я тов. Сидякина мало знаю. Может быть это плохо, что я его мало знаю, но если судить по этому предисловию, очень подозрительное предисловие. Я не знаю, человек он военный, как он не мог раскусить орех этой брошюры. Печатается брошюра, где запятали наших командиров, до небес возвели командование Польши. Цель брошюры развенчать конную армию. Я знаю, что без нее ни один серьезный вопрос не разрешался на Юго-Западном фронте. Что он свою 28-ю дивизию восхвалял, ну, бог с ним, это простительно, но что польское командование возводил до небес незаслуженно и что он в грязь растоптал наше командование, что он конную армию хочет развенчать — это неправильно. Как этого т. Сидякин не заметил. Предисловие говорит — есть недостатки вообще и всякие такие штуки, но в общем интересный, говорит, опыт. Сомнительное предисловие и даже подозрительное.

ГОЛОС. Я согласен.

СТАЛИН. Что согласен, не обращали внимания на печать, печать надо прибрать к рукам обязательно.

* Так в тексте. Правильно: Кутяков И. С.

** Так в тексте. Правильно: «Киевские Каньны».

*** Так в тексте. Правильно: Седякин А. И.

Теперь еще один вопрос. Вот эти недостатки надо ликвидировать, я их не буду повторять.

В чем основная слабость заговорщиков и в чем наша основная сила. Вот эти господа нанялись в невольники германского вредительства. Хотят они или не хотят, они катятся по пути заговора, размена СССР. Их не спрашивают, а заказывают и они должны выполнять.

В чем их слабость? В том, что нет связи с народом. Боялись они народа, старались сверху проводить: там одну точку установить, здесь один командный пост захватить, там другой, там какого-либо застрявшего прицепить, недовольного прицепить. Они на свои силы не рассчитывали, а рассчитывали на силы германцев, полагали, что германцы их поддержат, а германцы не хотели поддерживать. Они думали: ну-ка заваривай кашу, а мы поглядим. Здесь дело трудное, они хотели, чтобы им показали успехи, говорили что поляки не пропустят, здесь лимитрофы, вот если бы на север, в Ленинград, там дело хорошее. Причем, знали, что на севере в Ленинграде, они не так сильны. Они рассчитывали на германцев, не понимали, что германцы играют с ними, заигрывают с ними. Они боялись народа. Если бы прочитали план, как они хотели захватить Кремль, как они хотели обмануть школу ВЦИК. Одних они хотели обмануть, сунуть одних в одно место, других в другое, третьих — в третье и сказать, чтобы охраняли Кремль, что надо защищать Кремль, а внутри они должны арестовать правительство. Днем, конечно лучше, когда собираются арестовывать, но как это делать днем? «Вы знаете, Сталин какой! Люди начнут стрелять, а это опасно». Поэтому решили лучше ночью (смех). Но ночью тоже опасно, опять начнут стрелять.

Слабенькие, несчастные люди, оторванные от народных масс, не рассчитывающие на поддержку народа, на поддержку армии, боящиеся армии и прятавшиеся от армии и от народа. Они рассчитывали на германцев и на всякие свои махинации: как бы школу ВЦИК в Кремле надуть, как бы охрану надуть, шум в гарнизоне произвести. На армию они не рассчитывали, вот в чем их слабость. В этом же и наша сила.

Говорят, как же такая масса командного состава выбывает из строя. Я вижу кое-у кого смущение, как их заменить.

(Голоса: Чепуха, чудесные люди есть).

В нашей армии непочатый край талантов. В нашей стране, в нашей партии, в нашей армии непочатый край талантов. Не надо бояться выдвигать людей, смелее выдвигайте снизу. Вот вам испанский пример.

Тухачевский и Уборевич просили отпустить их в Испанию. Мы говорим: «Нет, нам имен не надо. В Испанию мы пошлем людей мало известных. Посмотрите, что из этого вышло? Мы им говорили, если вас послать все заметят, не стоит. И послали людей мало заметных, они же там чудеса творят. Кто такое был Павлов? Разве он был известен.

ГОЛОС: Командир полка.

ГОЛОС. Командир мехбригады.

БУДЕННЫЙ. Командир 6-й дивизии мехполка.

ВОРОШИЛОВ. Там два Павловых: старший лейтенант...

СТАЛИН. Павлов отличился особенно.

ВОРОШИЛОВ. Ты хотел сказать о молодом Павлове?

ГОЛОС: Там Гурьев и капитан Павлов.

СТАЛИН. Никто не думал, и я не слышал о способностях командующего у Березина*. А посмотрите, как он дело наладил? Замечательно вел дело.

Штерна вы знаете? Всего на всего был секретарем у т. Ворошилова. Я думаю, что Штерн не на много хуже чем Березин, может быть не только хуже, а лучше. Вот где наша сила — люди без имен. «Пошлите — говорят — нас, людей с именами в Испанию». Нет, давайте пошлем людей без имени, низший и средний офицерский наш состав. Вот сила, она и связана с армией, она будет творить чудеса, уверяю вас. Вот из этих людей смелее выдвигайте, все перекроют, камня на камне не оставят. Выдвигайте людей смелее снизу. Смелее — не бойтесь. (Продолжительные аплодисменты).

ВОРОШИЛОВ. Работать будем до 4-х часов.

* Так в тексте. Правильно: Берзин Я. К.

ГОЛОСА: Перерыв устроить, чтобы покурить.

ВОРОШИЛОВ. Объявляю перерыв на 10 минут...

ВОРОШИЛОВ. Нужно будет раздать стенограмму, как у нас было принято.

БЛЮХЕР. Нам сейчас, вернувшись в войска, придется начать с того, что собрать небольшой актив, потому что в войсках говорят и больше и меньше и не так как нужно. Словом нужно войскам рассказать в чем тут дело.

СТАЛИН. То-есть, пересчитать кто арестован?

БЛЮХЕР. Нет, не совсем так.

СТАЛИН. Я бы на вашем месте, будучи командующим ОКДВА, поступил бы так: собрал бы более высший состав и им подробно доложил. А потом тоже я, в моем присутствии, собрал бы командный состав пониже и объяснил бы более коротко, но достаточно вразумительно, чтобы они поняли, что враг затесался в нашу армию, он хотел подорвать нашу мощь, что это наемные люди наших врагов, японцев и немцев. Мы очищаем нашу армию от них, не бойтесь, расшибем в лепешку всех, кто на дороге стоит. Вот я бы так сказал. Верхним сказал бы шире.

БЛЮХЕР. Красноармейцам нужно сказать то, что для узкого круга?

СТАЛИН. То, что для широкого круга.

ВОРОШИЛОВ. Может быть для облегчения издать специальный приказ о том, что в армии обнаружено такое-то дело. А с этим приказом вышел бы начальствующий состав и прочитал во всех частях.

СТАЛИН. Да. И объяснить надо. А для того, чтобы верхний командный состав и политические руководители знали все таки, стенограмму раздать.

ВОРОШИЛОВ. Да, это будет очень хорошо. В стенограмме я много цитировал. Тут будет полное представление.

СТАЛИН. Хорошо, если бы товарищи взялись и наметили в каждой определенной организации двух своих заместителей и начали выращивать их как по политической части, так и по командной части.

ВОРОШИЛОВ. Давайте это примем. По партийной линии это принято.

СТАЛИН. Это даст возможность и изучать людей.

ВОРОШИЛОВ. Вот этот самый господинчик Фельдман, я в течение ряда лет требовал от него: дай мне человек 150 людей, которых можно наметить к выдвижению. Он писал командующим, ждал в течение 2 1/2, почти 3-х лет. Этот список есть где-то. Нужно разыскать.

БУДЕННЫЙ. Я его видел, там все троцкисты, одни взятые уже, другие под подозрением.

СТАЛИН. Так как половину из них арестовали, то значит нечего тут смотреть.

БУДЕННЫЙ. Не нужно этот приказ печатать, а просто сказать — не подлежит оглашению.

СТАЛИН. Только для армии и затем вернуть его. Стенограмму тоже вернуть.

СТАЛИН. Будет еще вот что хорошо. Вы как собираетесь в два месяца раз?

ВОРОШИЛОВ. В 3 месяца раз.

СТАЛИН. Так как у вас открытой критики нет, то хорошо бы критику здесь разворачивать внутри вашего совета, иметь человека от оборонной промышленности, которую вы будете критиковать.

(Голоса: правильно).

СТАЛИН. И от вас будут представители в Совет Оборонной промышленности человек пять.

(Голоса: Правильно).

СТАЛИН. Начиная может быть с командира полка, а лучше было бы еще ниже, иметь заместителем.

ВОРОШИЛОВ. Командира дивизии или командира полка я его назначаю заместителем.

(Голоса: Есть такое распоряжение).

ВОРОШИЛОВ. Распоряжение есть. Но мы должны иметь лучших людей, каждый должен найти у себя и тогда я уже трогать не буду. Я буду знать, что у Кожанова командир подводной лодки № 22 или командир «Червоной Украины» является избранныком которого он будет выращивать. Я его трогать не буду.

(Голос: Такое же распоряжение отдано):

ВОРОШИЛОВ. Совсем не такое.

СТАЛИН. Может быть у вас нет таких людей, которые могут быть заместителями.

ВОРОШИЛОВ. Есть. У нас известная градация по росту. Командир Ефимов, он командир корпуса, он будет искать среди командиров дивизии, но так как командиров дивизии мало и он не может оттуда наметить, он будет искать из командиров батальонов.

СТАЛИН. Не будет боязни, что отменят тех, которые намечены?

(Голос: Эта боязнь есть).

СТАЛИН. Поэтому надо искать и выращивать, если будут хорошие люди.

ВОРОШИЛОВ. Значит в 8 часов у меня в зале заседание.

СТАЛИН. Нескромный вопрос. Я думаю, что среди наших людей, как по линии командной, так и по линии политической, есть еще такие товарищи, которые случайно задеты. Рассказали ему что нибудь, хотели вовлечь, пугали, шантажем брали. Хорошо внедрить такую практику, чтобы если такие люди придут и сами расскажут обо всем — простить их. Есть такие люди?

ГОЛОСА. Безусловно. Правильно.

СТАЛИН. Пять лет работали, кое-кого заделали случайно. Кой-кто есть из выжидающих, вот рассказать этим выжидающим, что дело проваливается. Таким людям нужно помочь с тем, чтобы их прощать.

ЩАДЕНКО. Как прежде бандитам обещали прощение, если он сдаст оружие и придет с повинной (смех).

СТАЛИН. У этих и оружия нет, может быть они только знают о врагах, но не сообщают.

ВОРОШИЛОВ. Положение их между прочим, неприглядное, когда вы будете рассказывать и разъяснять, то надо рассказать, что теперь ни один, так другой, ни другой, так третий, все равно расскажут, пусть лучше сами придут.

СТАЛИН. Простить надо, даем слово простить, честное слово даем.

ЩАДЕНКО. С Военного Совета надо начинать. Кучинский и другие.

КУЧИНСКИЙ. Тов. Ворошилов я к этой группе не принадлежу, к той группе, о которой говорил т. Сталин. Я честный до конца.

ВОРОШИЛОВ. Вот и Мерецков. Этот, пролетарий, чорт возьми.

МЕРЕЦКОВ. Это ложь, тем более, что я никогда с Уборевичем не работал и в Сочи не виделся.

ВОРОШИЛОВ. Большая близость с ними у этих людей. Итак, в 8 часов у меня.

АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1120. Л. 48—81. Машинописный экземпляр направленной стенограммы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 4 мая 1937 г. «Правда» опубликовала статью С. Уранова «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок». 4 июня 1937 г. «Правда» опубликовала подборку писем читателей с откликами на статью С. Уранова.

2. Речь идет о февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) (1937 г.). С докладами на этом пленуме выступили Сталин, Молотов, Каганович и Ежов.

По вопросу о положении с кадрами в армии на пленуме выступили Ворошилов и Гамарник.

По их оценке, политико-моральное состояние личного состава армии на вызывало тревоги.

«К настоящему моменту, — заявил Ворошилов, — армия представляет собой боеспособную, верную партии и государству вооруженную силу... отбор в армии исключительный. Нам страна дает лучших людей».

Репрессии против партийных и советских работников начались еще до февральско-мартовского пленума ЦК, но после него они получили невиданный размах. Выступления на пленуме Сталина, Молотова, Кагановича и Ежова накалили обстановку в стране, прямо ориентировали партийные и административные органы на выискивание в партийных организациях, советских учреждениях так называемых «врагов народа».

Именной указатель

- Андреев А. А. (1895—1971), в 1922—1961 гг. член Политбюро ЦК, секретарь ЦК в 1924—1925, 1935—1946 гг.
- Аронштам Л. Н., в 1934—1937 гг. член военного совета при наркоме обороны, в 1936—1937 гг. зам. командующего Московским военным округом по политчасти, в мае 1937 г. назначен членом военного совета Приволжского военного округа.
- Берзин Я. К. (1899—1938), армейский комиссар 2-го ранга, в 1936—1937 гг. главный военный советник республиканской армии в Испании.
- Блюхер В. К. (1890—1938), Маршал Советского Союза, в 1929—1938 гг. командовал Особой Краснознаменной Дальневосточной армией.
- Буденный С. М. (1883—1973), Маршал Советского Союза, в 1924—1937 гг. инспектор кавалерии РККА, с 1937 г. командующий войсками Московского военного округа, член военного совета при наркоме обороны.
- Бухарин Н. И. (1888—1938), до 1930 г. член Политбюро ЦК, в 1934—1937 гг. кандидат в члены ЦК, ответственный редактор газеты «Известия», арестован 27 февраля 1937 г., 13 марта 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу по делу «право-троцкистского антисоветского блока», расстрелян 15 марта этого же года. Реабилитирован 4 февраля 1988 г.
- Волович З. И., в 1936—1937 гг. старший майор госбезопасности, заместитель начальника отдела НКВД СССР.
- Ворошилов К. Е. (1881—1969), Маршал Советского Союза, в 1934—1940 гг. нарком обороны СССР.
- Гай Г. Д. (1887—1937), герой гражданской войны, комкор (1935), с 1933 г. профессор и начальник кафедры истории войн и военного искусства в Военно-воздушной академии им. Жуковского.
- Гамарник Я. Б. (1894—1937), армейский комиссар 1-го ранга, с 1930 г. заместитель наркома обороны и заместитель председателя РВС СССР.
- Гарькавый (Гаркавый) И. И. (1883—1937), комкор, с 1935 г. командующий войсками Уральского военного округа.
- Горбачев Б. С. (1892—1937), герой гражданской войны, комкор, в 30-х годах находился на различных командных должностях.
- Горячев Е. И. (1892—1938), герой гражданской войны, комкор, в 30-х годах на различных командных должностях.
- Деникин А. И. (1872—1947), генерал-лейтенант, один из главных руководителей российской контрреволюции.
- Держинский Ф. Э. (1877—1926), в 1917—1922 гг. председатель ВЧК, нарком внутренних дел РСФСР, в 1921—1924 гг. нарком путей сообщения, в 1922—1926 гг. председатель ГПУ при НКВД РСФСР, ОГПУ при СНК СССР, с 1924 г. председатель ВСНХ СССР. Выступал вместе с Троцким против подписания Брестского мира.
- Ежов Н. И. (1895—1940), с 1935 г. председатель Комиссии партийного контроля и одновременно с 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б), в 1936—1938 гг. нарком внутренних дел, генеральный комиссар государственной безопасности (1937).
- Енукидзе А. С. (1877—1937), в 1923—1935 гг. член и секретарь Президиума ЦИК СССР.
- Ефимов Н. А., комкор, в 1935—1937 гг. начальник Главного артиллерийского управления РККА, член военного совета при наркоме обороны.
- Карахан Л. М. (1889—1937), в 1927—1934 гг. заместитель наркома иностранных дел, затем до 1937 г. посол в Турции.
- Киров (Костриков) С. М. (1886—1934), с 1926 г. первый секретарь Ленинградского губкома (обкома) и горкома партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) и одновременно в 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б). Убит 1 декабря 1934 г. в Ленинграде террористом Николаевым.
- Кожанов И. К. (1897—1938), в 1931—1937 гг. командующий Черноморским флотом, флагман флота 2-го ранга (1938).
- Корк А. И. (1887—1937), командарм 2-го ранга, в 1931—1937 гг. начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе.
- Котовский Г. И. (1881—1925), командир Красной Армии, герой гражданской войны.

Кутяков И. С. (1897—1938), в 1919—1920 г. начальник 25-й стрелковой дивизии, в 1936—1937 г. заместитель командующего войсками Приволжского военного округа.

Кучинский Д. А., в 1934—1937 г. член военного совета при наркомате обороны, в 1936—1937 г. комдив, военный комиссар Академии Генерального штаба.

Лившиц Я. А. (1896—1937), с 1930 г. начальник Южной, затем Северо-Кавказской, Московско-Курской ж. д., зам. наркома путей сообщения СССР. Участвовал в троцкистской оппозиции. Репрессирован. В январе 1937 г. был приговорен к расстрелу по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра». Реабилитирован посмертно.

Мерецков К. А. (1897—1968), в 1920—1930-х годах начальник штаба МВО, БВО, Особой Дальневосточной армии, зам. начальника Генштаба, командующий войсками Приволжского, Ленинградского военных округов.

Милоков П. Н. (1859—1943), русский политический деятель, историк и публицист, белоэмигрант.

Ольшанский, бывший заместитель начальника Автобронетанкового управления.

Орджоникидзе Г. К. (Серго) (1886—1937), с 1932 г. нарком тяжелой промышленности.

Павлов Д. Г. (1897—1941), командир мехбригады, участник войны в Испании, перед Великой Отечественной войной и в первые дни войны командующий войсками Западного Особого военного округа, Герой Советского Союза, генерал-полковник, по приказу Сталина был расстрелян.

Паукер К. В., в 1933—1937 г. работник Оперативного отдела ГУГБ НКВД.

Петерсон Р. А. (1897—1940), участник гражданской войны, впоследствии комендант Московского Кремля.

Путна В. К. (1893—1937), комкор, в 1934—1936 г. военный атташе в Великобритании.

Радек К. Б. (1885—1939), журналист, зав. иностранным отделом в газете «Известия». Репрессирован в январе 1937 г. по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра», приговорен к 10 годам тюрьмы, убит в тюрьме сокамерниками. Реабилитирован в 1988 г.

Рудзутак Я. Э. (1887—1938), в 1926—1937 г. заместитель Председателя СНК и СТО СССР.

Рыков А. И. (1881—1938), в 1931—1936 г. нарком связи СССР. До 1930 г. член Политбюро ЦК, в 1934—1937 г. кандидат в члены ЦК партии. Репрессирован, расстрелян 15. III. 38 г. по делу «право-троцкистского антисоветского блока». Реабилитирован в 1988 г.

Серебряков Л. П. (1890—1937), в 1927 г. исключен из партии по обвинению в организации нелегальной типографии. В 1930 г. восстановлен. С 1931 г. начальник Центрального управления шоссейных дорог и автотранспорта. Репрессирован. Расстрелян в январе 1937 г. по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра». Реабилитирован посмертно.

Савицкий — начальник штаба Закавказского военного округа.

Седякин А. И. (1893—1938), командарм 2-го ранга, в 1933—1936 г. зам. начальника Штаба РККА, с июля 1937 г. командующий ПВО Бакинского р-на.

Сокольников (Бриллиант) Г. Я. (1888—1939), в 1933—1934 г. зам. наркома иностранных дел, с 1935 г. первый заместитель наркома лесной промышленности СССР. Репрессирован в 1937 г. по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра», приговорен к 10 годам тюрьмы, убит в тюрьме сокамерниками 21 мая 1939 г. Реабилитирован в 1988 г.

Троцкий (Бронштейн) Л. Д. (1879—1940), в 1918—1924 г. нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета Республики. В 1925—1926 г. член Президиума ВСНХ СССР, председатель Главного концессионного комитета. В 1929 г. по обвинению в антисоветской деятельности выслан из СССР. Убит в 1940 г. в Мексике.

Тухачевский М. Н. (1893—1937), кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР, с 1936 г. первый заместитель наркома обороны СССР и начальник Управления боевой подготовки.

Уборевич И. П. (1896—1937), командарм 1-го ранга, командующий войсками Белорусского военного округа, с 1934 г. член военного совета при наркомате обороны.

Фельдман Б. М. (1890—1937), комкор, начальник Управления по командному составу РККА.

Халепский И. А., командарм 2-го ранга, а 1934—1937 г. член военного совета при

наркомом обороны, начальник Автотанкового управления РККА, в 1936—1937 гг. начальник вооружения и технического снабжения РККА, с апреля 1937 г. назначен наркомом связи СССР.

Чжан Цзо-Линь (1876—1928), китайский генерал, глава Фынтяньской клики милитаристов, с 1916 г. неограниченный диктатор Маньчжурии, в 1926—1927 гг. главнокомандующий армией, борющейся с революционной армией Гуанчжоуского, а потом Уханьского правительства.

Штерн Г. М. (1900—1941), с 1929 по 1936 гг. в распоряжении наркома по военным и морским делам (с 1934 г. наркома обороны СССР) для особо важных поручений. В 1937—1938 гг. военный советник при республиканском правительстве во время войны в Испании.

Щаденко Е. А. (1885—1951), с мая 1937 г. член военного совета Киевского военного округа, с ноября 1937 г. зам. наркома обороны и начальник Управления по командному составу РККА.

Эйдеман Р. П. (1895—1937), комкор, с 1934 г. член военного совета при наркомате обороны, с 1932 г. председатель совета Осоавиахима СССР.

Элиава Ш. З. (1883—1937), с 1931 г. зам. наркома внешней торговли СССР, с 1936 г. зам. наркома легкой промышленности СССР.

Ягода Г. Г. (1891—1938), с 1924 г. зам. председателя ОГПУ при СНК СССР, с 10 июня 1934 по 26 сентября 1936 г. нарком внутренних дел СССР, с 26 сентября 1936 г. по 3 апреля 1937 г. нарком связи СССР, в апреле 1937 г. снят с поста ввиду обнаруженных должностных преступлений уголовного характера. 13 марта 1938 г. приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР, расстрелян 15 марта этого же года.

Якир И. Э. (1896—1937), командующий войсками Киевского военного округа, с 1936 г. член военного совета при наркомате обороны, член ЦИК СССР.

*Публикация
Юрия МУРИНА*

Не снимая шинели

ЦК КПСС

04667

8 февраля 1954 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС тов. ПОСПЕЛОВУ П. Н.

Редакция журнала «Октябрь» (т. Панферов) прислала в ЦК КПСС поэму А. Маркова «Не снимая шинели», которая запланирована для опубликования в журнале № 3 (март 1954 г.), и просит ознакомиться с поэмой в связи с тем, что в ней изображен образ И. В. Сталина.

А. Марков пытается показать в своей поэме основные события в развитии нашей страны после смерти В. И. Ленина. Поэма бессюжетна. Исторические события в ней пересказаны серо, бесцветно, риторично без воплощения в художественных образах (стр. 7, 10, 12, 13, 14, 26, 40, 48 и др.). Народ, как творец истории, не показан. Лишь в отдельных местах поэмы отрывочно, бессистемно рассказывается об участии в совершающихся событиях лирического героя поэмы (автора) и его отца. Основное место в поэме занимает образ И. В. Сталина, но показан он в духе культа личности, а в художественном отношении примитивно (стр. 6, 18, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32 и др.).

Было бы целесообразно рекомендовать редакции журнала «Октябрь» воздержаться от опубликования поэмы А. Маркова «Не снимая шинели»*.

Зам. зав. Отделом науки и культуры
ЦК КПСС

(П. Тарасов)

Зав. сектором Отдела

(В. Иванов)

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 17. Д. 488. Л. 6.

Публикация
Анатолия **НОВИКОВА**

«О ленинизме сказано очень скупо»

Секретно

14 июня 1982 г.

ЦК КПСС

В соответствии с поручением ЦК КПСС Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС принять участие в научном редактировании перевода с немецкого языка книги Генерального секретаря ЦК СЕПГ Э. Хонеккера «Из моей жизни»¹ считали бы целесообразным:

- 1) Опустить последнюю главу (интервью), обращенную к читателям капиталистических стран.
- 2) Поскольку книга была рассчитана главным образом на западного читателя и некоторые события и лица освещены не совсем так, как это принято в советской научной и мемуарной литературе, считали бы необходимым предложить некоторые сокращения.

Прежде всего эти сокращения должны коснуться мест, где, как правило, в позитивном плане говорится о таких деятелях, как Бухарин, Зиновьев, Рыков,

* Имеется помета: «В архив. Редакция журнала «Октябрь» ответ сообщен. 25. IX. 54 г. П. Тарасов. Рукопись возвращена журналу. (Подпись)».

Л. Каменев, Преображенский, Радек, или об их работах (см. стр. 49, 50, 51, 55).

Представляется необходимым снять имя Э. Герека² при положительной характеристике обмена мнениями между руководящими деятелями партий стран социалистического содружества (стр. 489—490), опустить и упоминание об Андре Жиде³ (стр. 88).

Нуждаются в исправлении отдельные неточности в освещении событий, происходивших в нашей стране и в нашей партии. В частности, при характеристике сути решений XVI съезда ВКП(б) (стр. 52) следовало бы дать более точную оценку. А именно в таком духе: «...съезд дал установку на реконструкцию всех отраслей народного хозяйства на базе новой, современной техники, что имело ключевое значение для создания материально-технической основы социализма, укрепления экономической независимости страны, повышения ее обороноспособности, обеспечения сплошной коллективизации сельского хозяйства и создания условий для более быстрого развития производительных сил страны, повышения благосостояния трудящихся».

О ленинизме (стр. 13 и 256) сказано очень скупо. Желательно суждения эти либо расширить, либо углубить, усилить по крайней мере за счет перевода.

На стр. 153 представляется целесообразным снять фразу о том, что в апреле 1945 г. в районе Берлина «красноармейцы брали в плен всех лиц мужского пола от 14 до 70 лет, независимо от того, были те в военной форме или в гражданской одежде» — и до конца абзаца.

На стр. 274 при характеристике акции 11—13 августа 1961 г. по обеспечению границ ГДР вокруг Западного Берлина приводится фраза: «Наши вооруженные силы были поддержаны размещенными в ГДР советскими вооруженными силами...», которая может быть понята читателем в буквальном смысле. Ее следовало бы заменить более точной формулировкой: «В состоянии полной боевой готовности были приведены советские войска, размещенные в ГДР» и далее по тексту.

На стр. 277—278 при оценке мероприятий, предпринятых ГДР в августе 1961 г., делается вывод, который с особой силой подчеркивает их значение в борьбе за разрядку напряженности, оставляя в стороне деятельность СССР и других социалистических государств. «На мой взгляд, — пишет автор, — этот путь привел к Заключительному акту в Хельсинки». Предлагается сказать точнее.

Следует, на наш взгляд, устранить мелкие неточности (отмеченные по тексту рукописи) в датах исторических событий (мюнхенское соглашение), в названиях некоторых организаций, документов, лиц (стр. 60, 84, 103 и т.д.).

Учитывая, что книга Э. Хонеккера уже издана в ряде капиталистических стран, можно было бы абзацы, требующие уточнения, опустить наряду с некоторыми другими, которые можно сократить без всякого ущерба для книги, оговорив, что книга печатается с некоторыми сокращениями, сделанными автором. В таком случае следовало бы поручить Политгиздату договориться с автором об этих сокращениях.

Директор Института марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

А. Егоров

РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 287. Л. 239—241. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Honecker Erich. Aus meinem Leben. Berlin, 1980. 481 S.

2. Герек Эдвард (р. 1913) — в 1970—1980 гг. первый секретарь ЦК ПОРП, в 1954—1981 гг. член ЦК ПОРП, в 1956, 1954—1980 гг. член Политбюро ЦК ПОРП. В 1981 г. выведен из ЦК и исключен из ПОРП.

3. Жид Андре (1869—1951) — французский писатель, символист. По оценке офи-

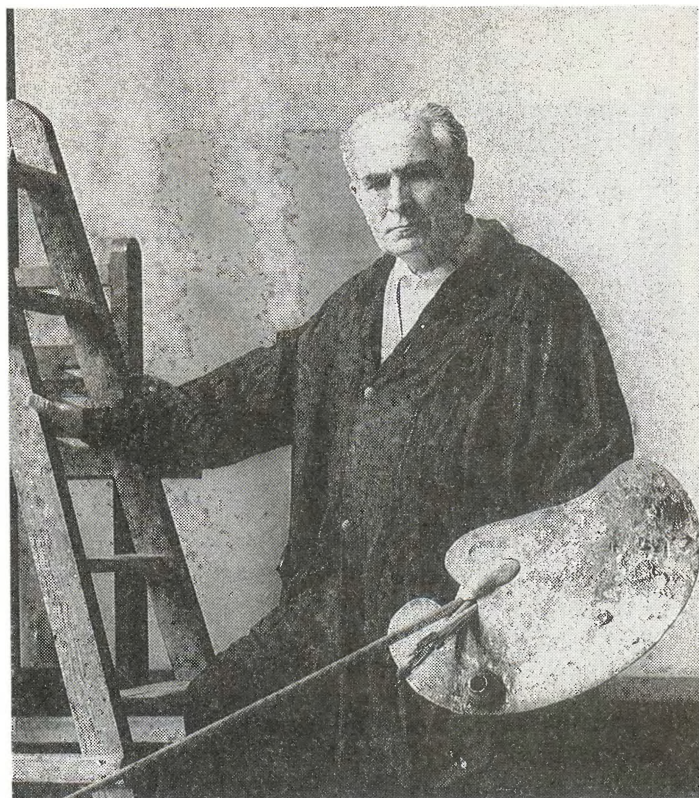
циального советского литературоведения, произведения А. Жида «сочетают картины упадка буржуазного общества и культуры с проповедью эстетизма, подчас — аморализма и нищезанства» (см. Советский энциклопедический словарь. Изд. 4-е. М., 1989).

*Публикация
Николая СИДОРОВА*

«КОРИНУ Позируют Подонки»

Картина «Русь уходящая», над которой П. Корин работал многие годы, осталась, к сожалению, незаконченной, и, можно с уверенностью сказать, — не по воле художника. Партийные функционеры, зорко стоявшие на страже

принципа социалистического реализма в литературе и искусстве, ревностно следили за тем, чтобы «идейно вредные» и «чуждые народу» произведения, несмотря на высокие художественные достоинства, никогда не увидели свет.

*Народный художник СССР,
лауреат Ленинской и Государственной премий
П. Д. Корин за работой. 1965 г.*

Фото Л. ИВАНОВА.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) — т. СТАЛИНУ И. В.
т. АНДРЕЕВУ А. А.

О ХУДОЖНИКЕ ПАВЛЕ КОРИНЕ

Известный московский художник Павел Корин более 10 лет работает над подготовкой картины, где должны быть изображены церковники, монахи, юриды и т.д. За все это время он выставил всего две картины: портреты т.т. Горького и Ягоды.

Подготовка П. Корина к основной картине выражается в сотне эскизов, натурщиками для которых служат махровые изуверы, сохранившиеся в Москве обломки духовенства, аристократических фамилий, бывшего купечества и пр. Так, например, среди натурщиков Корина имеется человек, окончивший два высших учебных заведения и в 1932 г. постригшийся в монахи. Корину позируют бывшие княгини, ныне ставшие монахинями, попы всех рангов и положений, протодьяконы, юриды и прочие подонки.

По заявлению Павла Корина, картина должна представлять собой гигантское полотно, изображающее внутренний вид Успенского собора и собравшихся там фанатиков религии. Он утверждает, но весьма неуверенно, что вся эта коллекция мракобесов собрана им для того, чтобы показать их обреченность. Между тем

П. Д. Корин за работой над портретом А. Н. Толстого. 1940 г.
Фото Ю. ГОВОРОВА.

*П. Д. Корин возле своего дома.
1946 г.*

Фото Ю. ГОВОРОВА.

*П. Д. Корин дает автографы посетителям Государственной Третьяковской галереи.
1962 г.*

Фото В. БУДАНА.

Участники вечера, посвященного открытию недели изобразительного искусства в Центральном лектории Всесоюзного общества «Знание», — за беседой. Академик П. А. Ребиндер (слева), народный художник СССР П. Д. Корин (в центре), летчик-космонавт СССР, член Союза художников СССР А. А. Леонов (справа). 1967 г.

Источник 3/1994

никакого впечатления обреченности, судя по эскизам, он не создает. Наоборот, эскизы говорят о другом. В действительности Павел Корин передает ненависть этих людей, по его замыслу, сильных, волевых, преисполненных готовности умереть за свои религиозные идеи.

Мастерски выписанные фанатики и темные личности явно превращаются в героев, христиан-мучеников, гонимых, но не сдающихся поборников религии.

Внешность персонажей картины П. Корина характерна нарочитой нищетой, униженностью, грязью, подчеркивающей их угнетенное состояние, в то время как внутренний образ настойчиво демонстрирует перед зрителем особую стойкость, убежденность и непреклонность этих людей.

Сейчас Павел Корин переходит от эскизов к композиции всей картины. Ему созданы великолепные условия работы: оборудована прекрасная мастерская, закуплены импортные краски и кисти, дважды он ездил за границу и т.д.

Есть все основания полагать, что при таких условиях, используя подготовленные эскизы, Павел Корин сделает исключительную в художественном отношении картину, которая по своему содержанию будет играть на руку нашим врагам.

Характеризуя свою картину как живописное произведение на тему «Уходящая Русь», Павел Корин, по нашему мнению, создаст картину, утверждающую религиозное чувство и острее своим направлением против нас.

Наши попытки доказать ему ложность взятой им темы пока не имели успеха, так как он находил поддержку у некоторых авторитетных товарищей. Мы, однако, считаем, что путем серьезного разговора с П. Кориным и предъявления ему ряда творческих и художественно-производственных требований можно добиться изменения тематики его работы.

Прошу Вашего указания по этому вопросу.

Зам. Зав. Культпросветотдела ЦК ВКП(б):
8.XII.36.

А. Ангаров

АП РФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 45. Л. 49—50. Подлинник.

Фотографии из фондов Российского
государственного архива
кинофотодокументов.

Н. С. ХРУЩЕВ: «Мы свергли царя, а вы испугались Абрамовича»

Запись беседы Н. С. Хрущева с делегацией Рабочей прогрессивной партии Канады, состоявшейся 29 августа 1956 г. в ЦК КПСС

В беседе принимали участие Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, член ЦК КПСС Б. Н. Пономарев и делегация Рабочей прогрессивной партии Канады в составе Генерального секретаря Национального комитета РПП т. Тим Бака, членов Национального комитета РПП т.т. Л. Морриса, Д. Солсберга, У. Кардаша, С. Рейерсона и У. Каштана.

В начале беседы **тов. Хрущев** спрашивает канадских товарищей, понравился ли им московский климат.

Тов. Бак говорит: мы считаем, что московский климат хороший, особенно политический климат.

Тов. Хрущев шутивно замечает, что каждый по-своему интересуется климатом: политики, например, политическим, дипломаты — дипломатическим, торговцы — торговым.

Далее **т. Хрущев** спрашивает, не появилось ли у канадских товарищей еще больше неясных вопросов в результате тех бесед, которые они уже имели в Москве.

Тов. Бак говорит, что этого не произошло, и благодарит от имени Рабочей прогрессивной партии Канады, а также, имея в виду положение, создавшееся в американской компартии, и от имени Компартии США, — ЦК КПСС, т.т. Сулова и Пономарева за содержательные беседы, в результате которых в значительной степени проявились многие вопросы. Теперь мы по всем вопросам, за исключением, пожалуй, только одного, можем дать обстоятельные объяснения у себя в Канаде.

Сейчас хотелось бы выделить лишь один вопрос, имеющий для нас весьма важное значение. Мы хотели бы изложить здесь этот вопрос так, как он стоит в Канаде и в США. Было бы неправильным, если бы я умолчал о т.н. еврейском вопросе, по которому мы еще не полностью вооружились.

Я хотел бы подчеркнуть, что среди еврейского населения Канады чувства симпатии к Советскому Союзу были вызваны убеждением, что в СССР евреям предоставлены самые широкие возможности во всех отношениях, в том числе и в области развития еврейской культуры. Одна из наших задач состоит в том, чтобы убедить честных евреев, что еврейское население в Советском Союзе пользуется всеми преимуществами наряду с другими национальностями. Но реакция, как в США, так и в Канаде, наживает сейчас себе политический капитал на пропаганде того, что в Советском Союзе нет резко очерченного развития еврейской культуры. В связи с этим у нас в Канаде серьезная проблема возникла для т. Солсберга в его избирательном округе, где очень сильно влияние евреев.

Реакционные еврейские организации в США, возглавляемые небезызвестным

Абрамовичем, активизировали свою антисоветскую деятельность, особенно после поездки в Советский Союз группы евреев-реакционеров, заявивших по возвращении в США, что евреи в Советском Союзе не пользуются одинаковыми правами с другими гражданами Советского Союза. В результате этой пропаганды мы потеряли поддержку еврейских масс в Канаде. Наши потери не ограничиваются только еврейским населением.

Далее т. Бак говорит, что перед РПП встала задача дать убедительные разъяснения честным евреям, проживающим в Канаде, а также в США. В капиталистических странах реакционные вожди еврейских организаций борются против процесса интеграции. Они всячески доказывают, будто это противоречит интересам евреев. Мы, конечно, изыскивали различные способы, пытаясь дать соответствующие ответы. Наше настойчивое желание выяснить этот вопрос здесь вовсе не означает, что мы хотим стать костью в горле. У нас только одно стремление — как можно лучше выяснить этот вопрос, вооружиться фактами с тем, чтобы дать отпор реакции. Мы руководствуемся желанием склонить на сторону Советского Союза как можно больше людей, в том числе и евреев, проживающих в Канаде и в США.

Осуществляемые в Советском Союзе мероприятия по ликвидации вредных последствий культа личности реакционеры Канады и США всячески связывают с еврейским вопросом, с вопросом о положении евреев в СССР.

Тов. Солсберг показывает антисоветский плакат, распространяемый организацией Абрамовича в Канаде и в США, о положении евреев в СССР.

Тов. Хрущев говорит: Что же вы, с Абрамовичем справиться не можете? Мы свергли у себя царя, разбили интервентов, одержали победу над фашистами, а вы испугались этого Абрамовича?

Тов. Солсберг: Мы за Абрамовича не отвечаем. Он сбежал в Америку от вас во время революции.

Тов. Хрущев. То, что вы называете еврейской проблемой в Советском Союзе, — это искусственно создаваемая разного рода абрамовичами проблема. Это вовсе не проблема. Это нечто подобное мухе на рогу вола.

Тов. Солсберг. Но, к сожалению, эту муху всячески поощряет госдепартамент США.

Тов. Хрущев. А вы хотите, чтобы госдепартамент США вам помогал? Неужели вы хотите построить свои отношения с организациями абрамовичей таким образом, чтобы они вам тоже помогали?

Тов. Солсберг. Мы не боимся ни Абрамовича, ни госдепартамента, но мы хотели бы вооружиться для того, чтобы дать им бой и лишить их возможности раздувать так называемый еврейский вопрос в интересах империалистической реакции. Мы хотим нанести им ответный удар и не закрываем глаза на то, что госдепартамент США всячески старается использовать еврейский вопрос в антисоветских целях. Нам известно, что Абрамович обратился уже с просьбой к Даллесу — поставить вопрос о положении евреев в Советском Союзе в ООН.

Тов. Хрущев: Ну и что же? Пусть ставит.

Тов. Солсберг: Проводя политику дискриминации в отношении евреев и негров, они хотят в то же время выступить под личиной защиты равенства. Для того чтобы им дать бой, нам нужна помощь.

В 1948 году, — говорит т. Солсберг, — в результате авантюристических махинаций Берия, Антифашистский еврейский комитет и периодические издания на еврейском языке в СССР были закрыты. Мы тогда не могли ответить на вопрос, почему это все произошло, так как из Советского Союза на этот счет никаких разъяснений не поступило. Затем появилось «дело врачей». Все это усиливало врагов, выступающих против нас. В связи с «делом врачей» мы говорили, что там больше русских, чем евреев. Однако Берия заявил, что репрессированные врачи — евреи, связанные с еврейской организацией «Джойнт». Это задевало чувства евреев, проживающих в других странах.

Я считаю, — говорит т. Солсберг, — что предоставление возможности для возрождения живой культурной деятельности для тех евреев, которые этого пожелали бы, значительно помогло бы нам дать убедительные ответы на вопросы, которые ставятся перед нами в Канаде.

Тов. Каштан. Наша делегация не ставит перед собой задачу изучать нацио-

нальный вопрос в Советском Союзе. Этот вопрос для делегации ясен. Мы касаемся этого вопроса по тактическим соображениям. Мы думаем над тем, как лучше обеспечить завоевание на нашу сторону важнейших слоев населения, проживающих в Канаде, в том числе и еврейского населения. Мы озабочены тем, как вырвать из рук реакции это оружие, с помощью которого она усиливает борьбу против Советского Союза.

Нам также важно выработать правильный подход к этому вопросу в капиталистических условиях. Мы имеем дело не только с даллесами, но и с очень важными слоями трудящихся, которые временно подпали под влияние клеветы, распространяемой даллесами. Листовка Абрамовича не появилась бы, если бы за его спиной не стояли Дубинский, Лавстон, Мини, финансирующие и направляющие деятельность Абрамовича. Мы хотим найти наиболее действенные средства борьбы с реакционной пропагандой, пытающейся использовать еврейский вопрос.

Тов. Хрущев, обращаясь к члену делегации т. Кардашу, спрашивает, а что думает украинец в этой делегации? Даллес вас там в Канаде не защищает еще?

Тов. Кардаш говорит, что Даллес не берет канадских украинцев под защиту. Да они в этом и не нуждаются. Мы недавно, — сообщает т. Кардаш, — очень успешно провели празднование, посвященное столетию со дня рождения Ивана Франко. На наши торжества мы собрали в 5 раз больше участников, чем националистические украинские организации. Отмечая 100-летие со дня рождения Ивана Франко, мы нанесли серьезный удар по националистам.

Тов. Хрущев говорит, что во время его недавней поездки по Украине он встретил там двух украинцев, приехавших из Уругвая. Они сейчас работают в «Заготзерно» не по специальности. Было дано указание, чтобы их использовали по специальности. Настроение у них сейчас хорошее. Но среди приехавших из буржуазных стран украинцев встречаются и такие, у которых плохое настроение. Они приехали оттуда со своими привычками с насыщенными мест, и некоторые из них остаются недовольными. Мы не особенно заинтересованы сейчас в том, чтобы много таких людей ехало к нам. Мы можем обойтись и без них. Сами нажмем и справимся со своими делами.

Такое же положение и с приехавшими армянами, среди которых встречается и нетрудовой элемент, привыкший к буржуазной распушенности, а у нас ее нет. Правда, есть отдельные случаи, когда украинцы, проживающие за рубежом, имеют здесь свои семьи. Этим людям мы будем идти навстречу.

Жизнь в нашей стране еще в ряде случаев идеализируют. Но у нас еще не рай. Мой сын студент рассказал мне недавно случай с румынской девушкой, приехавшей на учебу. Однажды она ехала в трамвае, у нее вытащили кошелек. Она была настолько поражена, что, придя в институт, начала ругать всех русских и все наши порядки. Ей невдомек, что часть советских людей еще вовсе не освободилась от многих пережитков прошлого, что мы находимся в стадии развития социалистического общества. Оплата труда у нас производится в рублях. Значение рубля у нас очень большое. Одни стараются заработать как можно больше этих рублей, но, к сожалению, есть еще и такие, которые норовят вытащить этот рубль из кармана у другого. Если бы я задался целью произнести речь о наших недостатках, то я надергал бы столько разных фактов, что произнес бы ее лучше всякого Абрамовича. Все можно сгустить. Но надо знать меру. Преодоление вредных пережитков и устранение недостатков — это процесс длительный.

Вот вы говорите о т.н. еврейском вопросе. Здесь нужен прежде всего классовый подход. Вам подбрасывают этот еврейский вопрос, чтобы навязать вам дискуссию, поймать вас на удочку реакционных сил. Тут имеется в виду вовсе не национальный вопрос, а налицо попытка сбить неустойчивых коммунистов на враждебный делу рабочего класса путь. В свое время у нас был создан Биробиджан. В это дело было вложено много средств, но беда оказалась в том, что от евреев в Биробиджане остались только одни надписи на еврейском языке. Если на вещи смотреть прямо, то нельзя не признать, что евреи не хотят туда ехать.

Тов. Солсберг: Во время посещения Советского Союза в 1939 году я задавал вопрос — почему не проводится кампания, направленная на то, чтобы обеспечить поездку евреев в Биробиджан. Мне тогда дали два ответа: первый — потому, что это добровольное дело, и второй — что некоторые боятся проводить такую кампанию, опасаясь, как бы им не приписали буржуазный национализм.

Тов. Хрущев: Мне хотелось бы рассказать об одном случае, свидетелем кото-

рого я сам был. Когда в ходе наступательных операций Красной Армии был освобожден город Черновицы, он был тогда очень запущенным и грязным. Встала задача — очистить город от грязи. Нужно сказать, что во время оккупации немцы передали город румынам и поэтому еврейское население в нем уцелело. Когда мы занялись этим делом, еврейское население города заявило нам, что после прихода Красной Армии все украинцы ушли в села, поэтому, дескать, теперь город некому чистить. Скажите мне, пожалуйста, — каково, по вашему мнению, слышать это украинцу? В данном случае я говорю об отрицательных, нездоровых явлениях и вовсе не хочу сказать, что это национальная особенность евреев, но давайте прямо на вещи смотреть. Ведь подобные явления в какой-то степени имеют значение и оказывают влияние.

Граждане, проживавшие в Черновицах и имевшие румынские паспорта, могли при желании уехать в Румынию, и мы тогда многих отпустили. В числе желающих уехать в Румынию был и один еврей—зубной врач. Это был хорошо зарекомендовавший себя человек, и я просил товарищей выяснить, почему у него появилось такое желание. Когда его спросили, он ответил, что ему нравится Советская власть, что он разделяет взгляды марксистско-ленинского учения, но он знает, что если он останется в Советском Союзе, то будет получать зарплату, а если уедет в Румынию, то оттуда сможет поехать дальше, в какую-либо капиталистическую страну, и заняться там частной практикой и путешествовать.

Как видите, мало симпатизировать Советскому Союзу, надо быть еще и идейным человеком. Вы, конечно, видите, что у нас евреи работают на самых разнообразных постах, в том числе и на очень высоких постах. Имеются евреи — члены ЦК, академики, министры, заместители министров, члены коллегий министерств, крупные военные деятели, профессора и т. д. Что же еще нужно? Какой же тут антисемитизм и кто его потерпел бы? Разве не ясно, что измышления о том, будто в Советском Союзе имеет место антисемитизм, преследуют цель разжигания антисоветской истерии. Евреи в нашей стране пользуются всеми правами в соответствии с конституцией, наряду с другими национальностями.

Будем разговаривать откровенно. Вряд ли кто будет отрицать, что у некоторых евреев есть слабость, которая проявляется в том, что, если еврей находится на каком-либо крупном посту, он сразу, не смущаясь, начинает тянуть за собой других евреев и создавать вокруг себя компанию своих людей. Вот вам один пример. В Одессе профессором Столярским была организована музыкальная школа. Хорошая и нужная школа, но он организовал эту школу так, что там не было ни одного русского, ни украинца. Столярский вовсе не является антисоветским человеком. Он, правда, и не коммунист.

Далее, т. Хрущев говорит: пойдите к Мавзолею на Красной площади и посмотрите, сколько там евреев похоронено в Кремлевской стене. Неправильно было бы полагать, что с ликвидацией классов полностью ликвидированы уже и осколки этих классов, остатки враждебной нам идеологии, что у нас все сплошь думают как марксисты-ленинцы.

Нужно трезво, здраво подходить к вещам, к живой действительности. Вы можете, например на Украине, найти таких украинцев, которые скажут, что они тоже не очень довольны, потому что, видите ли, в Киеве многие украинцы предпочитают отдавать своих детей в русские школы. Но что же делать? Нельзя запретить украинцам отдавать своих детей в русские школы. В русском театре в Киеве полный сбор, а украинский театр наполовину пустует. И все же там некоторые товарищи предлагали открыть второй украинский театр. Когда их спрашивают — зачем же второй, когда существующий театр пустует, они говорят, — если будет второй — появится конкуренция, и тогда какой-нибудь из них будет посещаться больше.

Посмотрите на карту, и вы увидите, как велик наш Советский Союз! Тот, кто изучает русский язык, перед тем открываются широкие возможности — все просторы нашей страны. Вот почему в Молдавии, например, стараются детей отдавать в русские школы, изучают русский язык. Почему? Потому что молдаване, знающий русский язык, имеет широкие возможности, а знающий только молдавский язык ограничен пределами Молдавии. Такое же положение и с грузинским языком. В Грузии сейчас излишек интеллигенции. Там некоторая часть интеллиген-

тов, имеющих высшее образование, бездельничает. Знание же русского языка открывает широкие возможности выхода за пределы Грузии. Прогрессивное это явление или нет? Я считаю, что это прогрессивное явление. Мы проводим национальную политику по форме и марксистско-ленинскую по содержанию. У нас на первом плане не национальный подход, а классовый. Плохо, когда коммунисты начинают говорить языком раввинов. Таким коммунистам следовало бы спросить самих себя, в ту ли лавку они попали? Неужели им не ясно, что шумиха насчет еврейского вопроса в Советском Союзе направлена на то, чтобы попытаться оклеветать социалистический строй.

Давайте реально посмотрим на вещи. Если бы, скажем, мы собрали еврейскую аудиторию, то оратора, говорящего на еврейском языке, поняло бы намного меньше половины присутствующих. Возьмем вопрос, связанный с созданием еврейских школ. Какие школы создавать — с четырехклассным сроком обучения, с семиклассным или с десятиклассным? Если создать с четырехклассным — скажут: почему нас обижаете? Если с десятиклассным — тогда надо быть логичным и надо создавать высшие учебные заведения на еврейском языке и факультеты на еврейском языке. Предположим, что молодой еврей окончил институт на еврейском языке, а дальше что? Куда он пойдет работать? Представьте себе такой случай: еврей окончил медицинский факультет на еврейском языке, кого он будет лечить?

Вы ставите вопрос о еврейских газетах. Но кто будет читать эти газеты? Не для Абрамовича же нам их издавать. Если вы советским евреям скажете, что они — угнетенная нация, они вас к черту пошлют. Попробуйте, например, сказать это т. Ванникову! Он трижды Герой Социалистического Труда, ему оказывается полное доверие. Он вам на это такое скажет, что вы больше не рискнете задавать вопросы, идущие от реакционеров.

Когда из Крыма выселили татар, тогда некоторые евреи начали развивать идею о переселении туда евреев, чтобы создать в Крыму еврейское государство. А что это было бы за государство? Это был бы американский плацдарм на юге нашей страны. Я был против этой идеи и полностью соглашался в этом вопросе со Сталиным. Нельзя идти на поводу у даллесов, которые не прочь бы создать плацдарм против нас. Разве это соответствовало бы интересам рабочего класса?

Я еще раз хочу подчеркнуть, что к этим вопросам надо подходить с классовых позиций, с позиций пролетарского интернационализма, а не с позиций национализма. И нашу национальную политику, нашу деятельность вы оценивайте с классовых марксистско-ленинских позиций, а не с сионистских, буржуазно-националистических, консервативных позиций. Разве мы меньше уважаем евреев, чем узбеков или казахов? Узбекистан в прошлом был отсталым, а посмотрите его теперь! У узбеков есть своя Академия наук, у них сплошная грамотность, бурно развивается промышленность, сельское хозяйство. Пусть Даллес поедет туда и посмотрит. Почему с советскими евреями так не поступают? Потому что в составе Советского Союза нет еврейского государства, но это не мешает им занимать государственные посты, руководящие посты в промышленности, в армии, на всех участках хозяйственного и культурного строительства. Мы решительные противники сионистов и должны вам откровенно, по-товарищески, сказать, что у нас складывается впечатление, что вы перетрусили перед Даллесом. У вас есть трудности, многие евреи недовольны, даже в рядах партии есть недовольные. Но о чем это говорит? Это говорит о том, что у вас в рядах партии еще слаба постановка марксистско-ленинского воспитания. Это говорит о том, что вы оказались в плену того давления, которое оказывается на вас классовым врагом. Это давление и выявило ваши слабости, которые мешают вам дать врагам соответствующий отпор. Надо укреплять партию. Надо дать решительный отпор попыткам увлечь партию на опасный путь.

Даллесу и К^о XX съезд КПСС очень многое попортил. Если они раньше кричали о том, что мы хотим войны, что мы агрессоры и т.д., то теперь все эти козыри выбиты у них из рук и им ничего не остается, как подымать шумиху по т.н. еврейскому вопросу.

Мы знаем, что в США еврейская буржуазия очень сильна. С ней там считаются, считается с ней и Эйзенхауэр. Но мы вовсе не рассчитываем на то, что еврей-миллиардеры в США будут поддерживать нас, Советский Союз. Американские миллиардеры хотят оторвать евреев от Советского Союза, скомпрометировать со-

циалистический строй в глазах трудящихся, и, как видите, на эту удочку кое-кто попадает. Учтите, что создание Израильского государства затуманило сознание некоторой части евреев. Конечно, у каждого есть национальные побуждения. Они есть и у евреев, которые подумали, что наконец у них будет свое национальное государство. Но посмотрите, как идут дела в этом государстве? Многие евреи хотели бы сейчас уехать из этого государства. И это нам понятно.

Не будем закрывать глаза на тот факт, что и среди евреев есть плохие люди. Они есть и среди украинцев, и среди белорусов и русских. Но некоторые склонны изображать дело так, будто среди евреев плохих людей не может быть. Это абсолютно неправильно. Среди евреев также имеются капиталисты, заклятые враги прогресса, коммунизма и всякая прочая дрянь. Мы будем решительно бороться с ними.

Тов. Солсберг. Мы тоже боремся.

Тов. Хрущев. Но по всему видно, что они вас оседлали.

Тов. Солсберг. Нет, нас не оседлали, но нам нанесли поражение.

Тов. Хрущев. Вам стоит внимательно осмотреться и не забывать, что когда седлают, то подкладывают потничок помягче, чтобы лучше приспособить седло, чтобы оно считалось «своим», а на самом деле в это седло усаживается враг. Вы посмотрите, что получается — они распространяют измышления о нашей политике, а сами Поля Робсона не пустили в Канаду, линчуют негров и считают это законным.

Тов. Солсберг. Сожгли Розенбергов.

Тов. Хрущев. Они, видите ли, считают нас угнетателями наций. Если мы кого и угнетаем, так это классовых врагов. Разберитесь в этом хорошенько.

Давайте посмотрим по-человечески на некоторые вещи. В этом году более 12 тысяч туристов выезжали из Советского Союза за границу. Из 12 тысяч 3 человека не вернулись обратно в Советский Союз. И эти 3 человека были евреями: один из них — конструктор, другой — инженер, третий — работник цирка. И вот теперь вы поразмыслите: из какой-либо другой национальности никто не остался за границей, а эти трое остались. Разве это не задевает патриотические чувства советских людей? Что их туда потянуло? Кому они там понадобились? Они понадобились там для антисоветской клеветы против народов Советского Союза. Эти предатели быстро изолгутся, будут придумывать всякие небылицы, чтобы очернить нас.

Вы должны учитывать, что враги рассчитывали атаковать нас, опубликовав украденный ими доклад о культе личности. Это, конечно, создало известные трудности в компартиях, но врагам этого материала хватит не надолго. Пройдет еще два-три месяца, и мы начнем получать дивиденды*. Это же факт, что влияние нашей партии еще более укрепилось. Это очень здоровое, полезное и жизненно необходимое начало.

Мы сами решительно вскрыли перегибы, нас никто не заставлял обращать внимание на эти факты. И это очень важно. Нарушения демократии исправлены по инициативе ЦК КПСС. Теперь в нашей стране все знают, какой вред принес культ личности. Народ единодушно приветствует меры, которые проводятся по ликвидации вредных последствий этого культа. Это оздоравливает обстановку, способствует еще более быстрому развитию нашей социалистической экономики. Наше хозяйство растет сейчас, как на дрожжах. Авторитет нашей партии вырос как никогда. Мы выбили у наших врагов их козыри в антисоветской кампании.

Вот почему они теперь «седлают» еврейский вопрос, пытаясь скомпрометировать социалистический строй. Ничего у них из этого не выйдет, даже если они вызовут в рядах вашей партии некоторое шатание. Мы это перенесем, выдержим, и вы — пошатаетесь-пошатаетесь и тоже выдержите, выйдете более окрепшими и сбросите с себя вражеское седло. Над этим следует хорошенько подумать. Ведь это процесс борьбы. Даже если бы мы выложили все, чего добиваются националисты, то и после этого Даллес не прекратил бы борьбы против нас. Он уцепился бы за что-нибудь другое.

Тов. Бак. Не только Даллес не успокоился бы, но и националисты остались бы неудовлетворенными.

Тов. Хрущев. Следует поразмыслить над тем, не слишком ли уж вы оборонительную позицию занимаете по отношению к классовым врагам? Не лучше ли усилить борьбу со всем этим?

Тов. Бак. Мы благодарим Вас за все сказанное здесь и очень хотели бы, чтобы член нашей делегации т. Солсберг пошел теперь в наступление.

Тов. Хрущев. В субботу во Франции было объявлено, будто я умер то ли в результате автомобильной катастрофы, то ли вследствие других каких-то причин. Вчера я принимал у себя Фора и Дежана и сказал им: если вы меня живьем хороните, значит, я вам как следует за шкуру горячего сала заливаю. Они хотели бы, чтобы меня не было, но это их желание направлено не просто против меня, а против партии, против марксистско-ленинской идеологии. А вы боитесь, что Даллес вас не поддерживает. Когда он вас начнет поддерживать, тогда мы вас сюда не пустим. Если Барух начнет вас поддерживать, мы тоже вас тогда будем считать другими людьми.

Ну, что же, товарищи, довольно нападать на вас. Я обо всем этом говорил, чтобы вы решительнее вели борьбу против попыток увлечь партию на опасный путь, чтобы развертывали активную борьбу за укрепление партии.

Тов. Бак, поблагодарив т. Хрущева, говорит: По возвращении в Канаду, нам могут сказать: вы говорили с т. Хрущевым больше часа и ничего не спросили его об Украине. Мы просили бы вас хоть немножко сказать об Украине.

Тов. Хрущев: Я могу вам сказать, что развитие экономики и культуры на Украине идет очень быстрыми темпами. В этом году там неважный урожай пшеницы. Но на Украине в этом году много было засеяно кукурузы и сахарной свеклы. Урожай кукурузы очень хороший.

Бурно развивается промышленность Украины. Сейчас принимаются меры по увеличению добычи угля. На Львовщине строится новый угольный бассейн. Там будет построено до 50 шахт. Рабочей силой эта область обеспечена хорошо, и она будет использована во вновь создаваемом угольном бассейне. Жители этой области не очень любят выезжать в другие края, поэтому перспектива строительства новых предприятий там будет встречена одобрительно.

Когда наша сельскохозяйственная делегация была в Канаде, канадские националисты устроили ей «кошачий концерт». Они выкрикивали, что москали угнетают украинцев, но члены нашей делегации сказали им: посмотрите на нас — «угнетенных». Мы приехали в качестве делегатов от всего Советского Союза и большинство нас — украинцы. Вот какие мы «угнетенные».

Сейчас на Украине 42 миллиона населения. Украина располагает всем необходимым для того, чтобы еще более быстро развивать свою экономику и культуру. Дружба между народами Советского Союза прочна как никогда. Нет у нас и никакой драки между евреями и русскими. Передайте украинцам в Канаде, что они могут гордиться своей Родиной и своей нацией.

Тов. Моррис спрашивает, какое впечатление произвели канадские социалисты, посетившие Советский Союз в этом году?

Тов. Хрущев говорит, что канадские социалисты произвели впечатление честных, порядочных людей. С ними можно иметь дело и устанавливать деловые контакты. Это, конечно, не французские социалисты, хотя и с теми надо устанавливать контакты. Чувствуется, что у этих канадских социалистов имеется классовое чутье, чего нельзя было бы сказать о французских социалистах. У тех трудно понять — какому классу они служат. Но мы скоро поприжмем и французских социалистов, прижмем мы их с помощью повышения жизненного уровня трудящихся в Советском Союзе — повышением реальной заработной платы, большим количеством потребления масла, мяса и т.д. Надо сказать, что и сейчас уровень французского рабочего не выше жизненного уровня трудящихся в Советском Союзе, а если добавить к зарплате наших трудящихся еще то, что они получают от государства, то в этом случае с ними можно поспорить еще более основательно. Англичане тоже хвастаются, что у них жизненный уровень выше, чем у нас. Но чего стоит это хвастовство? Ведь на англичан, как, впрочем, и на французков, работали сотни миллионов колониальных народов. А мы все своим трудом делаем, тогда как они обеспечивали свой жизненный уровень за счет грабежа колониальных народов.

В заключение беседы т. Хрущев желает канадским товарищам успехов в работе и выражает уверенность, что Рабочая прогрессивная партия Канады сумеет преодолеть трудности и усилит борьбу за укрепление своих рядов.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 23. Д. 209. Л. 142—158. Протокольная запись.

«Большая Часть Военнопленных Пополнит Ряды Социалистической Единой Партии Германии»

Неизвестный проект фельдмаршала Паулюса

Фельдмаршал Паулюс вступил в «Союз немецких офицеров» 8 августа 1944 года — через несколько недель после взрыва бомбы полковника Клауса Шенка фон Штауффенберга в ставке Гитлера. К обработке Паулюса были привлечены, кроме прочих, и немецкие генералы, незадолго перед этим взятые в плен в Бобруйском котле и прошедшие пешим маршем через всю Москву — от Белорусского до Курского вокзала. Они-то прекрасно понимали, что война проиграна. Понял это и фельдмаршал Паулюс, активно включившийся в работу по разложению немецкой армии.

30 сентября 1945 года нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия обратился с предложением к И. В. Сталину решить судьбу уже ненужных антифашистских организаций: Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ) и «Союза немецких офицеров» (СНО). Со своей стороны Берия предложил: считать Национальный комитет и Союз офицеров ликвидированными, их деятельность в лагерях для немецких военнопленных прекратить, а проведение культурно-просветительной и политической работы среди военнопленных возложить на Главное управление НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) в соответствии с указаниями ЦК ВКП(б).

Предложение еще обсуждалось на различных уровнях, а бывшие активисты движения «Свободная Германия» уже были поставлены на специальный учет, что в условиях ведомства Берии носило весьма двусмысленный характер. 26 октября 1945 года бывший Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, а затем заведующий Международным отделом ЦК ВКП(б) Георгий Димитров и бывший резидент НКВД в Берлине, а затем заместитель начальника ГУПВИ генерал-лейтенант Амаяк Кобулов представили Лаврентию Берии свои конкретные предложения о процедуре роспуска НКСГ и СНО, а 30 октября было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б), ставящее точку в этом вопросе. Еще раньше, когда исход войны стал абсолютно ясен, приказом № 29 от 29 апреля 1945 года по «Институту № 99» были отчислены — в связи с переходом на другую работу — штатные сотрудники Антон Аккерман, Вальтер Ульбрихт, Курт Фишер, Отто Фишер, Петер Флорин, Георг Вольф и другие немецкие политэмигранты-коммунисты. Приказом № 135 от 31 декабря того же года был отчислен — по тем же мотивам — Эрих Вайнерт, числившийся в списках «Института № 99» на должности президента Национального комитета «Свободная Германия». Ничего удивительного во всем этом не было — псевдонимом «Институт № 99»

обозначалась Комиссия по работе с военнопленными при ЦК ВКП(б), организационно подчинявшаяся Управлению делами, а методически — Международному отделу. Начальник института Михаил Козлов одновременно числился в списках Национального комитета «Свободная Германия» на должности «управляющий делами».

Не прошло и года после роспуска НКСГ и СНО, как Амаяк Кобулов, на которого была возложена политическая и культурно-просветительная работа среди военнопленных, понял, что решение о роспуске было поспешным. В плену содержалось несколько миллионов военнопленных, и использовать их только на восстановлении разрушенного народного хозяйства было бы не по — хозяйски. Поняли это и руководители более высокого ранга, и скорее всего раньше, чем Амаяк Кобулов. Возникла мысль о создании Центра пропагандистской работы среди военнопленных во главе с фельдмаршалом Паулюсом. Бывший президент «Союза немецких офицеров» генерал артиллерии Вальтер фон Зайдлиц для этой работы не годился — информаторы все чаще и чаще приводили его высказывания, воспринимаемые советскими властями с неудовольствием. 11 июня 1946 года в подмосковный поселок Томилино, где на даче содержался Паулюс, приехал представитель ГУПВИ подполковник Парпаров с соответствующими предложениями. Фельдмаршал Паулюс не заставил себя долго ждать и уже 12 июня представил проект организации демократического центра для работы среди военнопленных. Однако, по мнению «работодателей», фельдмаршал перестарался. Получив замечания, Паулюс приступил

к переработке своего проекта. 16 июня 1946 года готовый документ был передан Кобулову.

Фельдмаршал Паулюс имел большой опыт штабной работы в немецком генеральном штабе, поэтому представленный им проект отчасти напоминает оперативный штабной документ, учитывающий расстановку сил, возможности противника и цели, поставленные перед войсками.

Но еще больше этот документ напоминает некоторые страницы из романа Дж. Оруэма «1984» — ведь «кадры», о которых пишет Паулюс, не что иное, как «внутренняя партия» по Оруэму... 15 июня 1946 года министр внутренних дел СССР Сергей Круглов направил в ЦК ВКП(б) Андрею Жданову свои предложения по созданию «Демократического союза немецких военнопленных в Советском Союзе». Предложения Круглова не содержали ничего нового — примерно такие же обоснования были положены в основу создания «Союза немецких офицеров» в сентябре 1943 года, только тезис о разложении немецкой армии был заменен на тезис о необходимости объединения и укрепления антифашистских групп военнопленных вокруг СЕПГ.

И в 1943-м и в 1946 году делалось все, чтобы исключить из политической жизни антифашистские организации коммунистического толка. Но предназначенный для этого «Демократический союз» во главе с фельдмаршалом Паулюсом так никогда и не был создан. Военнопленный фельдмаршал бывшей германской армии Фридрих Паулюс вскоре переключился на более привычную и знакомую ему работу — составление военно-исторических очерков минувшей войны.

№ 1.

12 июня 1946 г.

МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
товарищу КРУГЛОВУ С. Н.

В состоявшейся 11 июня беседе с ПАУЛЮСОМ зондировалось его отношение к участию в пропагандистской работе среди военнопленных.

Суть вопроса была изложена ПАУЛЮСУ следующим образом: среди военнопленных наблюдается антифашистский подъем с ориентацией на единую социалистическую партию.

В связи с этим возникает мысль придать этому движению организованный характер и создать для этого во главе с ним организующий центр из военнопленных солдат, офицеров и генералов, искренне разделяющих демократические принципы.

Источник 3/1994

Было особо подчеркнуто, что беседа с ним носит предварительный характер, так как дальнейшее будет зависеть от решения руководства.

Получив согласие ПАУЛЮСА, ему было предложено изложить в проекте организационную структуру и рамки пропагандистской деятельности демократического центра среди военнопленных.

Составленный ПАУЛЮСОМ проект, который он вручил сегодня тов. ПАР-ПАРОВУ, выходит за пределы сделанного ему предложения.

Проект составлен, исходя из построения регулярной секции, входящей в состав единой социалистической партии Германии.

ПАУЛЮСУ было указано на это несоответствие, с чем он согласился и принял наш вариант.

Генерал-лейтенант

(А. Кобулов)

№ 2.

16 июня 1946 года

Г. ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ

КОБУЛОВУ

Москва

Дополнение к моему предложению от 12/VI-46 г.

СЕПГ и военнопленные в Советском Союзе.

В вышеупомянутом предложении проводится слишком крайняя точка зрения, поскольку там идет речь о создании особой, подчиняющейся СЕПГ партийной организации. Это вызвано частично недоразумением, а отсюда и мнением, что уже сейчас следует проводить для этого широкую организационную подготовку.

Однако, с целью допустить и другие возможные решения этого вопроса, при которых на первом плане стояла бы вербовка в СЕПГ — т. е. создание чего-то вроде «Движения СЕПГ», — вышеуказанное предложение дополняется.

Задача подобного движения в основном также заключалась бы в разъяснении принципов и целей партии, вербовке и обучении «сторонников», а кроме того, еще и «друзей» (сочувствующих).

I. Как только будет начата какая-либо деятельность в пользу СЕПГ, следует ожидать, что военнопленные, стоящие на платформе других антифашистских — демократических партий, и даже сторонники СЕПГ, не понимающие того нового, что произошло после 1943 года, выдвинут требование о разрешении такой деятельности и в пользу других партий.

Хотя допущение других антифашистских — демократических партий означало бы некоторое приближение к условиям политической работы в Германии и в таком сотрудничестве заключалась бы возможность политической подготовки людей, тем не менее следующие пункты говорят против этого:

1) Такое разрешение вопроса могло бы пробудить воспоминания об уже устаревшем движении «Национального Комитета» — 1943 года. В частности, могут вновь возникнуть расплывчатые понятия о паритете и равенстве, в то время, как сейчас речь может идти лишь о временной тактике сотрудничества под руководством СЕПГ.

2) В условиях плена нет конкретной базы для такого сотрудничества. Таким образом могла бы возникнуть опасность, что именно вследствие отсутствия политического опыта возникнут нежелательные принципиальные разногласия внутри таких смешанных коллективов.

3) Приходится учитывать, что в группы других антифашистских — демократических партий могут открыто или скрыто проникнуть фашистские и реакционные силы.

II. При создании организации в духе СЕПГ возникает принципиальный вопрос: следует ли предпочесть сознательно ограниченное количество сторонников движения, при создании возможно более надежного, сильного ядра с упором на интенсивную работу, или привлечь возможно большее число людей, сознательно допуская возможность наличия среди них большого процента колеблющихся и не совсем надежных элементов.

1) Согласно ранее указанному и соответственно программы СЕПГ в Германии, в первую очередь, стоит вопрос о создании демократически-парламентской

республики. Это означает, что для СЕПГ важно прежде всего, создавая необходимые кадры, в борьбе с другими демократическими партиями за влияние, завоевать широчайшие массы сторонников и избирателей. Из этой установки следовало бы исходить также и в работе среди военнопленных. «Кадрам» здесь соответствовали бы надежные и подготовленные активисты, членам партии — «сторонники», избирателям — «сочувствующие».

2) Работа на платформе СЕПГ в плену не дает военнопленному права, особенно если он не является рабочим, ремесленником и крестьянином, быть по возвращении в Германию принятым в СЕПГ без проверки. Подобная проверка тем более необходима, что сами военнопленные, в применении постановлений о денацификации, не могут принимать окончательных решений.

3) Все военнопленные в одинаковой мере недостаточно или вообще не осведомлены о современных, весьма различных условиях и влияниях в отдельных оккупационных зонах Германии.

Таким образом, наряду с работой по восстановлению разрушений их деятельность в духе СЕПГ может в основном распространяться лишь на теоретическое обучение и воспитание военнопленных.

III. В соответствии с пунктом II) предложение от 12/VI—1946 г., независимо от окончательной формы организации военнопленных, дополняется следующим образом:

1) Главная задача состоит в том, чтобы привлечь и объединить из числа военнопленных возможно большее количество убежденных и проверенных «сторонников», а также и сочувствующих. Они должны быть согласны, а также способны работать в будущем на родине, на том месте, на которое они будут поставлены, в духе принципов и целей СЕПГ.

2) С другой стороны, надо избежать того, чтобы военнопленные большими массами примыкали к этому движению из корыстных целей и соображений личной выгоды (например, надежда на лучшую перспективу репатриации или более выгодные условия работы и быта и т. д.). Эта опасность, в известной мере, вызывается тем, что исходя из более важных общих причин не допускается организация сторонников других антифашистских партий (см. выше пункт I).

3) К «сторонникам» СЕПГ и вновь поступающим в будущую организацию СЕПГ для военнопленных, применены соответствующие пункты предложения от 12/VI—46 г.

Особое значение приобретает теперь вопрос о «сочувствующих», участвующих во всех мероприятиях, но пользующихся правом голоса лишь в вопросах, не касающихся «членства» (например, организация лагерных групп, прием новых «сторонников» и т. д.). Группы «сочувствующих» будут приданы лагерным группам в качестве подгрупп.

4) С психологической точки зрения было бы желательно, чтобы в качестве стимула, а также морального обязательства надежные и проверенные активисты и сторонники СЕПГ, прежде всего те из них, которые отличаются на работах по восстановлению разрушений, особо выделялись, например:

а) Внесение в списки отличников по предложению лагерного актива или самих сторонников на основе голосования.

б) При переводе или репатриации отличившиеся согласно пункту а) получают соответствующее удостоверение.

В отдельных случаях это удостоверение должно облегчить прием в СЕПГ в Германии. Если данное лицо подпадает под постановление о денацификации, его благонадежность может быть соответствующим образом принята во внимание, при условии необходимой проверки его прошлого.

Так как достижения в работе по восстановлению разрушенного должны приниматься во внимание при оценке всех военнопленных с точки зрения денацификации, то следует рассмотреть вопрос, нельзя ли предоставить проверенным сторонникам СЕПГ еще большие льготы.

IV. Остальные пункты предложения от 12/VI—46 г., в частности касающиеся «организационной комиссии», «учредительной конференции», «руководства», «исполнительной комиссии» и т. д., применимы к любой форме будущей организации.

Если бы были возможны поездки членов руководства в лагерь, что было бы особенно желательно, то их количество следовало бы увеличить с 35 до 50-ти.

V. Если из политических соображений будет недопустимо открытое создание организации, стоящей на платформе СЕПГ (открытая связь с СЕПГ, в качестве ее

организации, радиопередачи для лагерей и для Германии), тогда отпадает важное средство воздействия на широчайшие круги немецкого населения.

Но даже в этом случае проведение вышеописанной деятельности в среде одних военнопленных, при негласной связи с СЕПГ, могло бы принести большую пользу, а именно:

1) Немецкие военнопленные занимались бы в конкретной форме проблемами и задачами, стоящими перед Германией, и в частности им было бы разъяснено решающее значение СЕПГ для будущего Германии в целом.

2) Немецкие военнопленные в Советском Союзе должны будут ясно понять связь между их работой по восстановлению разрушений в СССР и строительством новой Германии.

3) Кроме этого, разрешение такого движения в пользу СЕПГ, со стороны соответствующих советских органов, послужило бы свидетельством заинтересованности этих органов будущим Германии и должно было бы увеличить симпатии к Советскому Союзу.

ПАУЛЮС

№ 3.

ЦК ВКП(б)

15 июня 1946 г.

товарищу Ж Д А Н О В У А. А.

МВД СССР располагает материалами, характеризующими политические настроения военнопленных бывшей германской армии, содержащихся в лагерях.

Военнопленные выражают солидарность с Социалистической единой партией Германии в декларациях на митингах и собраниях, адресуемых руководству Социалистической единой партии Германии и лично Вильгельму ПИКУ.

Военнопленные немцы, содержащиеся в лагере МВД № 190 (Владимирская область) пишут:

«Находясь в Советском Союзе, где мы, немецкие военнопленные, своей работой частично возмещаем убытки, причиненные немецким народом, как соучастником гитлеровских преступлений, мы узнали о создании социалистической единой партии Германии. Это событие имеет огромное значение не только для германского рабочего класса, но и для всего немецкого народа...

Только сплоченность всего трудового народа дает возможность искоренить фашизм, обеспечить мир, снова поднять германскую экономику, достичь культурного обновления и сохранить единство Германии:

Поэтому мы, бывшие офицеры и солдаты немецкой армии, приветствуем создание социалистической единой партии Германии, как партии созидającego народа, которая правильно разрешит жизненные национальные и социальные вопросы нашего народа.

Эта партия гарантирует создание Германии, свободной от угнетения и эксплуатации, свободной от экономических кризисов, нищеты и безработицы, свободной от угроз империалистических войн, Германии мира и согласия с народами и прежде всего согласия с Советским Союзом — страной трудящихся, не имеющей империалистических целей».

Резолюцию подписали 777 солдат и офицеров.

247 солдат и офицеров в лагере МВД № 168 (Минская область) заявили:

«Мы, военнопленные, шлем свои приветствия из Советского Союза новой социалистической единой партии Германии и родине.

Мы надеемся, что удастся включить в этот единый блок также трудящихся западных зон и создать таким образом могучий оплот против попыток обнаглевших продажных крупных капиталистов и фашистов, дрожащих за свою шкуру, разрушить национальное и экономическое единство нашей партии.

Мы, немцы из всех округов и районов Германии, презираем и осуждаем все эти попытки и просим через Вас наших родственников помогать объединению и восстановлению социалистической единой партии. Мы же здесь своей работой стараемся искупить свою собственную вину и вину всего немецкого народа.

Здесь мы одновременно работаем над собой, чтобы стать антифашистами, вернуться домой настоящими людьми и там принять участие в возрождении нашей родины и создании действительно демократической и миролюбивой Германии, которая должна быть свободной от влияния со стороны империалистических-капи-

талистических держав, которые не раз в истории были причинами нашего несчастья».

Из лагеря № 286 (Эстонская ССР) в МВД СССР поступила резолюция, подписанная 91 солдатом и офицером, в которой говорится:

«Первое известие о том, что обе рабочие партии — коммунисты и социал-демократы — решили объединиться, вызвало среди нас полное одобрение.

Мы возмущаемся тем, что в западной зоне Германии все еще имеются люди типа ШУМАХЕРА, которые еще и сейчас, невзирая на кровавый опыт и страдания, ведут интриги и раскольническую политику в рабочем движении.

Мы убеждены, что только объединенные силы рабочего класса в состоянии по-настоящему побороть реакцию.

Принципы и роль германской социалистической единой партии встретили среди нас живой отклик. Особенное удовлетворение вызвали следующие требования: раздел крупного землевладения, лишение власти крупного капитала и выкорчевывание всех милитаристических сил...

Вы можете с уверенностью при нашем возвращении рассчитывать, что большая часть из нас, политически перевоспитанная, пополнит ряды вашей партии и совместно с вами будет работать над построением новой германской демократической республики».

Подобные декларации приняты и в других лагерях МВД СССР.

Наряду с демократическими настроениями в лагерях военнопленных наблюдается активизация реакционно-фашистских элементов, главным образом среди бывших немецких офицеров и генералов.

Работа таких фашистских групп сопровождается проводимой ими среди военнопленных пропагандой за ориентацию на западные державы и за агрессию против Советского Союза в блоке с Англией и США.

В целях укрепления и объединения антифашистских элементов среди военнопленных, ориентирующихся на Советский Союз и Социалистическую единую партию Германии, а также локализации фашистской пропаганды — МВД СССР считало бы целесообразным создать организацию военнопленных под названием «Демократический союз немецких военнопленных в Советском Союзе».

Для осуществления этого мероприятия провести следующее:

1) Из заслуживающих доверия военнопленных солдат, офицеров и генералов создать инициативную группу, во главе с бывшим генерал-фельдмаршалом ПАУЛЮС (принципиальное согласие ПАУЛЮСА на это имеется).

2) Поручить инициативной группе разработать проект статута «Демократического союза немецких военнопленных в Советском Союзе», который должен будет вести массово-политическую и просветительную работу среди военнопленных, вовлекать в единый антифашистский фронт максимальное количество военнопленных, способствовать росту производительности труда военнопленных и сплотить их вокруг программы Социалистической единой партии Германии.

3) Подготовить и провести в Москве в течение июля месяца 1946 года от имени инициативной группы конференцию представителей антифашистского актива военнопленных в лагерях для обсуждения следующих вопросов:

Рассмотрение и утверждение статута «Демократического союза немецких военнопленных в Советском Союзе».

Принятие декларации о целях и задачах «Демократического союза».

Принятие обращения к Социалистической единой партии Германии и немецкому народу.

Конференцию провести с участием представителей Социалистической единой партии Германии.

Декларацию и обращение конференции опубликовать в издаваемой для военнопленных газете «Нахрихтен» и немецкой печати в советской зоне оккупации Германии.

Прошу Ваших указаний.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

С. КРУГЛОВ

Публикация
Леонида РЕШИНА

Автор благодарит за помощь в работе архивистов ФСК РФ — А. А. Краюшкина, В. К. Виноградова, А. А. Зюбченко, В. П. Гусаченко, Ю. М. Разбоева, А. Я. Николаева.

«Отказываюсь от Гражданства»

Секретно

ЦК КПСС*
19 сентября 1977 г.
№ 2042—А
гор. Москва

О мерах по пресечению преступной деятельности СНЕГИРЕВА

Комитетом госбезопасности Украины выявлена и задокументирована антисоветская деятельность СНЕГИРЕВА Г. И., 1927 года рождения, украинца, исключенного в 1974 году из членов КПСС, Союза писателей и Союза кинематографистов, бывшего режиссера Украинской студии хроникально-документальных фильмов, пенсионера, проживающего в г. Киеве.

СНЕГИРЕВ с 1957 года систематически изготавливает и распространяет враждебные сочинения («Секретарь обкома», «Роман-донос», «Мама, моя мама», «Автопортрет-1966», «Открытое письмо Советскому правительству», «Лаять или не лаять», «Убили дрозда», «Обращение к вождю» и др.), в которых клеветает на внутреннюю и внешнюю политику КПСС и Советского правительства. Он установил нелегальную связь с заместителем главного редактора зарубежного антисоциалистического журнала «Континент» НЕКРАСОВЫМ, с антиобщественными элементами в Москве и некоторыми американскими корреспондентами. Через них СНЕГИРЕВ передает на Запад враждебные материалы, которые используются зарубежными пропагандистскими центрами и националистическими организациями в акциях идеологической диверсии против СССР. Радиостанция «Свобода» 18 июля с. г. передала очередной пасквиль СНЕГИРЕВА «Открытое письмо президенту США Дж. КАРТЕРУ», в котором вновь возводится злобная клевета на советский государственный и общественный строй, международную и внутреннюю политику Советского правительства. Во время пребывания в Москве летом с. г. СНЕГИРЕВ заявил иностранным журналистам об отказе от советского гражданства по политическим мотивам и передал им т. н. «Открытое письмо правительству СССР». Копию этого документа, содержащего нападки на проект Конституции СССР и призыв к ликвидации советского государственного и общественного строя, он направил в Президиум Верховного Совета СССР (прилагается).

Особым антисоветизмом проникнут пасквиль СНЕГИРЕВА «Обращение к вождю», изготовленный и переданный им на Запад в августе с. г. В нем СНЕГИРЕВ призывает к ревизии марксистско-ленинского учения, возрождению частной собственности, роспуску колхозов, ликвидации Советской Армии.

В отношении СНЕГИРЕВА через общественность и родственников принимались предупредительные меры, но воздействия на него они не оказали.

В связи с изложенным Комитетом госбезопасности принято решение об аресте СНЕГИРЕВА и привлечении его к уголовной ответственности по ст. 62 ч. 1 УК УССР (антисоветская агитация и пропаганда). Вопрос согласован с ЦК Компартии Украины.

Сообщается в порядке информации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

АНДРОПОВ

Источник 3/1994

* На бланке КГБ при Совмине СССР.

Настоящим заявлением я отказываюсь от советского гражданства.

Данное решение я принял в те дни, когда вы проводите так называемое обсуждение проекта новой конституции. Газеты, радио, митинги кричат о единодушном восторженном одобрении. В ближайшее время проект станет законом под всеобщее «ура!». Пусть попытается кто-либо не крикнуть «ура», за каждым митингом и каждым его участником пристально следит КГБ и его верные слуги — партработники.

Ваша конституция — ложь от начала до конца. Ложь, что ваше государство выражает волю и интересы народа, что вся власть принадлежит народу. Ложь, что высшая цель вашего государства — повышение материального и культурного уровня жизни народов. Ложь, что вы проводите политику мира и боретесь за укрепление безопасности народов. Ложь — заявления о свободном развитии наций и о праве республик на свободный выход из СССР. Ложь и позор ваша избирательная система, над которой потешается весь народ, ложь и позор ваш герб, колосья для которого вы экспортируете из США, ложь и позор ваш гимн, в котором Сталина вы заменили на Ленина.

Вы заявляете, что создали общество подлинной демократии. Граждане СССР, утверждаете вы, обладают всей полнотой социально-экономических и политических прав и свобод (ст. 39), гражданам СССР гарантирована свобода слова, печати, собраний, митингов (ст. 50). И тут же:

— Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства.

Беззастенчиво перечеркнули вы права и свободы своего гражданина.

Статья 156 гласит:

— Разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дел в закрытом заседании суда производится только в случае, установленном законом.

Беззастенчиво обеспечили вы себе закрытый суд над каждым своим гражданином.

И прежде вы лишали меня прав и свобод и, когда боялись голоса правды — а боялись вы его всегда, — судили закрытым судом. Но прежде, даже объявляя себя диктатурой, вы не решались на откровенный цинизм, у меня оставалась возможность потрясать конституцией и требовать соблюдения гарантированных прав и свобод, открытого суда. Сегодня вы, сбросив вывеску диктатуры и объявив себя общенародным государством, грубо одергиваете меня: довольно ссылок на конституцию, права и свободы твои до тех пор, покуда мы, государство, не решим, что они нам, государству, в ущерб, и тогда мы будем судить тебя закрытым судом по установленному нами, государством, закону! Протестуешь? — попробуй, так записано в конституции, ее утвердил народ и ты в том числе.

Не хочу быть в том числе. Ваша конституция продиктована политической охранкой, которой в СССР подвластно все, без которой и дня не протянет ваш лагерный режим.

Не хочу быть гражданином государства, которое за 60 лет своего существования дохозяинничалось до того, что вынуждено на высокие скрижали Основного Закона персонально выводить скот и птицу, содержащиеся в подсобном хозяйстве граждан. 1% земельных угодий отвели вы подсобным хозяйствам, 99% — колхозам и совхозам, и этот 1% дает т р е т ь продуктов питания страны! А как вы грабили гражданина своего на этом его 1% — сводили со двора корову, облагали диким налогом каждую курицу, каждую яблоньку и куст клубники! Сегодня поняли, что не прокормят страну ваши колхозы и совхозы, задабриваете гражданина, подлизываетесь, гарантируете — не бойся больше, разводи свинок-курочек, обещаем — не тронем, вот и в конституцию записали, корми нас со своего одного процента, давай нам теперь не треть, а две трети, потому что надежда на колхозы-совхозы — дело гиблое, эти памятники во славу гнилой идеологии — слеплены из навоза.

Наконец, я не желаю более оставаться гражданином государства, которое уничтожило элиту моего украинского народа, лучшую часть крестьянства и интеллигенции, извратило и оболгало наше историческое прошлое, унизило наше настоящее. Вы лишили моих соотечественников-украинцев национального достоинства, вы добились от нас того, что мы боимся и не хотим называться украинцами. И вы в вашей конституции смеете трубить о развитии наций? У вас хватает цинизма глу-

миться над моим народом и записывать в конституции статью о праве на свободный выход из СССР?

Миллионы забитых и запуганных вами граждан покорно и безразлично поднимут руки за вашу конституцию. Таких, кто подобно мне открыто заявит о нежелании принять ваш основной закон, будут единицы. Полностью отдаю себе отчет в том, что поступок мой будет расценен вами как тяжчайшее преступление: я воспользовался правом на свободу слова в ущерб вашему государству — судить меня по установленному вашим государством закону вы будете закрытым судом.

Впрочем, конституция ваша пока только проект? Придется вам для расправы надо мной дожидаться ее всенародного принятия и только тогда применять ко мне ее статьи? Морока! Не проще — психушка? Или обвинение в уголовщине? Или самосуд оскорбленных патриотов в штатском? Или дорожная авария? Какие там еще в вашем арсенале варианты скорых расправ? Действуйте.

Сегодня, 29 июля 1977 года, вместе с настоящим заявлением направляю вам свой паспорт и с этого дня перестаю считать себя гражданином СССР.

29 июля 1977 г.

Киев-33,

Тарасовская, 8, кв. № 43

СНЕГИРЕВ Гелий Иванович.

Г. СНЕГИРЕВ, писатель.

Секретно

О ходе следствия по делу СНЕГИРЕВА Г. И.*

2 декабря 1977 г.

№ 2584-А

В дополнение к № 2042-А от 19 сентября 1977 г. Комитет госбезопасности докладывает, что Снегирев Г. И. арестован и привлечен к уголовной ответственности по ст. 62 УК УССР (антисоветская агитация и пропаганда). Факты написания и распространения в 1975—1977 гг. в СССР, а также передачи для публикации за границу «Обращения к вождю», «Письма к Дж. Картеру» и ряда других документов антисоветского содержания он признал.

Вместе с тем на допросах Снегирев заявляет, что менять враждебные социалистическому строю взгляды и убеждения не намерен, упорно не желает сообщать, каким образом он переправлял антисоветские материалы на Запад, и назвать лиц, среди которых распространял их в СССР.

Действуя в соответствии с выработанной еще до ареста линией поведения, Снегирев 30 октября с. г. написал заявление в Президиум Верховного Совета СССР и КГБ Украины, в котором возводит клевету на советский строй, новую Конституцию СССР, объявил голодовку и стал отказываться принимать пищу. В связи с этим в установленном порядке он переведен на принудительное питание.

В ходе изучения изъятых при обыске у Снегирева материалов обнаружены черновики изготовленных им антисоветских документов, в том числе копия его письма известному своим враждебным отношением к СССР американскому писателю С. Беллоу. В письме Снегирев просит оказать ему содействие в установлении контакта с консулом США в Киеве и в публикации за рубежом одного из своих пасквилей.

Следствие продолжается.

Сообщается в порядке информации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

АНДРОПОВ

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1877. Л. 98—102.

Публикация

Анатолия НОВИКОВА

ОПИСАНИЕ РОССИИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ

Заканчиваем публикацию
«Описания Московской губернии»
из фондов Российской государственной библиотеки.
Богородск, Бронницы, Никитск
и Подол в конце XVIII века.

В этом номере журнала мы завершаем публикацию «Описания Московской губернии» 1781 года, хранящегося в коллекции А. К. Федорова в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

Эта публикация познакомит читателя с городами Богородск, Бронницы, Никитск и Подол. Как и в предыдущих публикациях, сохранены стиль и орфография подлинника.

Город Богородск

Сие селение прежде было в ведомстве Ямской канцелярии, под названием села Рогожи, в котором обитали ямщики¹.

Оно расположено на левом берегу реки Клязмы по обеим старонам Большой Владимирской дороги.

Строения

церковь каменная	1
часовня	1
богоделня	1
казенной питейной дом	1

Жителей написанных в ревизию 112 душ. Содержание имеют от исправления почтовой гонбы и от хлебопашества.

Источник 3/1994

Богородск. Троице-Сергиев монастырь. Гравюра И. Зубова. 1725. Фрагмент.

Под оным селением земли состоит по межеванию 12 десятин² 1632 квадратных сажень, пашни, лесу, сенного покосу и неудобных мест, всего 4841 десятина 879 квадратных сажень.

Расстояние от Богородска до прикосновенных городов:

Бронниц	45	верст
Никитска	50	
Москвы	48	
Воскресенска	99	
Дмитрова	75	

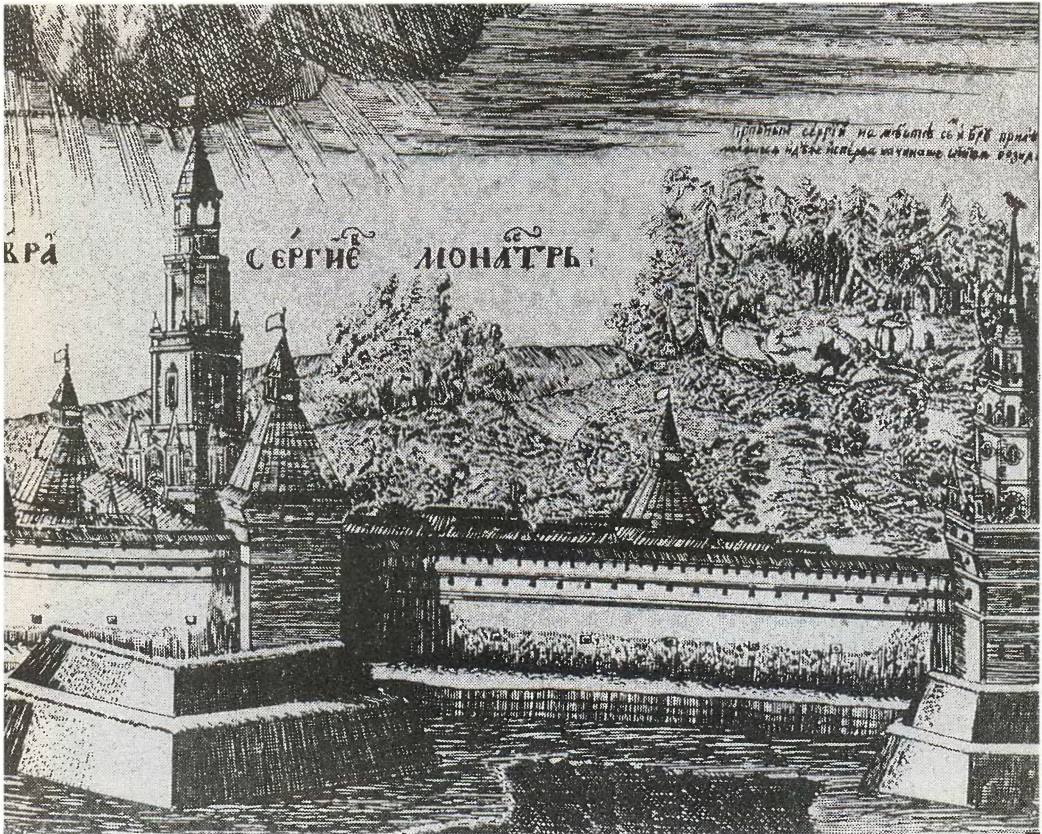
Богородской уезд граничит

К востоку с Владимирским наместничеством, к югу с Бронницким, к западу с Московским и Воскресенским, к западно-северной стороне с Дмитровским уездами.

В оном уезде

Монастырей 2. Из коих один есть та славная Святотроицкая лавра³, которая в российской истории не последнее занимает место. Она окружена каменною з башнями оградю, которая в состоянии была выдержать во время полских нашествий осаду. Сие освященное место имеет преимущество, что Ея Императорское Величество так, как и прежния государи оное посещать изволила, при нем для приезжающих построены два гостинныя, каменной и деревянной дворы.

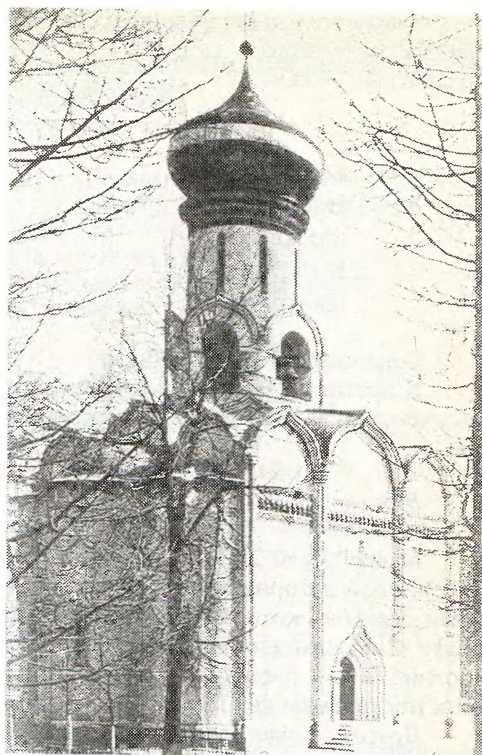
Другой — женской называемой Хатков, положение имеющей при реке Паже, в котором две церкви, кельи и ограда каменная.

Источник 3/1994

Троице-Сергиев монастырь.
Троицкий собор.
1422—1423.

Троице-Сергиев монастырь.
Духовная церковь.
1476.

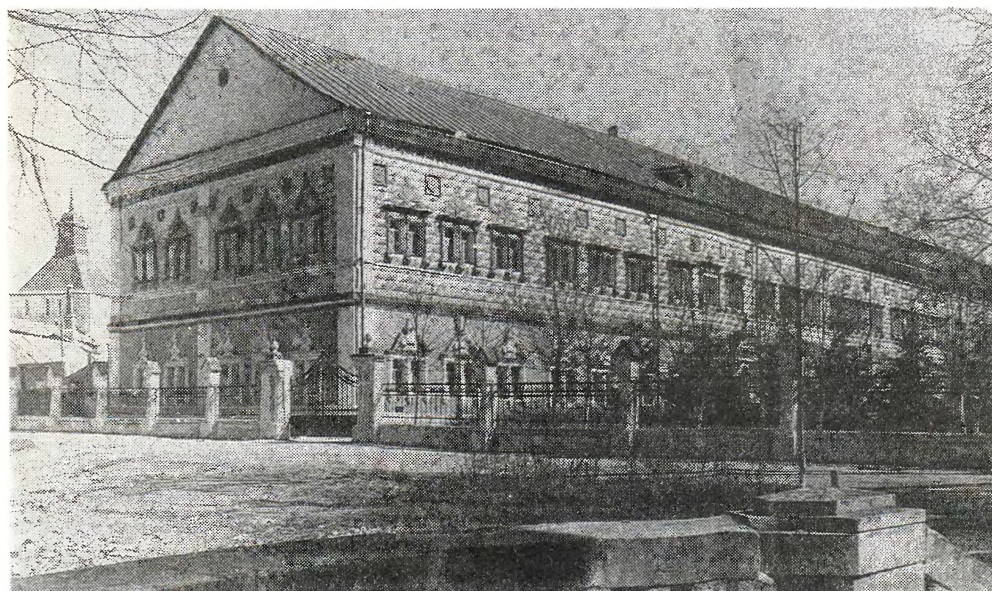
Троице-Сергиев монастырь.
XV—XVII вв.

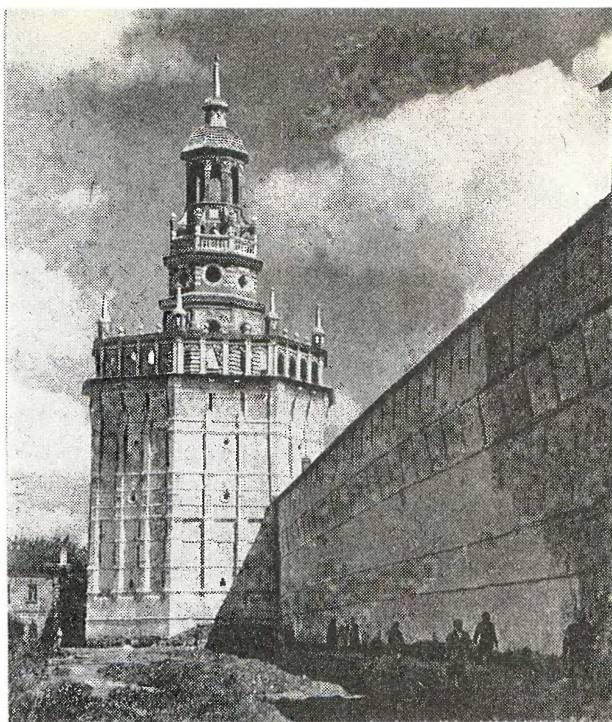
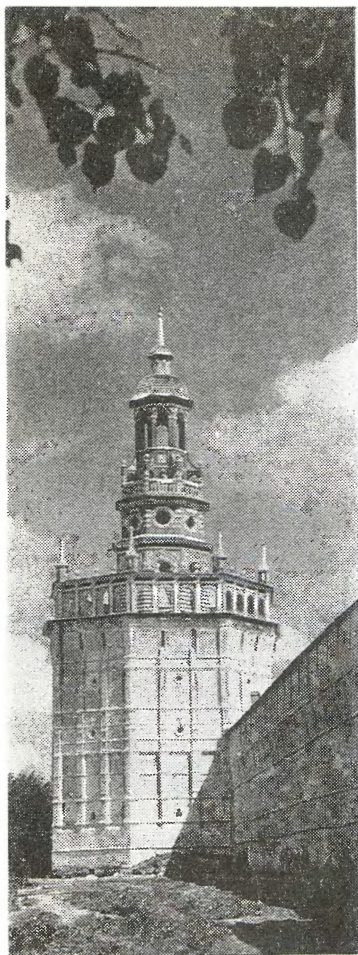

*Троице-Сергиев монастырь.
Церковь Зосимы и Савватия.
1635—1638.*

*Троице-Сергиев монастырь.
Царские чертоги.
Конец XVII в.*

*Троице-Сергиев монастырь.
Уточья башня.
XVII в.*

*Троице-Сергиев монастырь.
Уточья башня.
XVII в.*

Церквей	
каменных	27
деревянных	66
погостов	11
Ея Императорскаго Величества дворец	1
сел	73
селцов	123
деревень	280
дворян	128
Домов	
каменных	5
деревянных	71
Крестьян	
казеннаго ведомства	11473
владельческих	14604

Пахотной земли, сennaго покосу и лесу всего 228801 десятина 2249 сажень. Грунт земли иловатой и частью с песком. Хлеб в посеве рожь, ечмень, овес, греча, конопля, лен и горох. Урожай онаго посредственной сам-третьей, а по мере удобрения бывает и более.

Сей уезд имеет довольно достаток в лесах, в которых растет сосна, береза, осина, а болшею частью ель.

Жители имеют пропитание. 1-е от хлебопашества, 2-е от производимых как на фабриках, так и в доме рукоделей.

Сей уезд пред прочими ту имеет отличность, что в нем очень многие жители в мастерствах упражняются.

Ярмонка и торги

В лежащих при Свято-Троицкой Сергиевой лавре ведомства Коллегии Экономии слободах в коих церковей каменных шесть, деревянных три, лавок торговых 40. Еженедельно торги бывають по понедельникам. А годовыя ярмонки 1-ая в десяту пятницу, 2-ая в Троицын день, 3-я августа 15, продолжаясь по одной неделе. Товары продаются: парчи, отласы, тафта, канфа и другие шелковыя, сукна немецкия и руския бумажныя, шерстяныя, и гарусныя товары⁴, кожи, щепетилные мелочи⁵. А из селений привозится хлеб и съестные припасы.

Экономическаго же ведомства в селе Павлове, сверх бывающаго в зимнее время всякую неделю торгу привозимому для продажи хлебу, ежегодно бывають ярмонки апреля 23 в Троицын день, июля 8 чисел, на которые приезжающие купцы привозят сукно, шолк и все для здешних жителей нужные товары, а жители продают выделываемыя здесь шелковыя разных рук платки, крашенину⁶ и косы сенокосныя.

Во оном селе и в других принадлежащих в нему селениях находится 72 платочных станок, 8 торговых лавок и довольно число мастеровых. Из коих столяров 2, рещик 1, серебряников 3, крашенинников 4, кузнецов 8, калашников и хлебников 10, каменщиков 2.

В селе Фрянове дворянина Ивана Лазарева торги бывають каждое воскресенье до половины дня и продаются шелковыя и маскательныя⁷ мелочныя товары.

Сверх сего бывает народные собрания времянно и привозят на продажу хлеб, холст и разные крестьянские изделия в следующих селениях.

В погосте Никитском ведомства Экономическаго, положение имеющем на реке Дрозне в осеннее время на день Никиты Мучиника. Онаго ж ведомства в деревне Сониной майя 29 числа.

Троице-Сергиев монастырь. Обходная галерея верхнего яруса северной стены. XVII в.

Разные фабрики, на которых работу производят ниже следующих и окрестных селений жители.

Шелковых шесть, на оных ткут разные шелковые материи, платки и ленты. В селе Купавне фабриканта Данилы Земского, в коем церковь и мастерския полаты каменные. В селе Марьине, московскаго купца и фабриканта Ивана Колосова. В селе Фрянове содержателя Ивана Лазарева. В селе Невлеве генералши Марфы Васильевны Балковой. Ведомства Экономическаго в селе Левкове, того же ведомства в селе Хомутове.

Суконных две, на которых ткут разные сукна. Экономическаго ведомства в деревне Асеевой, в селе Каменке майора Матвея Акулова.

Бумажных две. В селе Успенском майорши Елисаветы Пушкиной о четырех ролях. При селце Островцах фабриканта Данилы Земского о дву ролях. Лосинная⁸ одна под ведомством главнаго Кригс-Камисариата⁹ на реке Клязме.

Ситцовых три. В селе Обрасцове княгини Волконской¹⁰ в содержании иностранца Брюнина. В селце Мишневе генералши Анны Алексеевны Хитровой в содержании купца Семена Турчанинова. В селце Кашинцове капитана Михайлы Армакова в содержании иностранца Вулф Моуреця.

Полотняных три. В селе Никольском генерал-поруччика сенатора и ковалера графа Федора Андреевича Остерман¹¹. Троицкой лавры в слободах обывательских две.

Сахарная одна в селе Марьине фабриканта Колосова о двух котлах. Завод медной один в содержании прапорщика Петра Белавина и московскаго купца Алексея Колоколникова.

Пороховых два. Статской советницы Марьи Андреевны Раутшерши, называемой Обуховской на реке Клязме в нем 7 анбаров с принадлежностями. При селе Успенском майорши Елисаветы Мусиной-Пушкиной¹² в нем 7 анбаров пороховых с принадлежностями к оному.

Купоросных два. Троицкой лавры в слободах обывательские на осми калодах.

Конской завод в селе Глинкове генерал-аншефа и ковалера графа Якова Александровича Брюса¹³.

Мелниц сукновальных четыре. Экономическаго ведомства в селе Амиреве на реке Клязме. В селе Городище разных помещиков на реке Клязме. В селе Глинкове означеннаго ж графа Якова Александровича Брюса на реке Воре. В селе Коблукове ассессора Гончарова на реке Воре.

Крупчатная¹⁴ одна в предписанном же селе Глинкове.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В XVI в. на месте нынешнего города возникло село Рогожи, в 1781 г. переименованное в уездный город Богородск, который, в свою очередь, в 1930-м был переименован в Ногинск.

2. Десятина — основная дометрическая русская мера площади, равная 2400 кв. сажений (1,09 га).

3. Троице-Сергиев монастырь основан крупным русским церковным и политическим деятелем Сергием Радонежским (в миру Варфоломей) около 1330—1340 гг. С 1744 г. Троице-Сергиев монастырь стал лаврой. Монастырь выдержал осаду польско-литовских войск Лжедмитрия II с 23 сентября 1608-го по 12 января 1610 г. После провала попытки Лжедмитрия II с ходу овладеть Москвой его войска пытались блокировать столицу. Для этого было необходимо взять монастырь, который прикрывал дорогу на Москву. Для осады монастыря отправился Сапега и А. Лисовский с войском. В русском

гарнизоне было 2200—2400 человек под руководством воеводы кн. Г. Б. Долгорукова-Роши и А. И. Голохвастова. Интересным источником по истории обороны Троице-Сергиевого монастыря является сказание Авраамия Палицына — келаря монастыря, очевидца и участника обороны.

В 1782 г. из трех близлежащих слобод сложился посад, который с 1792 г. застраивался по регулярному плану зданиями в классическом стиле.

В 1919 г. Сергиев Посад переименован в Сергиев, в 1925 г. был утвержден городом. В 1930 г. переименован в Загорск. Ныне — Сергиев Посад.

4. Гарус — сученая белая или цветная шерстяная пряжа; шерсть для шитья, вышиванья.

5. Щепетильные мелочи — женские товары: иголки, нитки, булавки, наперстки, шпильки, шнурочки, тесемочки, коробочки, пуговки, колечки, сережки, бисер, духи, помада и т.п.

6. Крашенина — крашенный и лошенный холст, обычно синий.

7. Москательные товары (от персидского мошк — мускус) — краски, клей, технические масла и др. химические товары как предмет торговли.

8. Лосина — кожа, обычно в виде замиши.

9. Кригс-комиссариат введен в России Петром I в 1711 г.; учреждение, ведавшее всеми видами снабжения войск, предоставлял фабрикантам и заводчикам заказы на снабжение армии.

10. Волконские — русский княжеский род, происходивший от св. кн. Михаила Всеволодовича Черниговского (ум. 1246), внук которого Иван Юрьевич, по прозвищу Толстая Голова, был владельцем городка Волконы и первым князем Волконским.

11. Остерман Федор Андреевич — сын Андрея Ивановича Остермана (1686—1747), русского государственного деятеля, дипломата, графа, выходца из Вестфалии, на русской службе с 1703 г. Фактический руководитель внутренней и внешней политики России при Анне Иоанновне. В 1741 г. был сослан Елизаветой Петровной в Березов.

12. Мусины-Пушкины — графский, дворянский род, происходивший от Раджши.

13. Брюс Яков Александрович (1732—1791) — граф, главнокомандующий Москвы. За отличие в Семилетней войне (1756—1763) произведен в полковники, повышался в чинах при Петре III и Екатерине II. В 1771 г. организовал защиту жителей от заражения чумой.

14. Крупчатная мельница — мельница для обдирки, выделки круп (ветряная, водяная, конная).

Бронницы

Сие селение до своего переименования было под ведомством Дворцовой канюшенной канцелярии¹.

Положение имеет на правом берегу Москвы-реки, которая в сем месте делая пространна луга в полверсте от онаго от северо-западной на восточную-южную сторону протекает и в полулю воду версты на три разлитие имеет. Возле самага же селения есть озеро называемое Белое. Город разделяется лежащею от Москвы в Коломну дорогою на две части и находящимися к берегу шестью, а к полю двумя переулками.

Строение

	каменного	число	деревянного
церквей	2		—
при коих есть придел и колоколя с часами			—
часовня с образами	1		—
школа, в коей обучаются русской грамоте и писать онаго города жителей до 30 и конюшенных служителей			1
детей до 30 человек.	—		
Домов обывателских			
унтер шталмейстерской	—		1
священнических	—		2
обывателских	—		135
канюшеннаго ведомства	—		36
лавок	—		26
Два правления.			
Адно волостное, а другое канюшенное	—		2
богоделен каменных	2		—

в них содержится 6 престарелых женщин от мирского подояния		
канюшни	1	1
манеж	1	—
анбар	—	1
житной двор	—	1

Звание жителей

священно и церковно служителей		5
канюхов		30
разночинцов		16
коновалов		3
жителей написанных в резизии		487

Их содержание

Конюхи и разночинцы на казенном содержании. Жители же сего вновь учрежденного города большею частию упряжняются в торговле и некоторые имеют капитала от 500 до 1000 рублей. Промысел их состоит в следующем. В 20-ти лавках содержат для продажи разнаго рода хлеб. В 6-ти лавках торгуют кумачом², китайскою³, крашениною, поясами, перснями, рукавицами, шапками и кожами.

Содержат постоянные дворы, в которых имеют сено, овес, деготь, харчевые припасы, мясо, рыбу, сало и масло. Способствует сей торговле лежащая из Москвы в Коломну дарога как в доставлении харчевых и прочих припасов, так и в продаже оных проезжающим разнаго звания людям, а особливо идущим чрез Коломну из украинских городов с хлебом из Астрахани с рыбою и разными товарами во множественном числе с обозами.

Сверх того половина жителей имеют сады и огороды от которых получают довольноую прибыль.

В двух солодовенных заводах выращивается довольноое количество солода⁴, который за продовольствием жителей для продажи отвозится в Москву.

В городе есть очень хорошие водяные ключи. Под селением находится 74 десятины 1046 сажений; пашни, лесу, сennaго покосу и неудобных мест. Всего 3151 десятина 1158 квадратных сажень, в том числе для казеннаго конюшеннаго заводу пашни для посева хлеба 210 десятин сennaго покосу 304 десятины.

Разстояние от прикосновенных городов

Коломны	45	верст
Никитска	25	
Москвы	51	
Богородска	45	

Бронницкой уезд граничит

К востоку с Резанским наместничеством, к югу с Коломенским, к западу с Никидским, к северу з Богородским уездами.

В оном уезде строения церквей

каменных	20
деревянных	36
погостов ⁵	15
пустынь ⁶	1
сел	39
селцов	45
деревень	236
дворян	70

Домов

каменных	2
деревянных	45
мельниц	15

Крестьян

казенного ведомства	9146
владельческих	17302

Пахотной земли, сеннаго покосу и лесу всего 204140 десятины 1250 сажень. Грунт земли суглинок. Хлеб сеется ярица, рожь, ячмень, овес, греча, конопля, лен, горох. Урожай бывает сам-третьей⁷.

Лес растет: береза, осина, дуб и разная мелкая поросль, которая употребляется для дров.

Жители имеют пропитание

1. От хлебопашества, котораго имеют небольшое количество, а некоторая часть отделясь ходят в украинския города для жатия хлеба, за что вместо денег берут хлебом же и привозят в дом за своим продовольствием и в продажу употребляют.

2. В извозничестве и в найме как на фабриках, так и для разных работ.

3. Многие крестьяне имеют плодовицыя сады и от продажи плодов получают довольной прибиток.

Ярмонки бывают в нижеписанных селениях, на которые съезжаются крестьянство и привозят на продажу хлеб и несколько крашенины, шнура⁸ и разные изделия.

Июля 24 дня в селе Новом Рожествине генерал-аншефа и разных орденков кавалера князь Михайлы Никитича Волконскаго⁹, имеющем церковь каменную и положением состоящем на берегу Москвы-реки.

Сентября 15 дня в селе Софьиных ведомства Дворцовой канцелярии¹⁰ расположенном на берегу Москвы-реки.

Июля 20 дня в погосте Пророка Ильи дворянина Никиты Демидова¹¹.

Завод серной и купоросной при селе Гжели¹² на дачах ведомства Дворцовой канцелярии в садержании московскаго купца Захара Шубина по найму земли.

В селе Гжеле жители сверх хлебопашества делают из глины столовые сервизы и для разнаго употребления на галанской манер палевую и цветную посуду, которую в немалом количестве для продажи развозят в Москву и в другия города.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Впервые упоминается в летописи в 1453 г. под названием Бронница. Было вотчиною московских князей. По духовному завещанию в. кн. Софьи Витовтовны досталось ее внуку кн. Юрию Васильевичу, по смерти котораго в 1472 г. перешло в ведение Пафнутьевского монастыря, основанного Пафнутием Боровским (ум. 1478), внуком баскака, принявшего христианство. В годы польско-шведской интервенции Сапега по дороге к Москве напал на Боровско-Пафнутьевский монастырь, в котором оборону держал московский воевода князь М. К. Волконский. В Боровске царь Федор Алексеевич основал конный завод, а Петр I и село и завод передал во владение А. Д. Меншикову. Но в 1727 г. при Петре II Бронницы с заводом перешли в Дворцовое ведомство. В 1781 г. Бронницы стали уездным городом Московской губернии.

2. Кумач — простая бумажная ткань обычно алого, иногда синего цвета на сарафаны.

3. Китайка — простая бумажная ткань, первоначально мутно-желтого цвета, вывезенная из Китая.

4. Солод — продукт проращивания хлебных злаков, употребляется при изготовлении пива, кваса и т. п.

5. Погост — кладбище.

6. Пустынь — уединенная обитель, одинокое жилье, келья, лачуга отшельника, одинокого богомольца, уклонившегося от суеты.

7. Урожай сам-три — т. е. в три раза больше, чем посеяли.

8. Шнур — шнур.

9. Волконский Михаил Никитич (1713—1786) — военный генерал, дипломат, московский губернатор с 1771 г.

10. Дворцовая канцелярия — существовала с 1725 г. и управляла дворцовыми крестьянами, землями, придворными штатами, ведала хозяйством.

11. Демидовы — русские заводчики и землевладельцы. Из тульских кузнецов, с 1720 г. дворяне, в конце века вошли в круг высшей русской бюрократии и знати. Основали свыше 50 заводов, на которых получали 40% чугуна, выплавляемого в стране. Никита Демидович Антуфьев (1656—1725) — родоначальник, организатор строительства металлургии.

ческих заводов на Урале, был поставщиком оружия при Петре I. Н. А. Демидов (1721—1789) покровительствовал ученым, художникам, состоял в переписке с Вольтером. Прокофий Демидов (1710—1786) был меценатом Московского воспитательного дома.

12. Гжель — известный за пределами России завод, выпускающий фарфоровую, фаянсовую посуду, которая отличается от продукции других заводов характерным си-

ним орнаментом. В XVIII в. в Гжели почти все занимались выделкой глины и муравленой посуды. Фарфоровое и фаянсовое производство началось в 1802 г., когда крестьянин Куликов основал фарфоровый завод около г. Гжели. До этого обработка глины носила кустарный характер, со временем возникли более или менее значительные заводы: 6 фарфоровых, 7 фаянсовых, 2 живописных по фарфору.

Никитск

Сие селение называлось прежде село Кальчево и быв ведомства Главной Дворцовой канцелярии принадлежало к волости Мячковой¹.

Имеет положение по обеим сторонам протекающей чрез него от западно-северной стороны на восток реки Пахры.

В нем

Церковь деревянная	1
обывательских дворов	37
питейной дом деревянной	1
жителей по ревизии	112

Пропитание их состоит в хлебопашестве, в ломке и приуготовлении белого камня².

Земли по межеванью под селением 49 десятин 1531 квадратная сажень. Вместе же с состоящими в одной окружности деревнями Шестовою, Новлянскою, семи врагах, пашни, лесу, сennaго покосу и неудобных мест 1946 десятин 511 квадратных сажень.

Разстояние от Никитска доприкосновенных городов

Москвы	31		верст
Бранниц	25		
Коломны	65		
Серпухова	67		
Подола	20		

Никитской уезд граничит

К востоку з Бронницким, к югу с Серпуховским, к западу с Подолским и Звенигородским уездами.

Церквей

каменных	36 ³
деревянных	35
пустынь	1
погостов	3
сел	67
сельцов	57
деревень	111
дворян	63

Домов

каменных	10
деревянных	27
мельниц	6

Крестьян

казеннаго ведомства	9835
владельческих	13708

Пахатной земли, сенного покосу, лесу, всего 126247 десятин 2221 сажень. Грунт земли серой глиною, а местами пещан. Хлеб сеется рожь, ярица, ячмень, овес, греча. Урожай бывает в трое, а иногда и в четверо. Лесов в сем уезде посредственное довольство. Растет береза, осина и дуб и малая часть елеваго.

Пропитание жителей состоит: 1-е в хлебопашестве, 2-е в ломке и продаже белаго камня разной величины и известки. В разсуждении сего подземнаго богатства село Мячково имеет большую связь с городом Москвою, которую оно для всех почти строений снабдевает лучшим белым камнем. Жители ломают и вынимают из ям камни одною естественною силою без всякой помощи механики.

3-е в наемной работе как весною для препровождения бичевою⁴ стругов⁵ идущих чрез часть уезда вверх по Москве-реке, так и в вызвозничестве в Москве и в отдаленныя места.

Ярмонки и торги собираются в следующих селениях

В селе Верхнем Мячкове ведомства Дворцовой канцелярии сентября 8 числа, на которой продают из Москвы и других городов купцы шелковыя, бумажные и другие мелочные товары, а крестьянство из окрестных селений привозят свое изделие. В селе Пахре, Старой Ям тоже Дворцоваго ведомства положение имеющем на реке Пахре и на Каширской болшой дороге торги бывают еженедельно в пятницу продажею шелковых, суконных и протчих мелочных товаров небольшим количеством. В селе Шибанцове ведомства Коллегии Экономии положение имеющем на болшой Каширской дороге еженедельно по четверткам торгуют товарами холстом, хорчевым припасом и разным хлебом.

В селе Ильинском порутчика Николая Леонтьева бывает 20 июля. Съезжаются из разных городов купцы и мещаня с разным мелочным товаром. Ведомства Главной Дворцовой канцелярии в селе Никитском сентября 14 и 15 дня съезжаются крестьянство с хлебом, холстом и протчими изделиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. С 1796 г. город Никитск стал называться селом Кольчево. Сейчас это поселок Кольчево Домодедовского района (Кольчевский с/с).

2. Белый камень шел на строительство домов в Москве.

3. В 1697 г. в селении были построены

пятиглавая церковь Обновления Храма и колокольня из белаго камня.

4. Бичевою — тянуть судно бичевою (прочной веревкой) для тяги против течения реки лошадьми или людьми (бурлаки).

5. Струги — речные суда, гребные и парусные.

Город Подол¹

Сие селение прежде было отчиною монастыря Даниловскаго², потом ведомства государственной Коллегии Экономии³.

Положение онаго на болшой из Москвы в Серпухов дороге и на обеих сторонах реки Пахры протекающей чрез него от запада на восток и имеющей здесь оба берега возвышенныя.

церковь каменная	1
дворов	95
число жителей, написанных в ревизию	341

Под оным селением земли состоит 53 десятины и 709 сажень.

Главное пропитание жителей

1. В содержании постоянных дворов и харчевен, в которых имеют продажу разным харчевым припасам, так же сену и овсу и дехтю и по притчине множественнаго числа проезжающих людей и идущих в зимнее время из Украины по лежащей чрез оной Киевской дороге обозов в сем торге великой расход бывает.

2. В лавках коих в городе семь содержится холст, выбайка⁴, пестредь⁵, харчевые припасы, мясо, рыба, масло, сало и мед и для конской упряжи разные принадлежности.

3. Наимываютца в ызвоз как по лежащей чрез сей город болшой дороге так и в отъезд в разные города, а некоторые работу находят на фабриках и заводах в Москве и Серпухове.

В разных мастерствах находитца 7 человек.

В оном селении фабрика в коей на 6 станах выделяются в год до 15000 клетчатых шелковых платков, в работе упражняются из тамошних жителей.

В реке Пахре ловится рыба: щуки, окуни, пискари, ерши, головли, а на берегах оной находится много белаго камню, кой для строения овинов и мощения улиц жители употребляют.

По обмежаванию земли по оному и к состоящим в одной окружной меже селениям состоит пашни, лесу, сennaго покосу и неудобных мест всего 3780 десятин 1524 сажени.

Расстояние от Подола до прикосновенных городов: Москвы 33, Звенигорода 51, Никитска — 20, Серпухова — 58 верст.

Подолской уезд граничит к востоку с Никитским, к югу с Серпуховским, к западу с Тульским наместничеством и к северу с Звенигородским уездами.

В оном уезде церквей .

каменных	76
деревянных ⁶	50
погостов	6
сел	79
селцов	68
деревень	170
дворян	102

Домов

каменных	12
деревянных	101

Крестьян

казеннаго ведомства	3003
владельческих	20413

Пахотной земли, сennaго покосу и лесу всего 144492 десятины, 342 сажени. Грунт земли суглинок и требующий удобрения. Хлеб обыкновенно сеется рожь, ячмень, овес, греча; конопли, лен, горох, которому урожай бывает болшею частию в три меры.

Лес растет: береза, осина, дуб и мелкая поросль, которой употребляетца для дров.

Пропитание в сем уезде жителями получается во-первых, от хлебопашества, от обращения в извозничестве по разным городам и уездам и от найма на фабрики и в другая работы.

Ярмонки бывают в нижеписанных селениях, на которыя съезжаются крестьянство и привозят на продажу хлеб, холст, шляпы, колесы, лыки и разные изделия.

Октября 1 дня в селе Покровском тайнаго советника и кавалера Василья Ивановича Стрешнева.

Июня 26 дня в селе Богородском, Ватутинки тоже коллежскаго советника Василья Толстова.

В селе Бадееве Экономическаго ведомства по воскресным дням торги бывают, на которыя из разных городов съезжаются купцы и мещаня с разными мелочными для крестьянства припасами, а крестьяня привозят разной хлеб, пенку, холст, сермяжныя сукна⁷ и протчие изделия.

1. Город существует с 1781 г., до этого было селом Подол, принадлежащим в качестве вотчины Московскому Данилову монастырю, хотя впервые упоминается в летописях в начале XVII в. С 1764 по 1781 г. село было в ведении Государственной Коллегии экономии (ныне Подольск).

2. Данилов монастырь — первый по времени основания в Москве монастырь, не позднее 1282 г. Основан св. Данилом, князем московским (ум. 1303 г.), младшим сыном Александра Невского.

3. Коллегия экономии — после секуляризации церковных земель Коллегия, как самостоятельное центральное ведомство, управляла всеми монастырскими и архиерей-

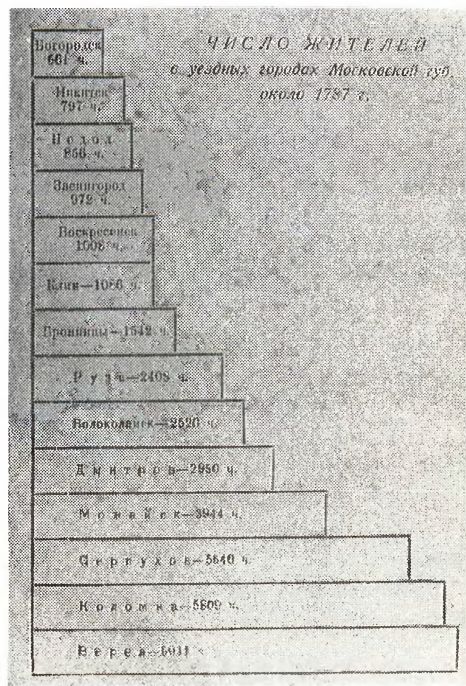
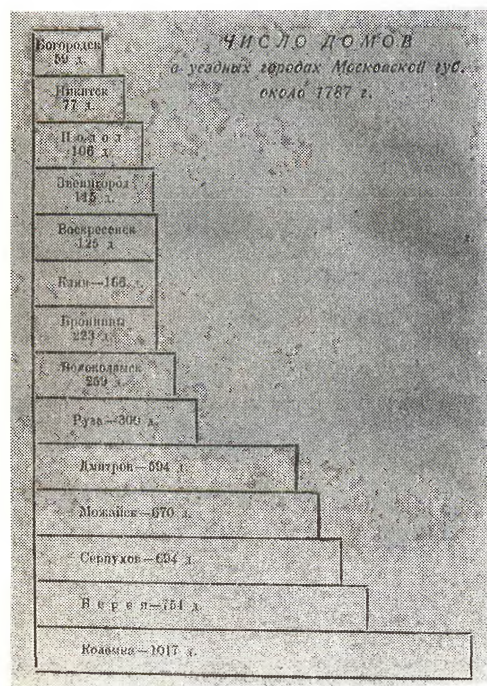
скими землями.

4. Выбойка — самый грубый ситец, по которому узор набит в одну доску, в одну крапку.

5. Пестредь (от купца Затрапезникова, которому Петр I передал пестрядинную фабрику) — пеньковая, грубая ткань, пестрая или полосатая, более синеполосая, шла на шаровары, рабочие халаты, тюфяки.

6. В 1627—1628 гг. в селе Подол была сооружена деревянная церковь, в 1726 г. — кладбищенская каменная церковь.

7. Сермяжные сукна (от мордовского сермяг — кафтан из сукна) — белое, серое, смурное, бурое, черное крестьянское сукно, некрашеное.

В Московской губернии

болших к границе оной лежащих дорог — 18, по которым до границ шести наместничеств находится следующее расстояние:

1. По Санкт-Петербургской до Клину 82, а от него до границы Тверского наместничества 38, итого 120.

2. По Воскресенской до Волоколамска 107, а от одного до границ того ж наместничества по одной дороге 28, а по другой в 14 верстах от Волоколамска от первой разделяющейся 44, итого 173.

3. По Звенигородской до Рузы 88, а от Рузы до Можайска 22, а от него до границ Смоленского наместничества 28, итого 138.

4. По Можайской до Можайска 99, а от одного до границ Смоленского наместничества 28, итого 127.

5. По Боровской до границ Калужского наместничества 65.

6. По Каменской до границ того же наместничества 56.
 7. По Калужской до границ того же наместничества 72.
 8. По Серпуховской до Серпухова 88, а от одного до границ Тульского наместничества 6, итого 94.
 9. По Коломенской до Коломны 100, а от одной до границ Рязанского наместничества 5, итого 105.
 10. По Каширской до границ Тульского наместничества 104.
 11. По Раменской, которая сперва идет по Коломенской 14, а оттуда отделяясь до границ Рязанского наместничества 72, итого 86.
 12. Носовихская до границ того же наместничества 70.
 13. По Владимирской до Богородска 48, а от одного до границ Владимирского наместничества 32, итого 80.
 14. По Стромынке до границ Владимирского наместничества 65.
 15. По Хомутовке до границ Владимирского наместничества 63.
 16. По Троицкой до границ одного наместничества 74.
 17. По Дмитровской до Дмитрова 60, а от него до границы одного ж наместничества 32, итого 92.
 18. По Рогачевской до границ Тверского наместничества 75.
- В сех же до шести соседних наместничеств по большим дорогам верст — 1659.

Разстояние между городами

От Коломны до Серпухова 80, от Серпухова до Звенигорода — 90, до Можайска — 122, от Можайска до Рузы — 26, до Волоколамска — 58, от Рузы до Волоколамска — 50, до Звенигорода — 48, до Клина — 76, от Волоколамска до Клина — 60, от Клина до Звенигорода — 65, до Дмитрова — 54, от Дмитрова до Звенигорода — 80, итого между городов кроме новоназначенных 809, а во всей же московской губернии назначенных столпами верст — 2468.

РГБ. ОР. Ф. 313. Ед. хр. 19. Л. 71—91 об.

*Публикация
кандидата исторических наук
Любови РЯБЧЕНКО*

В КОНЦЕ НОМЕРА

Юмор из спецхрана

У кого на лбу свастика?

Циркуляр Главлита от 25 декабря 1935 г.

Секретно

Всем Крайкомам, Главлитам АССР, всем уполномоченным по г. Москве, Главлитам союзных республик.

Для сведения*

В период работы VII Конгресса коминтерна фоторепортером «Союзфото» Лоскутовым был произведен снимок тт. Сталина и Димитрова (№ 207424) сидящих в президиуме. На снимке пряди волос на лбу у тов. Димитрова так переплетены, что получается впечатление подрисованной свастики. Снимок в ряде центральных краевых и заграничных изданий был опубликован.

За последнее время отмечено появление этого снимка в журналах и на обложках книг. Главлит категорически запрещает дальнейшее печатание указанного снимка.

Издания отпечатанные с этим снимком и не разошедшиеся следует задержать и сообщить в Главлит с приложением образца.

Зам. нач. Главлита

Таняев

РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 27. Д. 1. Л. 18. Машинописная копия.

*Публикация
НИКОЛАЯ СИДОРОВА*

Источник 3/1994

* Сохранены стиль и пунктуация подлинника.

«Название города давно устарело»

Тов. СТАЛИН!

Прошу Вашего указания по следующему вопросу.

В течение последних полутора лет перед областными организациями ставится вопрос о переименовании города Челябинска.

Эти предложения высказывались отдельными товарищами, и на пленуме областного комитета партии, и на собраниях городского партийного актива.

Челябинск в переводе на русский язык означает яма.

Поэтому часто при разговорах слово «челяба» употребляется как что-то отрицательное, отсталое.

Название города давно уже устарело, оно не соответствует внутреннему содержанию города.

Город за годы революции, и в особенности за годы пятилеток, коренным образом изменился.

Из старого казацко-купеческого городишка город превратился в крупнейший индустриальный центр.

Вот почему старое название города не соответствует сегодняшнему действительному положению.

Поэтому мы просим Вас разрешить нам переименовать город Челябинск в город Кагановичград.

Переименование хорошо бы провести на предстоящем областном съезде советов.

С коммунистическим приветом

*РЫНДИН**.

19.IX.36**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 639. Л. 15.

Библиотека журнала «Источники»

Выходит из печати новая книга

«Кремлевский самосуд».
Секретные материалы Политбюро ЦК КПСС
о писателе А. И. Солженицыне. 1963—1979.

*На протяжении многих лет
деятельность писателя, его личная жизнь
были под пристальным вниманием
партийных верхов.
Документы, вошедшие в сборник, показывают,
как вызревали и реализовывались
замыслы небывалой травли.*

Находится в производстве книга ученого
Владимира Лебедева

«Державный орел России».

*В ней рассказывается об истории российского герба,
помещены более 100 черно-белых и цветных
рисунков двуглавых орлов — от орла хеттских царей
(XIII век до н. э.) до недавно учрежденного
герба Российской Федерации.*

По вопросам покупки обращаться:
тел. 202-15-93, 202-34-39, 202-62-65.

В следующем номере:

Мученики Руси

«Слава Богу за все...»

Письма великой княгини Елизаветы Федоровны
к императору Николаю II.

Художник и власть

«Надеемся, что партия поможет».

Заявление деятелей социалистической культуры
об укреплении партийного руководства
творческими организациями.

Монументы

Готовил ли Хрущев свои мемуары для публикации
за рубежом?

Публикуем запись беседы
в Комитете партийного контроля.